

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**ВЕСТНИК
ВОЛОГОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в январе 2016 г.

№ 1 (4) / 2017

СЕРИЯ: ГУМАНИТАРНЫЕ,
ОБЩЕСТВЕННЫЕ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВОЛОГДА
2017

№ 1 (4) / 2017 / ФЕВРАЛЬ. Выходит не менее двух раз в год.

Научный журнал «Вестник ВоГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2016 г.

Полносетевые версии выпусков научного журнала размещены в свободном доступе
Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru).

Направления: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ, ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ,
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Группы специальностей:

07.00.00 Исторические науки

10.01.00 Литературоведение

09.00.00 Философские науки

10.02.00 Языкознание

13.00.00 Педагогические науки

Учредитель: ФГБОУ ВО «Вологодский государственный университет»

Главный редактор

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Заместитель главного редактора

Н.А. Ястреб, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ

Ответственный редактор

Н.Н. Постникова, кандидат филологических наук, редактор редакционно-издательского отдела ВоГУ

Редакционная коллегия:

О.Е. Баксанский, доктор философских наук, профессор Института философии РАН,

С.Ю. Баранов, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ,

К. Вашик, доктор наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ, директор Института иностранных языков земли Северный Рейн-Вестфалия при Рурском университете г. Бохума (Германия), почётный доктор ВоГУ,

Л.В. Егорова, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ,

Л.В. Изюмова, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории ВоГУ,

Ф.И. Кевля, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики ВоГУ,

С.М. Кибардина, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации ВоГУ,

И.Е. Колесова, кандидат филологических наук, ученый секретарь ВОУНБ им. И.В.Бабушкина,

О.В. Никитин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания Историко-филологического института Московского государственного областного университета,

Н.Б. Розова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ,

В.А. Саблин, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории и социально-экономических дисциплин, декан исторического факультета ВоГУ,

Е.Б. Якимова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ

Переводчик

Ю.Н. Драчёва, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ

Редактор – О.М. Ванчугова

Оригинал-макет – С.В. Кудрявцев

Адрес редакции: 160000, г. Вологда, ул. С. Орлова, д. 6; тел.: 8 (8172) 76-91-92, 72-11-55

<http://www.vestnik.vogu35.ru>; e-mail: vestnik@mh.vstu.edu.ru

ISSN 2500-2457

© ФГБОУ ВО «Вологодский
государственный университет», 2017

Содержание

Ильина Е.Н. «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В РАБОТЕ НАД ВЫПУСКАМИ ЖУРНАЛА В 2017 ГОДУ?	5
Мельникова Н.Г. МНЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»	6
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Безнин М.А., Димони Т.М. НАКОПЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ СССР	7
Кедров Н.Г. РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	12
Кузьмичёва А.Е. «НОН ГРАТА» В ПАРИЖЕ: ЮЗЕФ БЕК	17
Петелин Б.В. ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА	20
Пчелинцев А.И. «БРАТЪ ЖЕ ЕГО МОЛОДШИ... НЕ СЪТУПИСЯ ЕМУ КНЯЖЕНА»: О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОЙ МЕЖДОУСОБИЦЫ В СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОМ КНЯЖЕСТВЕ	23
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	
Дёмин И.В. ПРАКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ СООТНЕСЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ПРОШЛЫМ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА	27
Ястреб Н.А. ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРОЖДЕННЫХ ИДЕЯХ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	34
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	
Баранов С.Ю. СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА С ФРОНТА» И ВАРИАНТЫ ЕЕ РАЗРАБОТКИ (А. ПЛАТОНОВ, Э. КАЗАКЕВИЧ, В. БЕЛОВ). Статья вторая	38
Егорова Л.В. ВЕЛИКИЕ ТРАГЕДИИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ	51
Розанов Ю.В. «ЛИК ТВОРЧЕСТВА» ПИСАТЕЛЯ А.М. РЕМИЗОВА	58
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Драчёва Ю.Н. ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ	64
Зубова Н.Н. СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА	68
Нуралиева Л.А. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА	72
Терещук А.А. ФЕНОМЕН «SESEO» В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КАТАЛОНИИ	76
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Гузакова О.Л. УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	81
Леханова О.Л., Селина А.В. МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	85
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
Никитин О.В. «ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕШКОВСКОГО В ЮНОСТИ. ТЕМА ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНАЯ...» (ОПЫТ ВОССОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО)	89
Погожев С.Э., Якимова Е.Б. ЖИЗНЬ В ОБРАЗОВАНИИ (ПАМЯТИ А.П. ЛЕШУКОВА)	97
Праг В.А., Цыплёнок Н.А. СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТА ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ, КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ФИЗИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВоГУ В ЛИЦАХ (1920–1940-е годы)	103
НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ	
Третьякова О.В. НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ	109
Ганичева С.А. ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ГРАНТ ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ)	111
Красильников Р.Л. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СКЛЯРОВ О.Н. В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ПУСТОТЫ И НЕБЫТИЯ: НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. М.: ИЗД. ПСТГУ, 2014. 224 с.	112
Якушева Л.А. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШЕКСПИР УИЛЬЯМ. МАКБЕТ: ВЕЛИКИЕ ТРАГЕДИИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ / ПОД ОБЩ. РЕД. И.О. ШАЙТАНОВА; [ПЕР. С АНГЛ. С. СОЛОВЬЕВА, М. ЛОЗИНСКОГО, Б. ПАСТЕРНАКА]; СОСТ., ПРЕДИСЛ., КОММЕНТ. Л. ЕГОРОВОЙ. М.: ПРОЗАиК, 2015. 431 с.	114
Берсенёва Л.А. УЧЕБНЫЕ КУРСЫ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕЧЕВОГО РЕЖИМА УНИВЕРСИТЕТА	116
Сведения об авторах	118

Contents

<i>Ilyina E.N.</i> 'VOLOGDA STATE UNIVERSITY BULLETIN': WHAT IS NEW IN PUBLISHING THE JOURNAL IN 2017?	5
<i>Melnikova N.G.</i> REVIEW ON 'VOLOGDA STATE UNIVERSITY BULLETIN' JOURNAL	5
HISTORY	
<i>Beznin M.A., Dimoni T.M.</i> THE ACCUMULATION OF INTELLECTUAL CAPITAL IN THE SOVIET ECONOMY	7
<i>Kedrov N.G.</i> THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE PEASANTRY COLLECTIVISATION: PROBLEMS OF STUDYNG	12
<i>Kuzmicheva A.E.</i> «NON GRATA» IN PARIS: JÓZEF BECK	17
<i>Petelin B.V.</i> GREAT BRITAIN AND MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION	20
<i>Pchelintsev A.I.</i> «HIS YOUNGER BROTHERS... DID NOT CONCEDE REIGNING TO HIM»: ON PROBLEMS OF STUDYING OF THE FIRST CIVIL STRIFE IN THE SUZDAL AND NIZHNY NOVGOROD PRINCIPALITY	23
PHILOSOPHY	
<i>Demin I.V.</i> PRACTICAL AND HISTORICAL METHODS OF PERSON RELATEDNESS WITH PAST IN MICHAEL OAKSHOTT'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION	27
<i>Yastreba N.A.</i> EVOLUTION OF VIEWS OF INNATE IDEAS IN EUROPEAN PHILOSOPHY	34
LITERARY STUDIES	
<i>Baranov S.Yu.</i> THE PLOT SITUATION OF <i>A SOLDIER'S RETURNING AFTER THE WAR</i> AND ITS VARIANTS (A. PLATONOV, E. KAZAKEVICH, V. BELOV). Article 2.	38
<i>Yegorova L.V.</i> GREAT TRAGEDIES IN RUSSIAN TRANSLATIONS	51
<i>Rozanov Yu.V.</i> "FACE OF CREATIVITY" OF THE WRITER A.M. REMIZOV	58
LINGUISTICS	
<i>Dracheva Yu.N.</i> STUDY OF TRADITIONAL FOLK CULTURE LANGUAGE IN MODERN DISCURSIVE PRACTICES	64
<i>Zubova N.N.</i> STYLISTIC DIFFERENTIATION OF DIALECT SPEECH AND ITS REFLECTION IN THE PROSE OF ALEXANDER YASHIN	68
<i>Nuralieva L.A.</i> FUNCIONAL TYPES OF FOLKLORE CHARACTERS IN NIKOLAY KLYUEV'S POETRY	72
<i>Tereshchuk A.A.</i> THE PHENOMENON OF «SESEO» IN THE SPEECH OF THE MEMBERS OF THE RUSSIAN-SPEAKING EMIGRANTS IN CATALONIA	76
PEDAGOGY	
<i>Guzakova O.L.</i> MANAGEMENT CULTURE OF ADMINISTRATORS AS A CONDITION OF INCREASING ACTIVITY EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS	81
<i>Lekhanova O.L., Selina A.V.</i> METHODOICAL RECOMMENDATIONS ON SOCIAL COMPETENCE FORMATION OF PRESCHOOL CHILDREN WITH MENTAL DEVELOPMENTAL DELAYS	85
ACADEMIC LIFE OF THE UNIVERSITY	
<i>Nikitin O.V.</i> «PESHKOVSKY'S BIOGRAPHY IN HIS YOUTH. THE THEME IS VERY REWARDING...» (THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE PORTRAIT OF THE FAMOUS SCIENTIST)	89
<i>Pogozhev S.E., Yakimova E.B.</i> LIFE IN EDUCATION (IN MEMORY OF A.P. LESHUKOV)	97
<i>Prag V.A., Tsyplenkova N.A.</i> PAGES OF HISTORY OF APPLIED MATHEMATICS, COMPUTER TECHNOLOGY AND PHYSICS FACULTY OF THE PEDAGOGICAL INSTITUTE OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY IN PORTRAITS (1920–40s)	103
SCIENTIFIC SURVEYS, RESEARCH REPORTS, COMMENTS AND REVIEWS	
<i>Tretyakova O.V.</i> 'VOLOGDA STATE UNIVERSITY BULLETIN' ACADEMIC JOURNAL: THE EXPERT'S REPORT	109
<i>Ganicheva S.A.</i> ELECTRONIC DICTIONARY OF THE DIALECTAL LANGUAGE PERSONALITY (STATE RESEARCH GRANT OF THE VOLOGDA REGION)	111
<i>Krasilnikov R.L.</i> BOOK REVIEW: SKLYAROV O.N. <i>IN THE CONSPIRACY AGAINST EMPTINESS AND NON-EXISTENCE: NEOTRADITIONALISM IN THE RUSSIAN LITERATURE OF THE 20TH CENTURY</i> . MOSCOW, 2014. 224 PP.	112
<i>Yakusheva L.A.</i> BOOK REVIEW: <i>WILLIAM SHAKESPEARE. MACBETH: GREAT TRAGEDIES IN RUSSIAN TRANSLATIONS</i> / ed. I.O. Shaitanov [S. Soloviev, M. Lozinsky, B. Pasternak, Trans]; L. Egorova, Compilation, Foreword, Commentaries. MOSCOW, 2015. 431 PP.	114
<i>Berseneva L.A.</i> TRAINING COURSES ON COMMUNICATION AND SPEECH PROBLEMS AS A MEANS OF IMPROVING COMMUNICATIVE MODE IN THE UNIVERSITY	116
Information about the authors	118

Е.Н. Ильина

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

«ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ЧТО ИЗМЕНИТСЯ В РАБОТЕ НАД ВЫПУСКАМИ ЖУРНАЛА В 2017 ГОДУ?

Проблемы эффективности научной периодической печати уже неоднократно обсуждались и продолжают обсуждаться научным сообществом как с позиций повышения качества научного контента периодических изданий, так и с точки зрения оптимизации пути продвижения публикуемых в них результатов научных исследований, востребованности этих результатов в сфере профессиональной коммуникации. 31 января 2017 года Министерство образования и науки Российской Федерации обнародовало новый свод рекомендаций по подготовке и оформлению статей в научных журналах (<http://минобрнауки.рф/%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%81-%D1%86%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%80/9481>). Уже само название этого документа: *«Краткие рекомендации для авторов по подготовке и оформлению научных статей в журналах, индексируемых в международных наукометрических базах данных»* – ориентирует читателя на осмысление полученного им научного результата в качестве объекта пиар-деятельности. По мнению составителей данных рекомендаций, *«научная публикация в современном мире научных коммуникаций не имеет ценности, если ее никто не прочитал, не использовал и не процитировал»* (с. 4). Следствием продвижения репрезентируемых результатов является *«не только вклад ее результатов в развитие науки, но и поиск единомышленников, обмен данными между ними»* (с. 4). Изучение характера воздействия той или иной публикации на профессиональное сообщество в первую очередь фокусируется в сфере измерения сетевой активности вокруг заявленной темы (количество и качество цитат, индекс Хирша и др.). Обращает на себя внимание стремление авторов рекомендаций обеспечить международное обсуждение результатов работы локальных научных школ: *«Очень важно представить научному сообществу результаты качественного научного исследования в авторитетном зарубежном или российском журнале, индексируемом в международных наукометрических базах данных или “глобальных индексах цитирования”, в таких как Web of Science, Scopus и других»* (с. 3). С этой целью Минобрнауки публикует в своих рекомендациях общепринятые требования к структуре научной статьи (с. 5), среди которых обращают на себя внимание правила оформления названий статей и авторских аффилиаций, необходимость увеличения объема аннотаций (150–250 слов) и стандартизация их структуры (актуальность темы исследования, постановка проблемы, представление цели и методов исследования, его результатов и ключевых выводов),

стремление к репрезентации в тексте статьи основных исследовательских блоков (введение, методы, результаты, обсуждение, заключение) в сочетании с выражением благодарности тем, кто оказал помощь в работе или финансировал ее выполнение, а также к максимально корректному представлению списка источников. Принимая во внимание высказанные рекомендации, редакционная коллегия журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки» планирует внести коррективы в перечень требований к оформлению статей, который представлен на сайте журнала (<http://www.vestnik.vogu35.ru>).

Обращает на себя внимание еще одна рубрика рекомендаций, опубликованных на сайте Минобрнауки РФ: критерии выбора журнала для публикации результатов своего научного исследования (с. 6). Большинство из этих критериев ориентировано в первую очередь на международное продвижение результатов научных исследований: это и стремление к выбору наиболее авторитетных международных издательств, и оценка параметров журнала по уровню его измеряемой востребованности – отнесенности к одному из квартилей, по значению Импакт-фактора, CiteScore и индикатора SJR. Возникает вопрос: неужели все сколько-нибудь значимые научные результаты рано или поздно окажутся в наиболее «продвинутых» научных периодических изданиях? Какова в таком случае судьба региональной научной периодической печати, публикующей результаты исследований в области гуманитарных, социальных и педагогических наук? В том числе и судьба «Вестника Вологодского государственного университета»?

Первый год существования этого журнала показал, что у него сформировался определенный круг авторов. Четыре опубликованных выпуска издания (включая первый выпуск 2017 года) содержит 104 научных материала (83 статьи и 21 работа других жанров), подготовленных 95 авторами – докторами (33), кандидатами наук (51) и специалистами без ученой степени (11). Более 70% авторов – исследователи, проживающие в Вологодской области, большинство из них (59) – сотрудники Вологодского государственного университета. Вместе с тем в каждом выпуске журнала публикуются российские ученые других научных центров (Москвы, Брянска, Иркутска, Краснодара, Новгорода, Самары и др.), а также зарубежные коллеги из Австрии, Словакии, Германии, Испании, Швеции, Украины.

Что может сделать «Вестник Вологодского государственного университета», ориентируясь на последние рекомендации, предложенные Министерством образования и науки Российской Федерации?

Во-первых, расширить состав редколлегии за счет включения в нее специалистов из других научных центров. В 2017 году в состав редколлегии журнала «Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Гуманитарные, общественные и педагогические науки» вошли ведущий научный сотрудник Института философии РАН Олег Евгеньевич Баксанский и профессор Московского государственного областного университета Олег Викторович Никитин. В 2017 году мы будем стремиться также расширить проблематику публикуемых материалов, географию авторов и рецензентов научных статей.

Во-вторых, обращать более пристальное внимание на продвижение результатов публикуемых исследований, имея в виду не только сетевую активность вокруг их проблематики, но и внедрение публикуемых материалов в практику научно-исследовательской деятельности и учебно-методической работы. Так, например, обучение студентов филологического факультета ВоГУ по направлению подготовки «Журналистика» включает в себя учебный курс «Актуальные проблемы науки и их отражение в СМИ». В рамках этого учебного курса редакционной коллегией

«Вестника» совместно с Отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения ИСЭРТ РАН организован практикум, нацеленный на популяризацию научных публикаций вологодских научных журналов в периодической печати.

И, в-третьих, самое главное – сохранение и улучшение качества научного контента издания, его научного «лица». В условиях размещения полнотекстовых изданий в открытом доступе на первый план выходит содержательный аспект самих статей: если в статье публикуется серьезный научный результат, если она грамотно и логично написана, если аннотация и ключевые слова позволяют индексировать ее действующими поисковыми системами, то не так уж и важно, в каком – столичном или региональном – издании работа опубликована. Поэтому самой важной задачей для нас будет обеспечение качества издания «Вестника Вологодского государственного университета». Это станет возможным только в результате совместной, заинтересованной, плодотворной работы всех специалистов, имеющих отношение к созданию журнала: авторов статей, рецензентов, научных и технических редакторов, сотрудников университета, оказывающих журналу организационную и финансовую поддержку. Только так мы сможем обеспечить журналу достойное будущее.

Н.Г. Мельникова
кандидат филологических наук,
заведующий редакцией

Череповецкого государственного университета

МНЕНИЕ О ЖУРНАЛЕ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

Научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета» сравнительно недавно «возродил» свою деятельность серией «Гуманитарные, общественные и педагогические науки». Опубликованные в 2016 году выпуски данного издания демонстрируют серьезный подход и глубину намерений редакторского коллектива. На сайте журнала четко прописана его цель: ознакомление российской и зарубежной научной общественности, аспирантов и студентов с новыми научными результатами, имеющими значение в области фундаментальной и прикладной науки.

«Вестник ВоГУ» является рецензируемым периодическим научным изданием, что явно ощущается при знакомстве с содержанием номеров. Авторами публикаций журнала, как правило, являются лица, имеющие ученую степень, что, несомненно, отражается на содержании всего издания. Хочется отметить работу издательского коллектива: в подборке всех материалов журнала чувствуется их тщательная обра-

ботка. Интересными и обращающими на себя внимание читателя являются разделы, посвященные научной жизни университета, публикации научных обзоров, отчетов, отзывов и рецензий. Неформальный подход к созданию «Вестника ВоГУ» позволяет делать его интересным, привлекающим внимание научного сообщества.

В целом научный журнал «Вестник Вологодского государственного университета» соответствует современным требованиям, предъявляемым к изданиям подобного рода и уже привлекает внимание читателей. Вместе с тем ощущается необходимость дополнить сведения о журнале, касающиеся его функционирования в системе СМИ, модернизировать сайт издания, расширить географию и проблематику, а также увеличить объем публикаций, активнее привлекать к сотрудничеству зарубежных ученых. Необходимо также иметь в виду, что требования к научным журналам и сайтам, на которых они размещаются, постоянно обновляются.

М.А. Безнин, Т.М. Димони
Вологодский государственный университет

НАКОПЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИКЕ СССР

В статье подвергаются изучению вопросы интеллектуальной капитализации экономики СССР. Интеллектуальный капитал, приобретавший все большую роль с середины XX века, рассматривается в качестве важнейшего фактора производства. В статье дан обзор мнений исследователей об интеллектуальном капитале и новом социальном классе интеллектуалов. Уровень накопления интеллектуального капитала в экономике СССР оценивается в соответствии с индексом уровня общеобразовательной и деловой подготовки населения с 1940 по 1985 гг., количеством человеко-лет обучения, приростом уровня сложности труда в соответствии с соотношением между приростом тарифного разряда рабочих и уровнем подготовки, финансовых затратах на науку. Авторы приходят к выводу о поступательном нарастании интеллектуального капитала в СССР и о наиболее высоких темпах этого процесса в конце 1950-х – начале 1970-х гг.

Экономика СССР, интеллектуальный капитал, капитализация, образование, наука.

В изучении крупных экономических трансформаций немаловажную роль играет исследование факторов производства, динамики их соотношения. Как известно, самое продолжительное время в истории человечества основную роль играли такие факторы производства как земля и живой труд человека. С началом индустриального периода на первый план выходит такой экономический ресурс как капитал. О его значении и истории становления госкапитализма в России советского периода авторы статьи уже много писали [2; 3; 4; 5; 12; 13; 14; 15; 16]. Исследование накопления капитала (производственных основных фондов) в сельском хозяйстве СССР, произведенное авторами данной статьи, показало, что его величина возросла с 21,3 млрд руб. в 1940 г. до 94,1 млрд руб. в 1980 [7; 10]. И наконец, начиная со второй половины XX века, все большую роль в факторах производства играет интеллект.

В 1969 г. Дж.К. Гэлбрейтом было введено в научное поле понятие «интеллектуальный капитал». Он определил этот термин как нечто большее, чем «чистый интеллект» человека, включающее определенную интеллектуальную деятельность [20]. По мнению Дж. Гэлбрейта, во второй половине XX в. мировая экономическая система вступила в новую стадию своего развития, специфической чертой которой стало изменение роли факторов, участвующих в процессе общественного производства: приоритетным направлением материальных и финансовых инвестиций становится интеллектуальный капитал, приобретающий форму капитала в силу общественной необходимости участия в создании общественных благ. В конце XX века П. Друкер писал об этом как о свершившемся факте. По его мнению, в «обществе знания» базисным эконо-

мическим ресурсом уже являются знания, а не капитал, природные ресурсы или рабочая сила. Он отмечал, что «знание стало ключевым экономическим ресурсом и доминантой – и возможно даже единственным источником конкурентного преимущества» [22].

Сегодня общепринятое определение интеллектуального капитала отсутствует. В общих чертах интеллектуальный капитал трактуется как капитал, воплощенный в знаниях, умениях, опыте, квалификации людей [33]. Современные авторы отмечают, что интеллектуальный капитал выступает в качестве определяющей составной части производственного капитала экономики, что связано с созданием добавленной стоимости, базирующейся на знании и инновациях, носителем которых выступает человек с его развитыми способностями, определяемыми высоким интеллектуальным и творческим потенциалом [23].

Развитие теории интеллектуального капитала было продолжено осмыслением становления нового класса – носителя интеллектуального капитала. Основные идеи о новом классе были сформулированы в 1980–1990-е гг. Э. Гоулднером и А. Турэнном. Э. Гоулднер говорил о возникновении во всех странах мира независимо от их общественной системы «нового класса интеллектуалов и интеллигенции» [18; 19]. Описывая структуру нового класса, Гоулднер указывал на присутствие в ней как «интеллектуалов», так и «технической интеллигенции». Автор выделяет два основных теоретических параметра для измерения «нового класса»: 1) специфическую культуру дискурса, коммуникативное поведение; 2) общую теорию капитала, в которой «человеческий капитал» нового класса или «денежный капитал» старого капитали-

стического класса представляют собой частные случаи. Указанные параметры, по Э. Гоулднеру, определяют два основных образа в проявлении нового класса: образ «культурной буржуазии» («буржуазия» – в силу обладания специфическим видом капитала) и образ «общности специфического культурного дискурса». Класс интеллигенции и интеллектуалов представляет собой более образованную часть по сравнению со старым капиталистическим классом, а образование, знание являются тем самым специфическим капиталом, который, как считает Э. Гоулднер, определяет новый класс в среде классов собственников. Более того, по его мнению, возникновение нового класса является следствием диалектического развития капиталистического класса, так как получение прибыли в условиях конкуренции требует рационализации производства, повышения его эффективности, что существенно зависит от усилий нового класса интеллектуалов – интеллигенции и его специальных умений. Поэтому, полагает автор, старый капиталистический класс вынужден инвестировать класс интеллигенции и способствовать поддержке его социального статуса иными средствами.

Еще одной важной чертой «нового класса», которую отмечают зарубежные социологи 1980–1990-х гг., является собственная идеология и собственные интересы, представленные в культурном капитале. Значительная часть социологов считает, что интеллектуалы движутся по пути к классовой власти. Например, И. Селеньи, Дж. Конрад считали, что с конца 1950-х гг. в СССР началось образование нового правящего класса, который, по всей видимости, включит в себя всю интеллигенцию [24]. Особенно ярко вхождение интеллектуалов во власть описывает французский социолог А. Турэн, который считает, что в условиях растущей концентрации власти, совмещения экономического господства, политической власти и культурной манипуляции недоминантные социальные группы вынуждены вести борьбу за свою самоидентификацию, становятся социальными акторами [30, 31]. Об этом же пишет уже упоминавшийся Э. Гоулднер, по мнению которого новый класс интеллигенции и интеллектуалов, вырастающий на основе присвоения коллективно произведенного культурного капитала, представляет собой революционную силу общества поздней современности, является основным социальным актором нового трансформационного процесса. Нужно отметить, что в советологии тезис о конфликте интеллигенции и высших политических слоев СССР существовал и в более раннее время. Так, в 1970-е гг. С. Липсет отмечал, что советская интеллигенция стремится к власти, но коммунистическая партия стоит на пути этих устремлений [27]. Ф. Паркин писал о том, что слои технической и творческой интеллигенции являются единственными носителями знаний, способностей и квалификации, приобретающих «центральный значение для развития производителей и научных сил в современном индустриальном обществе». Эти группы интеллигенции являются «восходящим классом» и противостоят партийно-государственному аппарату – «нисходящему классу», что обуславливает необходимость перехода политической власти к интеллигенции [21].

Применительно к истории СССР авторами данной статьи было проведено изучение нарастания интеллектуального капитала в сельском хозяйстве [8; 9]. Отчасти к этой проблеме относится и исследованный авторами статьи вопрос о нарастании управленческих ресурсов в сельской экономике колхозного времени [6; 11].

По общепринятому мнению обществоведов, в наращивании интеллектуального капитала ведущую роль играет образование и развитие науки. При этом имеет значение и количество лет обучения в школе и вузе, и обучение в процессе производства, и организационные и финансовые усилия государства по развитию науки и образовательной среды.

Рассмотрим основные изменения в системе образования СССР, источники, продвигающие нас в оценке интеллектуальной капитализации и некоторые составляющие характеристик этого процесса.

Основные вехи в развитии системы образования в СССР хорошо известны. В 1930 г. было введено всеобщее обязательное обучение с 8-летнего возраста сроком не менее 4-летнего курса начальной школы. При этом в промышленных городах, фабрично-заводских районах и рабочих поселках всеобщее обязательное начальное обучение мальчиков и девочек вводилось в объеме семилетней школы [26, с. 711–715]. В 1949 году законодательно был оформлен переход ко всеобщему обязательному семилетнему образованию, а в 1958 Верховный Совет СССР принял закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», на основе которого вместо всеобщего обязательного 7-летнего образования было введено всеобщее обязательное 8-летнее образование. С 1975 г. СССР перешел к реализации программы обязательного всеобщего среднего образования (10 лет).

Профессиональное образование в СССР начало развиваться с принятием декрета Совнаркома РСФСР «О мерах по распространению профессионально-технических знаний». Важной вехой в развитии профессионального образования в СССР стало утверждение в 1920 году Положения о профессионально-технических школах, согласно которому стали создаваться школы ФЗУ. В 1940 г. была создана система Государственных резервов СССР, куда были Переданы и школы ФЗУ, реорганизованные в ремесленные училища. Школы ФЗУ, в свою очередь, были преобразованы в школы фабрично-заводского обучения (ФЗО). В 1958 г. вместо различных форм подготовки (школы ФЗО, горнопромышленные училища, РУ, ЖУ, СУ трудовых резервов и др.) был создан единый тип учебных заведений – городские и сельские профессионально-технические училища на базе 8-летней школы. Сроки обучения в городских ПТУ были установлены в интервале от 1 до 3 лет, а в сельских – от 1 до 2 лет.

Завершала пирамиду образовательных учреждений в СССР система высшего образования (институты, университеты). Одновременно с решением задач образования вузы были важным звеном в системе научной работы. Научные сотрудники работали как в академических институтах, так и ведомственных.

Прежде чем перейти к анализу некоторых сторон интеллектуальной капитализации, необходимо обратиться к источниковым возможностям ее характеристики. К ним относится, в частности, серия материалов, созданных Институтом экономики АН СССР под общей рубрикой «Для расчета экономической эффективности общественного производства». Материалы стали создаваться достаточно поздно, на закате функционирования советской экономической модели (в 1979–1988 гг.) [17; 28; 29; 32]. Основным разработчиком материалов являлся А.Т. Засухин. Большой комплект таблиц данных сборников (около 7–8 штук) показывают уровень образования населения, занятого в производстве, стоимость образования, величины затрат на науку и на внедрение в экономику достижений научно-технического прогресса. В методических пояснениях к расчетам составители указали, что они проведены для определения изменения сложности живого труда, которая видна из «показателей роста квалификации работников производственной сферы (хотя квалификация характеризует не абстрактный, а конкретный труд). В свою очередь, рост квалификации может быть установлен на основании сведений о повышении уровня образования и профессионального опыта» [32, с. 46]. В таблицах также приведены сведения, позволяющие установить корреляцию между ростом уровня образования, опыта и повышением тарифного разряда рабочих промышленности и строительства. Большинство показателей представлены в динамике с 1940 по 1977 г. Сборники содержат также расчеты среднего уровня образования рабочих промышленности за начало 1950-х и середину 1970-х гг., распределении рабочих и служащих по стажу работы, возрасту, тарифным разрядам (последние два показателя приведены по промышленным рабочим). Проведен расчет соотношения между приростом уровня образования и тарифного разряда рабочих промышленности, дан также расчет воспроизводственных затрат на подготовку кадров для материального производства.

Рассмотрим данные о нарастании образовательного уровня среди занятых в народном хозяйстве СССР (табл. 1). Как видно из таблицы, количество человеко-лет обучения всех занятых с 1940 по 1985 г. возросло более чем в 4 раза – с 292,4 млн до 1359,3 млн. В расчете на одного занятого в народном хозяйстве СССР число лет обучения за этот период выросло в 2 раза – с примерно 5 до 10,5 лет. Если мы сравним данный показатель с известными нам данными об уровне образования в дореволюционной России и СССР первых послереволюционных лет – мы увидим кардинальные перемены: по данным Б.Н. Миронова, число лет обучения населения России старше 9 лет в 1917 г. составляло около 1,1 года, в 1927 г. – 1,5 лет [25]. Обращает на себя последовательное и поступательное нарастание образовательного уровня в СССР – каждое десяти-

летие, начиная с 1940 г., прирост образовательного уровня составлял примерно 1 год. Если в 1940 г. количество лет обучения одного занятого в народном хозяйстве СССР составляло 4,65 года, то в 1960 г. 6,25 лет, в 1970 г. – 8,8 лет, в 1980 г. – 9,98 лет. Агрегированный показатель уровня образования в таблице 1 выражен в приросте сложности труда в соответствии с соотношением между приростом тарифного разряда и уровнем подготовки (выраженном в процентах). Согласно этому показателю, наиболее серьезный прирост сложности труда в народном хозяйстве СССР пришелся на период с 1965 по 1970 г. – около 0,7%. В последующие годы прирост сложности труда колебался от 0,35 до 0,59%. В рывке второй половины 1960-х годов сказались серьезные изменения в социально-экономическом развитии страны, происходившие с конца 1950-х гг., связанные с окончательным уходом аграрного общества и завершением становления индустриальной стадии производства. Исследования авторов статьи привели к выводу о завершении капитализации экономики России именно в данный исторический отрезок (капитал стал основным фактором производства) [1], что повлекло неизбежный спутник капитализации – нарастание интеллектуального капитала. После рывка 1960-х гг. интеллектуальная капитализация СССР, судя по соотношению прироста сложности труда и уровнем подготовки, нарастала более медленными темпами.

Вторым важнейшим показателем нарастания интеллектуального капитала является величина затрат на науку в бюджете страны и другие количественные параметры научных работ. Как видно из таблицы 2, количество занятых в сфере науки и научного обслуживания СССР с 1940 по конец 1970-х гг. выросло почти в 12 раз, при этом наиболее интенсивно их численность нарастала в 1950-е гг. Возрастали и суммы затрат на науку, особенно интенсивно в 1950–1960-е гг.

Таким образом, рассмотрев ряд показателей интеллектуальной капитализации экономики СССР, можно сказать, что ее явное нарастание приходится на 1950–1970-е гг. Это был переломный период в становлении государственной капитализированной экономики России, что неизбежно и логично сопровождалось большими усилиями государства по формированию интеллектуального капитала нации. К сожалению, пока экономистами не разработано единой методики подсчета роли интеллектуального капитала в создании стоимости продукта, но можно с уверенностью сказать, что он качественно изменял соотношение факторов производства, трансформировал качество рабочей силы, заставлял думать о ведущей роли инновационных составляющих производства, а носители интеллектуального капитала становились значимой социальной и политической силой развития СССР.

**УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПОДГОТОВКИ В СССР
в 1940–1985 гг.**

Годы	Численность занятых в народном хозяйстве (млн чел.)	Количество человеко-лет обучения				Индекс уровня общеобразовательной и деловой подготовки за год (1983= 100)	Прирост индекса уровня общеобразовательной и деловой подготовки за год (%)	Процент прироста сложности труда в соответствии с соотношением между приростом тарифного разряда и уровнем подготовки
		Школьно-вузовского (млн)	Производственного (млн)	Итого				
				Чел. лет обучения всех занятых	В т.ч. в расчете на 1 занятого (лет)			
1940	62,9	291,7	0,72	292,4	4,65	45,4		
1960	83,8	519,5	4,8	524,3	6,25	61,0	1	
1965	96,5	700,0	14,0	714,0	7,4	72,1	1,2	0,66
1970	106,8	920,7	20,1	940,8	8,8	85,8	2,6	1,4
1975	117,2	1082,5	39,0	1121,5	9,57	93,3	1,7	0,59
1980	125,6	1203,0	50,4	1253,4	9,98	97,4	0,8	0,44
1985	130,3	1284,8	74,5	1359,3	10,43	101,76	0,88	0,48

Составлено по: Экономическая эффективность общественного производства (статистические материалы для расчетов). М., 1988. С. 54.

Таблица 2

**ЗАТРАТЫ НА НАУКУ В СССР
в 1940–1979 гг.**

Год	Занято в сфере науки и научного обслуживания (тыс. чел.)			Затраты на науку и научное обслуживание (млрд руб.)		
	Всего			Сумма	В % к национальному доходу	В том числе из госбюджета
	Численность	В % к общей численности занятых в народном хозяйстве	В том числе научных работников			
1940	362	0,43	98,3	0,3		0,1
1950	714	0,85	162,5			0,5
1960	1763	1,75	354,2	3,9	2,7	2,3
1970	3238	2,9	927,7	11,7	4,0	6,4
1979	4264	3,17	1340,6	20,2	4,6	9,3

Составлено по: Статистическая база для расчета экономической эффективности общественного производства (1913–1977). Ч. 1. М., 1979. С. 22–23; Статистические материалы для расчета экономической эффективности общественного производства. М., 1981. С. 55.

Литература

1. Beznin, M.A. State Capitalism and Social Classes: the cultural landscape of the soviet village in the Stalinist and post-stalinist eras / M.A. Beznin, T.M. Dimoni // The soviet and post-soviet review 43 (2016). – Pp. 301–337.

2. Безнин, М.А. Проблемы трансформации социальной структуры российской деревни 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2007. – 101 с.

3. Безнин, М.А. Землепользование крестьянского двора в российском Нечерноземье в 1950–1965 годах / М.А. Безнин // История СССР. – 1990. – № 3. – С. 27–40.

4. Безнин, М.А. Крестьянская базарная торговля в Нечерноземье в 50-е – первой половине 60-х годов / М.А. Безнин // История СССР. – 1991. – № 1. – С. 69–85.

5. Безнин, М.А. Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 годах / М.А. Безнин // Российская история. – 1992. № 3. – С. 16–29.

6. Безнин, М.А. О подходах в изучении высших социальных классов российской деревни 1930–1980-х годов: дефиниции «протобуржуазия» и «менеджеры» / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Ярославский педагогический вестник. – 2014. – Т. 1. – № 2. – С. 77–85.

7. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: Тезисы научного доклада / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2003. – 35 с.

8. Безнин, М.А. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2010. – 124 с.

9. Безнин, М.А. Интеллектуалы в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Ярославский педагогический вестник. – 2013. Т. 1. – № 1. – С. 29–41.

10. Безнин, М.А. Капитализация в российской деревне 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Москва, 2009. – 128 с.

11. Безнин, М.А. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2009. – 114 с.

12. Безнин, М.А. Протобуржуазия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х гг. (новый подход к социальной истории российской деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2008. – 56 с.

13. Безнин, М.А. Процесс капитализации в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин,

- Т.М. Димони // Российская история. – 2005. – № 6. – С. 94–121.
14. Безнин, М.А. Рабочая аристократия в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2012. – 100 с.
15. Безнин, М.А. Социальная эволюция верхушки колхозно-совхозных управленцев в России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Российская история. – 2010. – № 2. – С. 25–42.
16. Безнин, М.А. Социальные классы в российской колхозно-совхозной деревне 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Социологические исследования. – 2011. – № 11. – С. 90–102.
17. Безнин, М.А. Трансформация источниковой базы исследований истории социально-экономических процессов советского периода / М.А. Безнин, Т.М. Димони // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 414. – С. 40–44.
18. Gouldner, A.W. Against Fragmentation: The origins of Marxism and the society of intellectuals / A.W. Gouldner. – N.Y., 1979. – 135 p.
19. Gouldner, A.W. The Future of Intellectuals and the Rise of the New Class / A. W. Gouldner // Social Stratification, Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / Ed. by David B. Grusky. – Westview Press, 1994. – P. 711–722.
20. Гэлбрейт, Дж. Новое индустриальное общество / Дж. Гэлбрейт. – Москва, 1969. – 479 с.
21. Давидович, Я.А. Критический анализ англо-американских советологических концепций социальной структуры и образа жизни сельского населения СССР периода развитого социализма / Я.А. Давидович, В.И. Староверов // Социальная структура сельского населения. – Москва, 1991. – С. 156–157.
22. Drucker, P.F. Post-Capitalist Society / P.F. Drucker. – Oxford Butterworth: Heinemann, 1993. – 240 p.
23. Зуев, А. Интеллектуальный капитал [Электронный ресурс] / А. Зуев, Л. Мясникова // Альманах «Восток». – 2004. – Вып. 2. (Февраль). – Режим доступа: http://www.situation.ru/app/j_art_355.htm
24. Konrad, G. The Intellectuals on the Road to Class Power / G. Konrad, I. Szelenyi. – Brighton: Harvester, 1979. – 252 p.
25. Mironov, B.N. The Development of Literacy in Russia and the USSR from the Tenth to the Twentieth Centuries / B.N. Mironov // History of Education Quarterly. – Vol. 31. – № 2. (Summer, 1991). – Pp. 229–252.
26. О всеобщем обязательном начальном обучении: Постановление ЦИК СССР и СНК СССР от 14 августа 1930 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. – Москва, 1930. – С. 711–715.
27. Social Stratification and Mobility in the USSR. Eds M. Yanowitch and W.A. Fisher. With commentary by S.M. Lipset // International Journal of Sociology. – NY. – 1973. – Vol. III. – № 1–2.
28. Статистическая база для расчета экономической эффективности общественного производства (1913–1977). – Москва, 1979. – 46 с.
29. Статистические материалы для расчета экономической эффективности общественного производства. – Москва, 1981. – 94 с.
30. Турэн, А. Социальные движения, революция, демократия / А. Турэн // Свободная мысль. – 1991. – № 14. – С. 32–43.
31. Touraine, A. The Voice and the Eye: An Analysis of Social Movements / A. Touraine. – Cambridge Univ. Press, 1981. – 225 p.
32. Экономическая эффективность общественного производства (статистические материалы для расчетов). – Москва, 1988. – 102 с.
33. Экономический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovari.yandex.ru/search.xml?text>

M.A. Beznin, T.M. Dimoni

THE ACCUMULATION OF INTELLECTUAL CAPITAL IN THE SOVIET ECONOMY

The article deals with the study of the intellectual capitalization of the Soviet economy. Intellectual capital, which has acquired an ever-greater role since the middle of the twentieth century, relates to the most important factor of production. The article gives an overview of researchers' views on intellectual capital and the new social class of intellectuals. The level of accumulation of intellectual capital in the USSR economy is estimated according to an index of general education and the professional training of the population from 1940 to 1985, the number of years of training, the rate of growth and the level of job difficulty according to the ratio between the increase in the tariff category of workers and the level of their training, and financial costs on science. The authors came to the conclusion that there is a progressive build-up of intellectual capital in the USSR and that the highest rates of this process could be observed in the late 1950s to the early 1970s.

The economy of the USSR, intellectual capital, market capitalization, education, science.

Н.Г. Кедров
Вологодский государственный университет

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ КРЕСТЬЯНСТВА: ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

*Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-31-01250
«Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства»*

Статья посвящена методологическим проблемам исследования историографии одной из важнейших проблем отечественной аграрной истории – коллективизации российского крестьянства. В ней представлен краткий обзор прежних работ по историографии «великого перелома». Также автор рассматривает ключевые вопросы исследования темы: проблему эволюции аграрной историографии, современную структуру дискурса в области изучения коллективизации и биографический аспект.

Историческая наука, аграрная историография, коллективизация, российское крестьянство.

Изучение вынесенной в заголовок темы позволяет увидеть одну существенную закономерность: чем более однородным был исторический дискурс в плане оценок коллективизации, тем реже были обращения к историографии как исследовательскому жанру.

В литературе периода 1930-х первой половины 1950-х годов историографических работ по проблеме осмысления коллективизации в исторической литературе практически не существовало. Впрочем, это можно объяснить тем, что сами события коллективизации были совсем недавним прошлым и в науке шло формирование темы как отдельного аспекта советской истории. К этому, однако, следует добавить то, что научный поиск ученых ограничивался теоретическими конструкциями заложенными в «Кратком курсе истории ВКП(б)». Критика его положений была не допустима, а по этой причине не было и каких-либо дискуссий по проблеме (т.е. отсутствовал один из важнейших предметов историографического анализа).

С середины 1950-х годов ситуация резко изменилась. Историографический жанр стал широко востребованным среди историков советской деревни. Этому есть свои объяснения. Советская аграрная историография второй половины 1950 – конца 1980-х годов была весьма сложным явлением. В фокусе осмысления коллективизации сталкивались как научные подходы к изучению темы, так и общественно политические взгляды самих исследователей. Очевидно, что на изучение «великого перелома» существенное влияние оказали противоречия политического развития эпохи «оттепели». Часть исследователей (особенно среди молодых историков-аграрников) стремилась уйти от догматизма и иллюстративности, характерных для литературы предшествующего времени. С другой стороны им противостояли консерваторы, пытавшиеся сохранить незыблемость прежних догматов. За этим видимым противостоянием скорее общественно-политического, нежели научного свойства скрывались уже более глубокие, чисто исследовательские разно-

гласия, связанные с существованием различных концептуальных моделей осмысления темы. Основное научное противоречие, на наш взгляд, можно охарактеризовать как столкновение субъектного и объектного подходов. Субъектный подход был заложен еще сталинской историографией коллективизации. Он предполагал ее изучение посредством анализа действий абстрактного исторического субъекта в лице коммунистической партии. Объектный подход акцентировал внимание, прежде всего, на крупных исторических процессах как самостоятельных детерминантах исторического развития. Именно с таких позиций призвала рассматривать «великий перелом» ставшая программной для многих исследователей эпохи «оттепели» статья М. Кима и Г. Голикова, опубликованная в журнале «Коммунист» [34]. Следует также отметить наличие расхождений между отдельными авторами, работавшими в русле похожих исследовательских моделей. Наконец, в немалой степени популярности историографического жанра способствовала охранительная политика власти, поддерживающая некоторую табуированность темы для осуществления глобальных научных ревизий. В этих условиях обращение к жанру историографии открывало для части авторов возможность под видом описания научных дискуссий высказывать отдельные положения, обнаруживать которые обычным способом представлялось сложным. Очевидно, что в историографических обзорах В.П. Данилова, М.Л. Богденко, И.Е. Зеленина делался скрытый акцент на неподготовленности сталинской «революции сверху», жестокость методов ее осуществления и различных негативных издержках процесса [4; 16; 17; 54]. Их оппоненты также нередко прибегали к историографическому жанру для того, чтобы дезавуировать выводы историков-шестидесятников и минимизировать количество инноваций в изучении темы [7; 12; 40]. В итоге историографические работы, посвященные анализу литературы о коллективизации стали широко распространены в совет-

ской исторической науке [5; 48; 53; 55; 61]. На эту тему писали не только статьи и обзоры, но и книги, кандидатские и докторские диссертации. Весьма показательным в этом отношении стало появление историографических работ, посвященных характеристике исследований коллективизации по отдельным регионам СССР [1; 9; 36; 49; 56; 60].

С начала 1990-х годов эзопов язык историкам коллективизации стал уже не нужен. Исследователи теперь могли свободно оглашать результаты своей работы. Вместе с тем открывшиеся возможности отнюдь не способствовали разрыву научной полемики. В результате широкой общественно-политической дискуссии рубежа 1980–1990-х годов победила точка зрения историков эпохи «оттепели», прежде всего В.П. Данилова, И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого [44]. Впоследствии происходило развитие предложенной ими модели прочтения событий коллективизации. Несмотря на наличие расхождений в ряде вопросов, ведущие исследователи сходились в ключевых моментах осмысления темы в силу чего дискуссия по проблеме коллективизации стала носить вялотекущий характер, а историографические работы практически сошли на нет. В 1998 году увидела свет книга омского историка В.М. Самосудова, содержащая критический обзор советской и постсоветской историографии коллективизации. Разумеется, ее тон и оценки были совершенно иными, чем в историографических исследованиях советского времени, но направленность полемики исходила из спора между историками-шестидесятниками и их оппонентами. В силу этого книгу В.М. Самосудова можно оценивать как своего рода показатель безоговорочной победы первых над своими противниками в науке [52]. Пиком концептуализации новой парадигмы коллективизации, вероятно, следует считать рубеж 1990–2000-х годов, после чего вновь началось ветвление и усложнение дискурса по проблеме. В связи с этим наблюдается пока слабое возрождение интереса к историографическому жанру. Тем не менее, работы, которая бы освещала внутреннюю эволюцию развития темы коллективизации в российской науке до сих пор нет. Настоящая статья, разумеется, не претендует на полноту раскрытия темы и является лишь скромной попыткой определить некоторые системообразующие принципы ее изучения. В силу этого остановимся чуть более подробно на трех аспектах темы: 1) общей линии эволюции изучения коллективизации; 2) типологизации современных исследований по теме; 3) биографическом аспекте.

Проблема эволюции российской историографии коллективизации была ранее рассмотрена нами в ряде специальных публикаций [30; 32; 33], поэтому в настоящем случае остановимся на ряде самых общих моментов. Прежде всего отметим, что главным недостатком прежних обращений к теме (как в советской исторической науке, так и в наши дни) было рассмотрение историографии, используя терминологию Т. Куна, как кумулятивного процесса накопления знаний. Такой подход не позволял в полной мере увидеть как динамику научного движения, так и внутреннюю борьбу идей в изучении темы. Стремлением преодолеть этот недостаток продиктовано обращение к двум

инструментальным понятиям: научно-исследовательской программе и научной парадигме. Под первой мы понимаем комплекс концептуальных и методологических подходов, заявляемый исследователями на определенном этапе изучения темы. По сути это те принципиальные вопросы, на которые ученые пытаются найти ответ. Научно-исследовательская программа, по нашему мнению, определяет другие важнейшие характеристики изучения темы: используемые методы исследования, внутреннюю рубрикацию темы и иерархию отдельных сюжетов, способы архивной эвристики. Фактически каждая такая программа расставляет приоритеты в исследовательской практике. Научная парадигма – это совокупность наиболее характерных для данного историографического этапа представлений об объекте исследования и способах его познания. В определенной мере она является результатом программы. Таким образом, историография коллективизации в нашем прочтении предстает как череда научно-исследовательских программ.

Всего к нашему времени в изучении коллективизации существовало три таких программы. Первая из них сложилась еще в 1930-е годы, по ходу самого процесса «социалистического преобразования». В обобщенном виде она была представлена в «Кратком курсе истории ВКП(б)» [29]. Строго говоря, в ее основе лежали далеко не научные интенции. Знаменитый учебник истории партии был подчинен идейно-политической задаче обоснования правильности принимаемых руководством страны и лично И.В. Сталиным решений «на пути построения социализма в СССР». В силу этого любая критика «Краткого курса» в отечественной науке оставалась невозможной вплоть до смерти «вождя». Поэтому процесс изучения коллективизации сводился к иллюстрированию положений учебника конкретными примерами. Политические веяния эпохи «оттепели» привели к формированию новой научно-исследовательской программы исследования коллективизации. В ее основе лежал перенос акцентов с изучения политики партии на анализ объективных процессов истории села (социально-экономических, демографических и культурных). Однако эти намерения так и не были полностью реализованы в советской исторической науке. В первую очередь этому помешала противоречивость политической атмосферы и незавершенность ревизии сталинизма в советской общественно-политической и культурной жизни. Новая официальная концепция коллективизации, изложенная в трудах С.П. Трапезникова, не предполагала полного переосмысления темы [57]. Ее критика со стороны историков-шестидесятников сосредоточилась вокруг ряда наиболее проблемных вопросов, что также возвращало ход дискуссии в прежнее русло изучения государственной аграрной политики. События конца 1980 – начала 1990-х годов знаменовали конец этого историографического этапа исследования «великого перелома». Круг вопросов, стоящий в повестке новой научно-исследовательской программы, наиболее полно был изложен в статье В.П. Данилова «Коллективизация сельского хозяйства в СССР», опубликованной в 1990 году в одном из номеров журнала «История СССР» [15]. Характеризуя степень реализации этой программы, нужно отдать

должное историкам-аграрникам, ее установки были полностью выполнены в исторической литературе 1990–2000-х годов. Сейчас, на наш взгляд, происходит формирование новой исследовательской программы, в связи с чем принципиальное значение имеет выяснение текущего состояния исследований по проблеме.

К настоящему дню так и не появились работы, характеризующие современную структуру дискурса в вопросе о коллективизации. Под современным этапом развития историографии следует понимать период с начала 1990-х годов, поскольку именно тогда сложилась доминирующая по сей день научная парадигма. В трудах В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого, И.Е. Зеленина коллективизация рассматривалась как глобальное вторжение государства в жизнь деревни, насильственное по своим формам и разрушительное по последствиям. Работы этих же историков определили и набор наиболее приоритетных для исторического изучения сюжетов. Так, в исследовании событий и процессов, предшествовавших коллективизации приоритет был отдан поиску так называемых альтернатив, то есть возможностей для осуществления стоявших на повестке дня задач по интенсификации сельскохозяйственного производства иными методами, чем это было сделано на практике. При анализе собственно «великого перелома» важнейшее значение имели два сюжета: описание насильственных методов его осуществления и форм крестьянского сопротивления. В исследовании последствий процесса акцент был сделан на его негативных итогах [15; 22; 23; 34]. Эти принципы построения темы, декларируемые ведущими историками-аграрниками страны, серьезно повлияли на остальных исследователей коллективизации. В зависимости от отношения к теоретическим установкам научно-исследовательской программы 1990-х годов мы можем выделить четыре основных исследовательских стратегии.

Первая и самая распространенная из них – это написание конкретно-исторических (по большей части региональных) работ по тематике, заданной программой. Это направление представлено значительным числом исследователей, многие из которых ныне стали мэтрами современной аграрной историографии. Прежде всего, следует отметить работы Е.Н. Осолкова, Г.Ф. Доброноженко, Н.Я. Гущина, С.А. Красильникова, В.А. Ильных, С.А. Есикова, В.В. Кондрашина, Т.Д. Надькина, Е.А. Кирьяновой [13; 18; 20; 28; 35; 38; 41; 45; 46; 47; 50; 58]. Собственно говоря, именно благодаря их активной и плодотворной деятельности все основные сюжеты научной программы исследования коллективизации начала 1990-х годов были успешно реализованы в исследовательской практике. Здесь же можно отметить, что современная картина наших знаний о «великом перелома» во многом основана на исследованиях этих авторов.

Вторая стратегия связана с попыткой преодолеть заложенный программой вектор осмысления темы посредством создания работ по квазисоциальной истории села. Отчасти обращение к такому ракурсу было обусловлено распространением на рубеже 1990–2000-х годов в российской науке концепций социальной истории, в частности, изданием на русском языке

книги Ш. Фицпатрик «Сталинские крестьяне» [59]. В связи с этим часть исследователей попыталась несколько модернизировать свои способы прочтения темы. В данном случае имеются в виду работы С.И. Савельева, Г.Ф. Доброноженко, В.А. Бондарева [6; 19; 51]. Однако создать полноценные работы по социальной истории им так и не удалось. Вместо этого из-под их пера вышли исследования, неплохо освещающие социальную политику советского государства в деревне.

Некоторые авторы, отталкиваясь от оценок и подходов, заложенных программой, со временем перешли на «свои» темы. Написание конкретно-исторических работ, выходящих за рамки основной тематики научно-исследовательской программы, можно считать третьей исследовательской стратегией. В зависимости от предмета изучения внутри нее можно выделить несколько отдельных направлений: исследование системы управления деревней и ее отдельных звеньев (М.Н. Глумная, А.С. Левакин [11; 42]); проблемы истории крестьянской общины и функции самообеспечения в крестьянском сообществе (Т.В. Еферица [21]); вопросы демографического и историко-географического развития деревни (Л.Н. Мазур [43]), социокультурная эволюция крестьянства (М.А. Гадницкая, Н.Г. Кедров [10; 31]). Достижением этого пласта историографии стало то, что в работах названных историков деревня и крестьянство стали рассматриваться не только как объект государственного воздействия, но и как детерминанты различных исторических процессов.

Наконец, последняя четвертая стратегия связана с формированием концепций, осмысливающих место коллективизации в контексте более глобальных социальных процессов. Создание подобного рода масштабных теоретических построений потребовало кооперации усилий больших научных коллективов, поэтому данное направление представлено творчеством прежде всего двух научных школ историков-аграрников: новосибирской и вологодской. В наиболее завершенном виде результат работы научных коллективов представлен концепциями эволюции аграрного строя России в XX веке (В.А. Ильных [25; 26; 27] и М.А. Безнина, Т.М. Димони [2; 3] соответственно).

В заключении выскажем несколько замечаний о биографическом аспекте изучения историографии коллективизации. На сегодняшний день обращение к творчеству отдельных историков-аграрников является чуть ли не единственным видом разработки историографии коллективизации [39]. Этот интерес в значительной степени вызван уходом из жизни крупнейших представителей поколения историков-аграрников периода 1960-х годов. Вполне понятно желание коллег и учеников отдать должное заслугам мэтров. Особенно повезло в этом отношении В.П. Данилову, творчеству которого посвящено сразу несколько биографических статей [8; 37]. Важным шагом стало и переиздание его собственных статейных работ по истории крестьянства отдельным двухтомником [14]. Однако сама ситуация увековечивания памяти того или иного ученого накладывает отпечаток на характер информации о персонажах подобного рода биографических работ.

Научная биография, по сути, превращается в агиографию. В результате этого складывается новая догматика, которая отнюдь не способствует познанию истины. Так, например, взгляды В.П. Данилова на коллективизацию в течении его длительной научной карьеры претерпели существенную эволюцию. Ученый прошел путь от попыток отыскать объективные предпосылки осуществления «великого перелома» на заре своей научной деятельности до полного отрицания существования какой-либо социальной базы сталинской «революции сверху» в работах рубежа 1990–2000-х годов. В его творчестве возможно увидеть несколько относительно самостоятельных концепций коллективизации. Вопрос о причинах эволюции его взглядов интересен сам по себе, но речь сейчас не об этом. По нашему мнению, восстановление реальной картины развития дискурса отечественной аграрной историографии в вопросе о коллективизации невозможно без объективной реконструкции творчества ряда ее ключевых фигур.

Литература

1. Алимбаев, Н.А. Историография опыта Коммунистической партии по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства Казахстана (конец 20-х – начало 80-х гг.): дис. ... канд. ист. наук / Алимбаев Н.А. – Алма-Ата, 1984. – 201 с.
2. Безнин, М.А. Аграрный строй России в 1930–1980-е годы: тезисы научного доклада / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Вологда, 2003. – 35 с.
3. Безнин, М.А. Аграрный строй России 1930–1980-х годов / М.А. Безнин, Т.М. Димони. – Москва, 2014. – 607 с.
4. Богденко, М.Л. История коллективизации сельского хозяйства в современной историко-экономической литературе / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин // История СССР. – 1962. – № 4. – С. 133–151.
5. Богденко, М.Л. Основные проблемы истории коллективизации сельского хозяйства в современной советской исторической литературе / М.Л. Богденко, И.Е. Зеленин. – Москва, 1961. – 55 с.
6. Бондарев, В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополя / В.А. Бондарев. – Ростов-на-Дону, 2005. – 580 с.
7. Ваганов, Ф. Преобразование сельского хозяйства / Ф. Ваганов // Коммунист. – 1966. – № 3. – С. 97–101.
8. Вылцан, М.А. Творческий путь Виктора Петровича Данилова / М.А. Вылцан, В.А. Емец, А.Н. Слепнев // Вопросы истории. – 2005. – № 9. – С. 150–162.
9. Гавриленко, Г.П. Советская историческая литература о деятельности партийных организаций Северного Кавказа по завершению коллективизации сельского хозяйства: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Гавриленко Г.П. – Ростов-на-Дону, 1971. – 25 с.
10. Гадицкая, М.А. Женщины колхозницы Юга России в 1930-е годы: гендерный потенциал и менталитет / М.А. Гадицкая, А.П. Скорик. – Ростов-на-Дону, 2009. – 324 с.
11. Глумная, М.Н. Становление и развитие управленческого аппарата колхозов Европейского Севера России (конец 1920-х – 1930-е гг.) / М.Н. Глумная – Вологда, 2011. – 293 с.
12. Голиков, В. Ленинская дорога советского крестьянства / В. Голиков // Коммунист. – 1967. – № 11. – С. 70–80.
13. Гущин, Н.Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия / Н.Я. Гущин. – Новосибирск, 1996. – 157 с.
14. Данилов, В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды / В.П. Данилов. – Москва, 2011. – Т. 1. – 863 с.; Т. 2. – 831 с.
15. Данилов, В.П. Коллективизация сельского хозяйства в СССР / В.П. Данилов // История СССР. – 1990. – № 5. – С. 7–41.
16. Данилов, В.П. Основные итоги и направления изучения истории советского крестьянства. Доклад на сессии по проблеме «В.И. Ленин и решение аграрного вопроса в СССР» / В.П. Данилов. – Москва, 1969. – 147 с.
17. Данилов, В.П. О некоторых недостатках в работах по истории массового колхозного движения в СССР / В.П. Данилов, Х. Висенс // Вопросы истории. – 1954. – № 1. – С. 137–145.
18. Доброноженко, Г.Ф. Коллективизация на Севере. 1929–1932 гг. / Г.Ф. Доброноженко. – Сыктывкар, 1994. – 194 с.
19. Доброноженко, Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века / Г.Ф. Доброноженко. – Санкт-Петербург, 2008. – 730 с.
20. Есиков, С.А. Коллективизация в Центральном Черноземье: предпосылки и осуществление (1929–1933 гг.) / С.А. Есиков. – Тамбов, 2005. – 122 с.
21. Еферица, Т.В. Социальные проблемы крестьянства и модели социальной поддержки населения (вторая половина XIX – конец XX в.) / Т.В. Еферица. – Саранск, 2003. – 306 с.
22. Зеленин, И.Е. Осуществление политики ликвидации кулачества как класса (осень 1930–1932 гг.) / И.Е. Зеленин // История СССР. – 1990. – № 6. – С. 31–49.
23. Зеленин, И.Е. «Революция сверху»: завершение и трагические последствия / И.Е. Зеленин // Вопросы истории. – 1994. – № 10. – С. 28–42.
24. Ивницкий, Н.А. Коллективизация и раскулачивание (начало 1930-х годов) / Н.А. Ивницкий. – Москва, 1996. – 288 с.
25. Ильиных, В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность / В.А. Ильиных // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – Москва, 2013. – Вып. 8. – С. 225–232.
26. Ильиных, В.А. Коллективизация деревни: проекты и реальность / В.А. Ильиных // Гуманитарные науки в Сибири. – 2013. – № 4. – С. 27–33.
27. Ильиных, В.А. Раскрестьянивание сибирской деревни в советский период: основные тенденции и этапы / В.А. Ильиных // Российская история. – 2012. – № 1. – С. 130–141.
28. Ильиных, В.А. Хроники хлебного фронта. Хлебозаготовительные кампании 1920-х гг. в Сибири / В.А. Ильиных. – Москва, 2010. – 342 с.
29. История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), Краткий курс. – Москва, 1938. – 352 с.
30. Кедров, Н.Г. Замкнутый круг российской историографии коллективизации крестьянства / Кедров Н.Г. // Вопросы истории. – 2014. – № 3. – С. 154–171.
31. Кедров, Н.Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н.Г. Кедров. – Москва, 2013. – 280 с.
32. Кедров, Н.Г. Основные этапы российской историографии крестьянства 1930-х гг. (к характеристике преемственности и дискретности в развитии историко-аграрной научной традиции) / Н.Г. Кедров // Государственная власть и крестьянство в XIX – начале XX веков. – Коломна, 2013. – С. 561–571.
33. Кедров, Н.Г. Сталинская историографическая модель осмысления историографии российского крестьянства / Н.Г. Кедров // Петербургский исторический журнал. – 2016. – № 1. – С. 173–185.

34. Ким, М. Некоторые вопросы разработки истории советского общества / М. Ким, Г. Голиков // Коммунист. – 1954. – № 5. – С. 46–59.
35. Кирьянова, Е.А. Социально-экономические преобразования российской деревни в 1928–1937 годах (на материалах Московской области): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Кирьянова Е.А. – Москва, 2006. – 51 с.
36. Ковалев, В.А. Партийное руководство социалистическим преобразованием сельского хозяйства на Украине до начала колхозного движения (1917–1929 гг.). Историография: дис. ... канд. ист. наук / Ковалев В.А. – Харьков, 1984. – 255 с.
37. Кондрашин, В.В. Виктор Петрович Данилов – выдающийся исследователь аграрной истории России XX века / В.В. Кондрашин // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. – Москва, 2013. – Вып. 8. – С. 160–186.
38. Кондрашин, В.В. Голод 1932–1933 гг. в российской деревне / В.В. Кондрашин. – Пенза, 2003. – 364 с.
39. Кондрашин В.В. Историки-аграрники России XX–XXI веков: творческий путь и научное сотрудничество / В.В. Кондрашин. – Прага, 2014. – 198 с.
40. Корольков, Н.В. Историческая литература об опыте КПСС в техническом перевооружении сельского хозяйства / Н.В. Корольков // Вопросы истории КПСС. – 1974. – № 3. – С. 116–124.
41. Красильников, С.А. Серп и молот. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы / С.А. Красильников. – Москва, 2003. – 285 с.
42. Левакин, А.С. Формирование и деятельность административно-хозяйственного аппарата колхозов в 1930-е гг. (на материалах Дона, Кубани и Ставрополья): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Левакин А.С. – Новочеркасск, 2009. – 30 с.
43. Мазур, Л.Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX в.) / Л.Н. Мазур. – Екатеринбург, 2011. – 471 с.
44. Мерль, Ш. Взгляд с Запада на советскую историографию коллективизации сельского хозяйства / Ш. Мерль // Россия в XX веке: Судьбы исторической науки. – Москва, 1996. – С. 373–387.
45. Надькин, Т.Д. Сталинская аграрная революция и крестьянство (на материалах Мордовии) / Т.Д. Надькин. – Саранск, 2006. – 158 с.
46. Никитина, О.А. Коллективизация и раскулачивание в Карелии (1929–1932 годы) / О.А. Никитина. – Петрозаводск, 1997. – 131 с.
47. Осолков, Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932–1933 годов в Северо-Кавказском крае / Е.Н. Осолков. – Ростов-на-Дону, 1991. – 91 с.
48. Погудин, В.И. Путь советского крестьянства к социализму. Историографический очерк / В.И. Погудин. – Москва, 1975. – 276 с.
49. Рутковский, М.А. Деятельность коммунистических партий прибалтийских республик по социалистическому преобразованию сельского хозяйства (1944 – начало 1950-х гг.) Историография проблемы: дис. ... канд. ист. наук / Рутковский М.А. – Ярославль, 1984. – 219 с.
50. Савельев, С.И. Раскулачивание: как это было в Нижне-волжском крае / С.И. Савельев. – Саратов, 1994. – 149 с.
51. Савельев, С.И. Социальная политика советского государства в деревне 1917 г. – начала 1930-х гг. (на материалах Нижнего Поволжья): автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Савельев С.И. – Саратов 2005. – 35 с.
52. Самосудов, В.М. Современная отечественная историография коллективизации (1980-е – сер. 1990-х годов) / В.М. Самосудов. – Омск, 1998. – 141 с.
53. Селунская, В.М. Ленинский кооперативный план в советской историографии / В.М. Селунская. – Москва, 1974. – 64 с.
54. Селунская, В.М. О кандидатских диссертациях по истории коллективизации сельского хозяйства в СССР / В.М. Селунская // Вопросы истории. – 1956. – № 11. – С. 195–201.
55. Смышляев, В.А. Торжество ленинского кооперативного плана (историографический очерк коллективизации сельского хозяйства) / В.А. Смышляев. – Ленинград, 1972. – 128 с.
56. Таран, В.П. Историография сплошной коллективизации сельского хозяйства на Северном Кавказе: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Таран В.П. – Ростов-на-Дону, 1966. – 22 с.
57. Трапезников, С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос / С.П. Трапезников. – Москва, 1967. – Т. 1. – 566 с.; Т. 2. – 622 с.
58. Филатов, В.В. Уральское село. 1927–1941 гг.: раскулачивание / В.В. Филатов. – Магнитогорск, 2010. – 333 с.
59. Фицпатрик, Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России: деревня / Ш. Фицпатрик. – Москва, 2001. – 421 с.
60. Ченцов, Ю.Д. Советская историография деятельности КПСС по осуществлению сплошной коллективизации сельского хозяйства РСФСР: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Ченцов Ю.Д. – Воронеж, 1969. – 20 с.
61. Чинчиков, А.Н. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР / А.Н. Чинчиков. – Москва, 1971. – 222 с.

N.G. Kedrov

THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ON THE PEASANTRY COLLECTIVISATION: PROBLEMS OF STUDYING

The article describes the methodological problems of historiographic research of one of the main problems of Russian agrarian history – the collectivization of the Russian peasantry. In the article, the short review of former works on historiography of the *Great Turn* is presented. The author also considers key questions of the research in this sphere, i.e. the problem of agrarian historiography evolution, the modern discourse structure in the field of studying collectivization, and the biographic aspects.

Historical science, agrarian historiography, collectivization, Russian peasantry.

А.Е. Кузьмичёва

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«НОН ГРАТА» В ПАРИЖЕ: ЮЗЕФ БЕК

В статье рассматривается период карьеры Ю. Бека на посту польского военного атташе во Франции в 1921–1923 гг. и события, связанные с его внезапным отъездом из Парижа. Известно, что эмоциональные факторы и вопросы престижного свойства зачастую оказывали определенное влияние на дипломатию полковника Бека. В статье предпринята попытка оценить влияние этих обстоятельств на развитие польско-французских отношений в 1930-е годы.

Ю. Бек, польско-французский союз, Ю. Пилсудский, германский фактор.

Изучение второстепенных эпизодов и незначительных событий очень часто балансирует на грани сомнительных сенсаций и сплетен. Однако, как называют это французы, *petite histoire* нельзя игнорировать, так как кажущиеся незначительными события могут сказаться на человеческом поведении и иметь серьезные последствия для истории целой страны. Именно так и произошло в отношениях между полковником Юзефом Беком и Францией.

Уже неоднократно проблема отношения Бека к Франции попадала в поле зрения историков¹, а недавние публикации Службы внешней разведки, а также показаний генерал-лейтенанта люфтваффе А. Герстенберга, свидетельствующих о том, что Геринг в свое время подкупил Ю. Бека [3, с. 581], вновь ее актуализировала². Учитывая тот факт, что в 1932–1939 гг. Бек находился непосредственно у руля внешней политики Польши, вопрос его взаимоотношений с французскими коллегами перестает казаться таким уж малозначимым.

Как правило, исследователи полагаются на воспоминания Леона Ноеля, хорошо узнавшего польского министра иностранных дел во время пребывания в Варшаве в качестве посла Франции в 1935–1940 гг. [4, с. 86–91; 5, с. 83], в которых он неоднократно касался этой темы. В своих воспоминаниях Ноель пишет: «Отношение Бека к Франции было странным; в этой связи не стоит удивляться тому, что до определенной степени это относилось скорее к личным, чем политическим мотивам» [4, с. 89]. Спустя 20 лет Ноель повторил свое мнение о Беке. Он вспоминал, что Луи Барту, в то время занимавший пост военного министра, уже согласившись принять Бека в качестве военного атташе, все же подчеркивал необходимость

соблюдения предосторожностей в обращении с документами – ни один важный документ не должен был оказаться в пределах досягаемости Бека [7, с. 215]. Естественно, что сам Бек чувствовал себя неловко в подобной атмосфере, наполненной подозрением.

Наибольший интерес как у польских, так и у западных историков вызывает сюжет, связанный с начальным периодом дипломатической карьеры Ю. Бека. В 1922 г. Бек, несмотря на свой достаточно молодой для такой ответственной должности возраст (28 лет) и отсутствие высшего военного образования, был назначен военным атташе во Францию, основного на тот момент союзника Польши из числа великих держав. Это был период оформления польско-французского союза и на польского военного атташе в Париже возлагались ответственные задачи, связанные с наполнением конкретным содержанием польско-французской военной конвенции 1921 г., в равной мере направленной как против Германии, так и РСФСР. Как характеризовали его советские дипломатические донесения, «Бек оказался самым ярким представителем тех кругов польской военщины, которые старались направить острие польско-французского союза против СССР. Уже тогда обнаружилось далеко идущее германофильство Бека»³. Более того, по всей видимости, для военных кругов Варшавы союз с Парижем должен был существовать не просто на бумаге. В Польше была свежа память о неудавшемся походе на Киев и, согласно советским дипломатическим донесениям, составлялись планы нового нашествия на Украину⁴. Опыт 1920 г. продемонстрировал членам «первой бригады», что без действенной поддержки Франции новая авантюра, направленная против Советского Союза, кончится новым, может, еще более серьезным провалом. А Франция в подобной авантюре в то время участвовать не собиралась. По всей видимости, именно на этой почве уже тогда начались разногласия между польским и французским генеральными штабами. А Бек, в свою очередь, стал той фигурой, которая способствовала росту взаимного раздражения между союзниками.

¹ Например, работы Bulhak H. *Polska-Francja z dziejów sojuszu 1922–1939. Cz. I (1922–1932)*. Warszawa, 1995. S. 98, 150; Lewandowski J. *Prehistoria paryskich perypetii Becka // Zeszyty Historyczne*. 1973. T. 24. S. 222–224; Pasztor M. *Polskie Ministerstwo Spraw Zagranicznych z francuskiej perspektywy (1924–1939) // Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*. 2000. T. 35. S. 185–196; Wołos M. *Dossier Józefa Becka: jeszcze raz o przyczynach antagonizmu: pułkownik Beck-Francja // Czeszy Nowożytni: periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku*. 2002. T. 13. S. 211–245. И др.

² См. напр.: <http://podrobnosti.ua/625470-varshava-otverglia-obvinenija-rf-v-sotrudnichestve-s-natsistami.html> (дата обращения 26.11.2016).

³ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 82.

⁴ Там же.

Одним из самых ярких противников этого назначения был генерал Анри Ниссель, в 1920 г. входивший в состав французской военной миссии в Варшаве. 6 ноября 1921 г. генерал отправил Барту письмо, в котором сформулировал свои обвинения в адрес Бека. В данном письме Бек характеризовался как один из самых активных апологетов политики враждебности в отношении французского влияния в Польше. Именно из-за Бека, по мнению Нисселя, агенты французской разведки подвергались аресту и конфискации документов и даже иногда денег. В заключении письма генерал писал о том, что он категорически против присутствия Бека в Париже, которое он расценивал опасным и дающим Беку возможность вступить в контакт с немецкой разведкой [6, с. 119].

Интересным также представляется свидетельство уже упомянутого Л. Ноеля, ссылавшегося осенью 1949 г. в беседе с послом ПНР во Франции Е. Путраментом на якобы сгоревшее в сентябре 1939 г. досье Бека, которое было в распоряжении французского посольства в Варшаве. В досье говорилось о том, что в первый раз Париж отказал выдать Беку агреман, и согласие было получено только во второй раз при сильном давлении со стороны Пилсудского [7, с. 216].

Однако авторитетный исследователь П. Вандыч на основе польских и французских материалов считает, что Париж был настроен по отношению к Беку негативно еще до его появления на посту военного атташе. В доказательство он приводит многочисленные депеши Кэ д'Орсэ, содержание которых свидетельствует, что французы были решительными противниками назначения Бека военным представителем [6, с. 117–120]. В течение осени 1921 г. Париж просил Варшаву подыскать другую кандидатуру на этот пост.

Но просьбы Парижа остались без последствий. Не секрет, что Бек входил в круг доверенных лиц главы государства маршала Пилсудского (он был его адъютантом), вследствие чего это назначение являлось личным желанием маршала. 29 ноября 1921 г. Барту написал в Кэ д'Орсэ: «Несмотря на то, что в целом мое мнение осталось неизменным, [но] по политическим соображениям я принимаю назначение Бека» [6, с. 124]. В середине января 1922 г. Бек прибыл на новое место службы в Париж, и, несмотря на неблагоприятные прогнозы, был хорошо принят официальной сферой.

Иной была французская общественная реакция. Так, влиятельная парижская газета «Лэр Нувель», орган левых, запустила агрессивную кампанию против Бека. Неизвестно, кто был идейным вдохновителем данной кампании, однако ее цель не вызывает сомнений: дискредитировать Бека в глазах французского общественного мнения и осложнить его пребывание в Париже. В статье, имевшей многозначительное название «Un indésirable» (нежеланный), анонимный автор выдвигал в адрес Бека схожие с генералом Нисселем обвинения. Автор писал: «Люди утверждают, что новый атташе – бывший австрийский офицер, в течение всей войны служивший на вражеской стороне, всегда выделял себя как выдающегося франкофоба и страстного поклонника своих друзей в Берлине». В статье утверждалось, что Бек сделал все от него возможное для борьбы с французским влиянием и,

«по слухам», скомпрометировал себя попыткой купить секретный военный код французского Генерального штаба. Анонимный автор также предполагал, что Варшава была вынуждена отправить этого «слишком умного солдата», чтобы он мог хоть где-то применить свой скромный талант [6, с. 124].

Неблагоприятно сказался на имидже Бека визит в 1923 г. маршала Ф. Фоша в Варшаву. В этой поездке его по должности сопровождал Бек. Посольству СССР в Польше стало известно, что между Пилсудским и Фошем произошел серьезный конфликт, связанный с направленностью польско-французского союза. Как сообщали советские дипломаты, «в ответ на обращение Фоша, потребовавшего, чтобы его ознакомили с оперативными планами польского штаба на случай войны, Пилсудский смог предоставить ему только план наступления польских войск на СССР»⁵. А это непосредственно означало, что Варшава не брала в расчет необходимость выполнения союзных обязательств в случае войны между Германией и Францией. Во всех переговорах по военным вопросам активное участие принимал Бек, энергично отстаивая антисоветскую и по существу прогерманскую позицию варшавского генштаба.

Бек занимал должность военного атташе два года, и за это время его отношения с французским Генеральным штабом накалились до предела. Самое неприятное для Бека было то, что французы подозревали его в близких отношениях с немецкими военными кругами. Способ разрешения французами этого конфликта оставил неизгладимый след в душе будущего польского министра иностранных дел. По информации советских дипломатов, «французский штаб получил совершенно достоверную информацию, что сведения о французских вооруженных силах, сообщавшиеся Беку как представителю союзной польской армии, стали известны штабу рейхсвера. По данным французского штаба, не подлежало сомнению, что эти сведения «позаимствованы» немцами от Бека. Бека попросили срочно убраться из Парижа. При его отъезде не были даже соблюдены обычные формы международной вежливости»⁶.

Факт признания военного атташе Польши «персоной нон-грата» тут же стал известен в среде дипломатов, аккредитованных при правительстве Франции, однако подлинные причины произошедшего остались тайной. По одной из версий, Бек был готов продать подставному агенту (называли, в частности, итальянского) секретные документы, касающиеся обороны Франции [2, с. 177]. Слухи о том, что Бек был шпионом, можно встретить в работах западных историков⁷. Однако, авторитетный исследователь П. Вандыч на основе польских и французских материалов опровергает эту версию как безосновательную [6, с. 115–127].

Бек никогда не простил этого выпада французским журналистам. 10 лет спустя французская журналистка Ж. Табуи, входившая в круг приближенных Л. Барту журналистов, описывает свою встречу с Бе-

⁵ АВП РФ. Ф. 122. Оп. 19. П. 59. Д. 12. Л. 83.

⁶ Там же.

⁷ См. напр.: Roberts H. L. The Diplomacy of Colonel Beck. Princeton University Press, 1953.

ком у подъезда Кэ д'Орсэ. Это была первая официальная поездка Бека в Париж в качестве министра иностранных дел. Французская пресса в очередной раз в крайне недружелюбном тоне сообщила разоблачающие сведения о работе Бека на посту военного атташе. По свидетельству Табуи, Бек пришел в бешенство при виде насмешливых журналистов [2, с. 176].

Неожиданный отъезд Бека из Парижа Вандыч объясняет событиями в Польше. В июле 1923 г. Пилсудский, уже оставивший пост главы государства, сложил с себя все полномочия начальника Генерального штаба и удалился в загородный дом в Сулеювке. Новый кабинет был сформирован из ярых противников маршала. Именно поэтому, как считает Вандыч, Беку было необходимо присутствовать на родине [6, с. 126]. Такова вторая версия событий, не очень внятно объясняющая, зачем Бек нужен был Пилсудскому в Польше. Ведь после возвращения из Парижа он стал слушателем годичных курсов повышения квалификации в Высшей военной школе в Варшаве и в этом качестве вряд ли мог оказаться полезным своему покровителю, оказавшемуся не у дел.

Поэтому сегодня, несмотря на возможное появление новых деталей, с полной уверенностью можно констатировать только то, что, во-первых, во время пребывания Бека в Париже у него были явные трудности с налаживанием доверительных отношений с французской стороной, во-вторых, он принимал участие в какой-то деятельности, которая не нравилась французам, и в-третьих, его либо попросили покинуть Париж, либо он сам принял это решение.

Повлияли ли парижские события на последующее отношение Бека к Франции и французам? При явной антипатии Ноеля к Беку, французский посол считал, что, несмотря на определенную долю негатива в его отношении к Парижу, не стоит только лишь в этом искать ключ к объяснению французской политики Бека [4, с. 89]. Действительно, в то время как эмоциональный фактор и проблемы престижного свойства оказывали определенное влияние на дипломатию Бека, настоящие причины сложностей в отношениях

Парижа и Варшавы коренились намного глубже и были вызваны прежде всего тем, что французы не видели в поляках равного партнера. Тем не менее нельзя и отбрасывать фактор личного отношения Бека к французам. В 1935 году Жюль Лярош, посол Франции в Польше, в беседе с полпредом СССР в Польше Я.Х. Давтяном заметил, что: «значительную нотку раздражения против Франции вносит специально сам Бек, который до сих пор не может забыть свою личную неприязнь. Пилсудский не вникает детально во все вопросы, а Бек ему не докладывает так, как нужно»⁸.

Очевидно также и то, что французы не хотели вести дел с Беком и делали это лишь в силу необходимости. После смерти Пилсудского в 1935 г. французское посольство в Варшаве в лице Ноеля стало вынашивать планы по отстранению министра Бека. При этом ставка была сделана на Э. Рыдз-Смиглы, который, по мнению Ноеля, больше всего подходил для реализации французских внешнеполитических целей [8, с. 7].

Литература

1. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). – Ф. 05 (фонд М.М. Литвинова); Ф. 122 (Референтура по Франции).
2. Табуи, Ж. 20 лет дипломатической борьбы / Ж. Табуи. – Москва, 1960. – 464 с.
3. Тайны дипломатии Третьего Рейха: германские дипломаты, руководители зарубежных военных миссий, военные и полицейские атташе в советском плену. Документы из следственных дел. – Москва, 2011. – 880 с.
4. Noël, L. Agresja niemiecka na Polskę / L. Noël. – Warszawa, 1966. – 419 s.
5. Noël, L. La Pologne entre deux mondes: Polonia restituta / L. Noël. – Paris, 1984. – 288 p.
6. Wandycz, P. Colonel Beck and the French: Roots of Animosity? / P. Wandycz // The International History Review. – Vol. III. – № 1. – 1981. – P. 115–127.
7. Wołos, M. Dossier Józefa Becka: jeszcze raz o przyczynach antagonizmu: pułkownik Beck-Francja / M. Wołos // Czesy Nowożytny: periodyk poświęcony dziejom polskim i powszechnym od XV do XX wieku. – 2002. – T. 13. – S. 211–246.
8. Wyszczelski, L. O czym nie wiedzieli Beck i Rydz-Śmigły / L. Wyszczelski. – Warszawa, 1989. – 285 s.

A.E. Kuzmicheva

«NON GRATA» IN PARIS: JÓZEF BECK

The article deals with J. Beck's career period when he occupied the post of the Polish military attaché in France in the years 1921–1923 and the facts connected with his sudden departure from Paris. It is widely known that emotional factors and matters of personal prestige had frequently significant impact on colonel Beck's diplomacy. In the article, an attempt has been made to evaluate the influence of these circumstances on the development of Franco-Polish alliance in 1930s.

J. Beck, Franco-Polish alliance, J. Piłsudski, German factor.

⁸ АВП РФ. Ф. 05. Оп. 15. П. 109. Д. 68. Л. 19.

Б.В. Петелин

Череповецкий государственный университет

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Миграционные процессы имели место в различные периоды мировой истории. Поэтому, как подчеркивается в данной статье, наблюдаемая в последние годы массовая миграция в Европу может считаться очередным этапом «переселения народов». Ее причинами стали гражданские войны и вооруженные конфликты, экологические проблемы, бедность, социальная нищета и рост рождаемости. Ряд причин обусловлен вмешательством западных стран, США и НАТО, стремящихся сохранить свое доминирование в афро-азиатских регионах, богатых нефтересурсами, представляющих важное стратегическое значение в современной геополитике. Массовая миграция, преимущественно в Германию, Францию и Великобританию, внесла изменения в политику правительств этих стран. Наиболее радикальные перемены произошли в Великобритании, где на референдуме о членстве в ЕС, большинство граждан проголосовало за выход (Brexit). Однако ситуация в Великобритании, как отмечается в статье, не носит критического характера, к тому же «добраться до Лондона» не так просто, в отличие от Берлина или Парижа. Тем более Лондон и ранее стремился проводить свою политику, не следуя «указаниям» из Брюсселя. И все же, как считает автор, Великобритании придется учитывать сложившуюся в Европе ситуацию.

Миграция, мультикультурализм, Европейский союз, переселение народов, социальная политика, референдум, Brexit.

Массовая миграция в Европу, что наблюдается последние два года, вызвана прежде всего политикой. Именно европейские страны, США и члены НАТО принимали активное участие в разрушении государственности Афганистана, Ирака, Ливии, устраивали «цветные революции» в Тунисе, Египте, Иордании и других странах, предприняли несанкционированное вмешательство в дела Сирии, мотивируя это необходимостью борьбы с международным терроризмом. Вместе с тем происходящее не есть только «политика». Массовую миграцию вполне можно рассматривать как своеобразное проявление исторического процесса, именуемого «великим переселением народов», его очередной фазой, начало которой пришлось на середину прошлого века. Турки в Западной Германии, индусы и пакистанцы в Великобритании, алжирцы во Франции, жители Суринама в Голландии... И хотя это не имело такого взрывного характера, как сейчас, тенденция «переселения» обозначилась четко [1, с. 19–53]. В дальнейшем география расширилась за счет скандинавских стран. Не осталась вне этого процесса и Россия. Просто ее пространственные возможности пока снижают остроту проблемы.

Истоки нынешней миграции в Европу следует увязывать с тем, что сами европейцы с начала XX в. массовым порядком эмигрировали из собственных стран за океан. В отдельные годы размах заокеанской эмиграции доходил до 1,5 млн. человек. Если за предыдущие 20 лет из стран зарубежной Европы выехало около 14 млн. человек, то за 15 лет (с 1900 по 1915 г.) выехало 19 млн. человек, или около 6% всего ее населения. По абсолютному числу эмигрантов на первое место вышла Италия, Великобритания отошла на второе место (то есть до этого занимала первое), а третье место заняла Австро-Венгрия. Сильно сократилось число переселенцев из Германии, которая в связи с быстрым про-

мышленным развитием превратилась из страны эмиграции в страну иммиграции, привлекая рабочих из Австро-Венгрии и других мест. Основной поток эмигрантов по-прежнему направлялся в США (свыше 12 млн. человек), однако возрастает и процент эмигрантов в страны Южной Америки, главным образом в Аргентину и Бразилию [5, с. 48–58].

Говоря об эмигрантах этого периода, необходимо отметить две особенности: бедность эмигрантов и значительное преобладание в их составе мужчин. Эмиграция начинает терять свой «семейный» характер, многие рассматривали ее лишь как временный отъезд с целью заработка. В связи с этим, а также ввиду возрастания трудностей устройства на новых местах, быстро увеличивалось и число реэмигрантов, доходящее в отдельные годы до 40% по отношению к численности эмигрантов.

После Второй мировой войны в странах зарубежной Европы возобновилась миграция населения по экономическим причинам, однако общая картина ее существенно отличается от довоенной, так как страны Восточной и Юго-Восточной Европы (кроме Греции) перестали быть странами эмиграции. Установление в них народно-демократической власти и быстрое развитие экономики привело к возвращению части довоенных эмигрантов (возвращение поляков из Франции и т.д.). Основные миграции населения в поисках работы направлены из Италии и Испании во Францию, Бельгию и Швейцарию и из Ирландии (Эйре) – в Великобританию: только с 1946 по 1957 г. из Италии во Францию переселилось свыше 410 тыс. человек, из Ирландии в Великобританию (преимущественно в Англию) – около 320 тыс. человек.

С созданием в 1957 г. Европейского экономического сообщества резко возросли миграции рабочих из Италии в ФРГ. Большой размах приобрели и во-

зобновившиеся после войны заокеанские миграции: с 1946 по 1957 г. страны зарубежной Европы потеряли за счет эмиграции около 5,4 млн. человек. Наибольшее число переселенцев дали Великобритания (около 950 тыс. человек, главным образом в Канаду, Австралию и США), Италия (около 1100 тыс. человек, главным образом в Аргентину, США и Венесуэлу), Испания (свыше 500 тыс. человек, главным образом в Аргентину и Венесуэлу) и др. Лишь в отдельных случаях заокеанские миграции давали положительный баланс, связанный с возвращением в некоторые страны лиц, находившихся ранее в их бывших колониальных владениях (возвращение англичан из Индии и Пакистана, голландцев из Индонезии и т.д.) [5, с. 52–55].

Большой интерес представляют миграции североафриканцев, преимущественно алжирцев-мусульман, во Францию (сейчас во Франции около 400 тыс. алжирцев) и групп негритянского населения Вест-Индии, преимущественно ямайцев, в Великобританию; эти переселенцы заняты на неквалифицированной работе в районах крупных городов.

Так как немалая часть проблемы связана с мультикультурализмом, в том числе и размывание британской идентичности, то напрашивается вопрос о пересмотре подобной политики [3, с. 77–81]. Однако отказаться от «мульти-пульти», как в обиходе об этом говорят политики, западное общество не может, ибо в противном случае пришлось бы предать забвению либеральные ценности. Сошлемся на Великобританию: во второй половине XX века добирались до Лондона, причем без нынешних проблем, мигранты из бывших британских колоний и доминионов. За короткий срок в бывшей метрополии сформировались устойчивые общины мигрантов. К 2011 г. количество мигрантов из Индии достигло 1,5 млн, из Африки – 1 млн. Сами по себе общины увеличиваются быстро, благодаря высокой рождаемости и оказывают влияние на жизнь страны [3, с. 79]. В Англии переписи проводят с 1801 г. раз в 10 лет, поэтому статистика позволяет объективно оценить ситуацию и сделать прогноз на будущее. С 1971 г. рождаемость в Великобритании стала падать, а в бытность премьерства Тэтчер, с ее ставкой на крайний индивидуализм, рождаемость и смертность сравнивались (неоконсервативный поворот свое дело сделал). Да, резкого снижения количества населения не произошло за счет роста продолжительности жизни и уменьшения детской смертности. Но на британскую семью сегодня приходится менее 2-х детей (2011 г. – 1,9). В 2011 г. четверть всех родившихся детей пришлось на женщин небританского происхождения. Доля отцов-иностранцев составила 23,7%. Большая часть приходится на выходцев из Пакистана, Индии, Бангладеш и Польши [4, с. 189–190].

Прекратившийся в 1970-х гг. естественный прирост коренного населения Великобритании восполнялся за счет мигрантов. В 1981–1991 гг. оно ежегодно увеличивалось на 0,2%, с 1991 по 2001 гг. – на 0,3%, а с 2001 по 2006 гг. – на 0,5%. С середины 2006 г. по середину 2007 г. – на 0,6%, а в 2009–2010 гг. ежегодно прирастало на 0,8%, что было самым высоким приростом населения с 1962 г. За последнее десятилетие прошлого века население в стране увеличилось на 2,2 млн чел.: с 54,9 млн до 57,1 млн чел. Но белое население (англичане, шотландцы, валлийцы, ми-

гранты из Европы и России) увеличилось всего на 600 тыс. человек.

Вроде бы цифры не столь пугающие. С подобными показателями можно жить, не боясь, что привычная Британия исчезнет. Однако последовавшая в 2015 г. лавинообразная миграция, когда только в Германию въехало около 1 млн беженцев, серьезно поколебала эти прогнозы для Европы. С начала 2016 г., фактически за 2 первых месяца по данным Международной организации по миграции, по морю в Европу прибыло около 129 500 мигрантов, и еще 1545 попали туда по суше. Откуда четверть века назад в европейском законодательстве появились нормы свободного перемещения и миграции? Толерантные европейцы прописывали в соглашениях эти нормы только для себя. Считалось, что миграция из стран «третьего мира» будет небольшой, регулируемой и обратимой. А несколько тысяч гастарбайтеров в год никому не повредят, да и для экономики от них будет польза. Как говорится, гладко было на бумаге...

Что касается миграционного законодательства Великобритании, то Британское иммиграционное законодательство одно из самых строгих в Европе. Однако, несмотря на строгие ограничения, Великобритания остается крупнейшей страной иммиграции. В 1999 г. 97100 человек въехали в Великобританию на длительное поселение, то есть получили статус оседлости; среди них в основном беженцы и члены воссоединяющихся семей, экономические мигранты составляют только 7%. Плюс к этому 76 тыс. человек было принято на основе разрешений на временную работу. И, тем не менее, все шло к разрыву отношений с Европейским союзом. Глава правительства Кэмерон ранее выдвинул властям ЕС четыре требования по реформированию сообщества. Первое: признание ЕС мультивалютным союзом. Второе: повышение конкурентоспособности его членов. Третье: расширение полномочий национальных парламентов. Четвертое: ужесточение миграционного законодательства, которое предусматривало блокирование сроком на четыре года доступа к социальным льготам для вновь прибывших в Великобританию мигрантов из ЕС. В противном случае, как заявил Кэмерон, страна может покинуть Евросоюз. Поэтому итог референдума 23 июня 2016 г. был предопределен, хотя сказавших «нет» членству в ЕС было менее 52%. На самом деле противников иммиграции куда больше. Членство в ЕС приносило стране определенные дивиденды, которые англичане не хотели бы терять, но страх перед массовой неконтролируемой миграцией, оказался сильнее.

То, что миграция стала основной побудительной причиной выхода Великобритании из ЕС, вряд ли кем оспаривается всерьез. Ряды Партии независимости Соединенного Королевства в последнее время только росли, и на парламентских выборах 7 мая 2015 г. она показала третий результат после Консервативной и Лейбористской партий (вместе с тем, мэром Лондона в 2016 г. впервые стал мусульманин Садик Хан, член Лейбористской партии, депутат парламента). Есть еще Британская национальная партия (БНП), которая заявляет, что она знает, как справиться с «беспрецедентным миграционным кризисом», предлагая набор жестких мер [2, с. 138].

Вместе с тем эти страхи оказываются преувеличенными. На сегодня количество рабочих, родивших-

ся в Англии, более чем в 5 раз превышает число рабочих-иммигрантов. Среди рабочих иностранного происхождения 60% были рождены за пределами Евросоюза, 16% из них приехали из стран Западной Европы, а 15% – из стран Восточной Европы. Да, в целом, количество иммигрантов, как уже отмечалось, за последние двадцать лет выросло, но их доля в населении страны составляет 13%, что ниже, чем в Германии или Франции. Иностранцы приезжают в основном для того, чтобы работать или учиться. И около 2/3 из тех, кто приезжает в страну ради работы, уже имели предложения о найме на момент приезда. В исследовании British Social Attitudes Survey, которое было проведено в 2013 г. и опубликовано в июне 2014 г., 24% респондентов заявили, что благосостояние является самым распространенным мотивом для миграции.

Поскольку приостановка миграционных процессов нежелательна, поэтому предпринимаются строгие меры для предотвращения случаев злоупотребления существующей иммиграционной системой. Следовательно, проживание в Великобритании и возможное гражданство несут с собой не только возможности, но и обязательства. Например, обязательства уважать местные законы и искоренять экстремизм и нетерпимость. Здесь не может быть места для тех, кто выступает против порядков и норм, провозглашенных в стране. В Великобритании применяются жесткие меры против тех, кто злоупотребляет привилегиями, которые дает британское гражданство. Существуют также обязательства платить налоги, содержать себя и ухаживать за своими детьми; обязательства владеть хотя бы минимумом информации о стране, культуре и языке Великобритании. На правительство также налагаются некоторые обязанности: например, защищать иммигрировавших жителей от эксплуатации и агрессии, искоренять расовые предрассудки и дискриминацию, обеспечивать оказание медицинской помощи и других жизненно необходимых социальных услуг тем, кто находится в Великобритании легально и обеспечивает себя.

Великобритания по сравнению с континентальной Европой находится в выигрышном положении. С одной стороны, именно Лондон является для мигрантов желательным городом после Берлина, с другой – добраться до британской столицы куда труднее, чем до германской. Самолет исключается – он не для этой публики. Остаются паром и туннель. Судя по информации, счастливицы есть, то есть те, кто нелегально

проник через Ламанш до желанного берега. Случаи захвата паромов, поездов множатся, да и что остается людям, которые с таким трудом добрались до французского порта Кале, но дальше для них путь закрыт. О ситуации в районе порта не раз рассказывали в СМИ. Долгое время она оставалась напряженной. Так, глава британской ассоциации автоперевозчиков Ричард Барнетт не раз требовал от французских властей вмешаться в ситуацию, указывая на то, что мигранты много раз запугивали водителей и нападали на них. По словам Барнетта, это продолжается ежедневно и стало рутиной [6]. В конце концов, французские власти решили снести «джунгли», так назывался лагерь мигрантов. Угроза перевозкам через пролив была снята. Но проблемы, конечно, остались. В нынешних европейских условиях у миграционной проблемы решения нет: Евросоюз не может ограничить миграционный поток – ни физически, ни юридически. Остается одно – строить стены и заборы. Это, например, делается в Венгрии, об этом уже открыто говорят политики Германии и Франции. Десятки тысяч мигрантов заперты в Греции, Турции. Но их, рвущихся к европейским благам, похоже, никакие стены не остановят. А, во-вторых, Евросоюз, как известно, начинался именно с устранения заборов и преград. Теперь же, когда пошел обратный процесс, «европейское единство» может дать трещину, причем и не одну.

Литература

1. Буданова, В.П. Модели великих переселений народов: от миграций в истории к истории миграций / В.П. Буданова // «Иммиграционный вызов» в начале XXI века: миграция в глобализирующемся мире. – Москва: ИВИ РАН, 2011. – 202 с.
2. Кондратьева, Т.С. Британская национальная партия и проблема иммиграции / Т.С. Кондратьева // Актуальные проблемы Европы: Иммиграция и политические партии в Европе. – 2012. – № 4. – 240 с.
3. Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики / под ред. М.Б. Погребинского и А.К. Толпыго. – Москва: Весь Мир, 2013. – 397 с.
4. Цапенко, И.П. Управление миграцией: опыт развитых стран / И.П. Цапенко; Ин-т мировой экономики и международных отношений РАН. – Москва: Akademia, 2009. – 384 с.
5. Остапенко, Г.С. Британские мусульмане в конце XX – начале XXI вв. / Г.С. Остапенко // «Иммиграционный вызов» в начале XXI века: миграция в глобализирующемся мире. – Москва: ИВИ РАН, 2011. – 202 с.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Segodnya.ua/world/vo-francii (дата обращения: 24.01.16).

B.V. Petelin

GREAT BRITAIN AND MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION

Migratory processes took place during various periods of the world history. Therefore, as emphasized in the article, the mass migration to Europe observed in recent years can be considered as the next stage of «migration of the peoples». Civil wars and armed conflicts, environmental problems, poverty, social poverty and the growth of the birth rate are given as explanatory factors. Some reasons are caused by the intervention of the western countries, the USA and NATO aiming to keep the domination in the Afro-Asian regions that are rich with oil resources and so representing a significant strategic value in modern geopolitics. Mass migration, mainly to Germany, France and Great Britain, has made changes to governmental policies. The most sweeping changes have happened in Great Britain where, with regards to the referendum on the membership in the EU, most citizens voted for an exit (Brexit). However, it is noticed in the article that the situation in Great Britain had no critical character, besides London, unlike Berlin or Paris. Previously London sought to pursue its policy without following instructions from Brussels. And still the author believes that Great Britain should consider the developed situation in Europe.

Migration, multiculturalism, European Union, migration of peoples, social policy, referendum, Brexit.

А.И. Пчелинцев

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

«БРАТЬ ЖЕ ЕГО МОЛОДШИ... НЕ СЪТУПИСЯ ЕМУ КНЯЖЕНА»: О ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОЙ МЕЖДОУСОБИЦЫ В СУЗДАЛЬСКО-НИЖЕГОРОДСКОМ КНЯЖЕСТВЕ

Статья посвящена событиям первой половины 60-х гг. XIV века в Суздальско-Нижегородском княжестве. В центре статьи находятся вопросы о точной датировке событий междоусобицы, достоверности сведений о пострижении Андрея Константиновича в 1364 г., а также о причинах возмущения Бориса Константиновича.

Русь эпохи Дмитрия Донского, Суздальские Рюриковичи, Нижний Новгород, междоусобица, удельный строй, Рогожский летописец, Никоновская летопись.

Нельзя сказать, что события внутренней истории Суздальско-Нижегородского княжества в первой половине 60-х годов XIV века не изучены. Напротив, историки с достаточной периодичностью подчеркивали влияние междоусобицы среди потомков великого князя Константина Васильевича на положение Нижнего Новгорода среди русских земель: А.Е. Пресняков указывал на присоединение княжества на правах «молодшего брата» к политической системе, созданной Москвой [11, с. 270], Л.В. Черепнин писал о фактическом лишении Нижнего Новгорода части суверенитета [17, с. 555], Г.А. Федоров-Давыдов – о превращении великого Суздальско-Нижегородского княжества в княжение «второго ранга» [15, с. 26].

Это список исследователей, оставивших свое мнение о роли и значении первой междоусобицы в нижегородской истории, безусловно, далеко не полон. Однако нетрудно заметить, что их подход грешит односторонностью в освещении событий. В первую очередь, это касается некоторой «московцентричности» историков, во главу угла ставивших отказ Дмитрия Константиновича от соперничества с юным Дмитрием Ивановичем Московским за великокняжеский ярлык на Владимир, и вообще изменений баланса сил в Северо-Восточной Руси.

Между тем остается несколько полузабытых и почти неизученных моментов, связанных с указанными выше событиями, но решенных как бы по умолчанию. Во-первых, это вопрос о датировке междоусобицы: 1363–1364 годами или 1365 годом. Во-вторых, неясна ситуация с великим князем Андреем Константиновичем, то ли отстранившимся от дел, то ли вовсе постриженным в монахи. В-третьих, нет ответа на вопрос: в чем причины усобицы, едва не похоронившей княжество? Настоящая статья есть попытка ответить сразу на все вопросы.

Под 1363 годом Рогожский летописец сообщает нам о попытке Дмитрия Константиновича въехать в Нижний Новгород, но «братъ же его молодшии князь Борисъ не съступися ему княжения» [9, стб. 74]. Ряд летописей – новгородско-софийского цикла (середине

на XV века), а также Никоновский свод первой половины XVI века – сообщают о борьбе между вторым и третьим сыновьями Константина Васильевича под 1365 год [8, с. 4–6]. Симеоновская летопись относит конфликт между братьями к 1364 году [10, с. 103]. Соответствующим образом распределились и исследователи: дореволюционная их часть (В.Н. Татищев, Н.И. Храмцовский и А.Е. Пресняков) склонялась к первой датировке (1365 год) [14, с. 115–116; 16, с. 40–42; 11, с. 269], тогда как советские и современные исследователи (В.А. Кучкин, А.А. Горский, П.В. Чеченков) – ко второй (1363–1364 годы) [6, с. 247–249; 2, с. 145; 18, с. 322–323].

Пожалуй, только современным исследователем Д.С. Таловиным в своей кандидатской диссертации предложена аргументация в пользу 1365 года как окончательной даты произошедшей распри. Его теория опирается на сообщение о сборе сторонников Дмитрия Константиновича с отрядами и боярами после поражения в 1363 году именно в Нижнем Новгороде, что, по мнению исследователя, вряд ли бы позволило Борису Константиновичу осуществить захват власти. Кроме того, историк доверяет свидетельству о пострижении Андрея Константиновича в 1364 году, т.е. через год после датировки Рогожским летописцем начала борьбы между братьями, что, по его мнению, противоречит логике событий междоусобицы [13, с. 102–103].

Справедливости ради следует отметить, что Таловин опирался в своих изысканиях на значительно более поздние летописные своды по сравнению с исследуемыми событиями. Между тем Рогожский летописец упоминает изгнание с галичского стола сторонника Дмитрия-Фомы, однако не указывает, куда именно он отправился [9, стб. 74]. Сбор в Нижнем Новгороде зависимых от Дмитрия-Фомы князей кажется странным по двум причинам. Во-первых, отказавшийся от великого Владимирского княжения в 1360 году Андрей ясно подчеркивал свое нежелание конфликтовать с Москвой и вряд ли помог брату. Во-вторых, все в том же 1363 году Дмитрий Константи-

нович пытался вторично сесть на великое княжение. И, хотя в тексте летописи нет указания, откуда он приехал, мы знаем, что из Владимира князь бежал в отчинный Суздаль, а вовсе не в отдаленный Нижний Новгород [9, стб. 74]. В Суздаль же Дмитрий-Фома уехал с великого княжения и в 1362 году [9, стб. 72].

Что же до происхождения известия Никоновского свода об усобице под 1365 годом, то оно, вероятнее всего, попало туда из Симеоновской летописи, которую, как выяснил Б.М. Клосс, активно использовал митрополит Даниил для компиляции текстов [4, с. 146]. В свою очередь, Симеоновская летопись, дошедшая до нас в единственном списке начала XVI века, как обнаружил все тот же Б.М. Клосс, в части своих известий подверглась влиянию более поздних великокняжеских летописных сводов 1479 года и конца XV века. В частности, изменениям подвергся период 6869–6872 (1361–1364) годов [5, с. V]. По всей видимости, интерес московского летописания к изменению именно этого фрагмента следует связывать с желанием «подправить» повествование о сложном периоде борьбы Дмитрия Ивановича Московского и Дмитрия Константиновича Суздальского.

Изменения же в датировке усобицы – 1364 год в Симеоновской летописи и 1365 год в великокняжеском своде конца XV века и Никоновской летописи – связаны с изменением стилей. Для Симеоновской летописи, основным источником которой до 1391 года является Троицкая летопись, в известиях XIV века характерен мартовский стиль [1, с. 27], тогда как для двух последних сводов – сентябрьский.

Кажется необходимым отметить и тот факт, что в Симеоновской и Никоновской летописях рассказ о междоусобице кажется весьма схематичным. Более того, можно с трудом представить, что за один год произошло столько событий: приезд Дмитрия Константиновича в Нижний Новгород с матерью и епископом Алексеем, посылка в Орду одновременно Василия Кирдяпы и гонца от Бориса Константиновича (и их возвращение в том же году!), поход в Нижний Сергия Радонежского (шедшего пешком), движение московско-суздальской рати на Бориса, смерть епископа Алексея, у которого до этого митрополит успел отнять права на управление Нижним Новгородом и Городцом. Очевидно, в реальности все было иначе.

Еще одна попытка Д.С. Таловина обосновать датировку междоусобицы 1365 годом, связана с известием о приходе Василия Кирдяпы из Орды с ярлыком от хана Азиз-шейха («царя Озиза» в русских источниках), который начал править в Орде якобы только с 1365 года [13, с. 104–106]. Однако тюрколог А.П. Григорьев указывает на тот факт, что монетная чеканка Азиз-шейха известна в Новом Сарае с 766 года хиджры (28.IX.1364 – 17.IX.1365 годы по юлианскому календарю) [3, с. 36]¹. Таким образом, эта датировка

начала правления Азиз-шейха абсолютно не противоречит известиям Рогожского летописца.

Итак, можно подвести предварительные выводы. Отнесение Никоновской летописью событий междоусобицы в Суздальско-Нижегородском княжестве к 1365 году представляется неверным. По всей видимости, правильной следует признать датировку по Рогожскому летописцу – 1363–1364 годы.

Теперь необходимо рассмотреть известие о пострижении Андрея Константиновича в 1364 году, находящееся также в Никоновской летописи [8, с. 3]. Б.М. Клосс относит данное свидетельство к уникальным данным, содержащимся в своде [4, с. 183], однако так и не объяснил его происхождение. Между тем ни один из более ранних летописных источников не сообщает нам об этом событии.

Подобного известия нет и в житии княгини Вассы (Анастасии до иночества) – дочери тверского боярина Ивана Киясовского и жены Андрея Константиновича, принявшей после его смерти монашеский постриг. Краткий рассказ о ее жизни включен в Рогожский летописец под 6886 годом (1378 год). В нем сообщается, что свадьба Вассы и Андрея произошла в 1343 году, а в целом в браке супруги прожили 24 года (т.е. до 1367 года) [9, стб. 132]. В Пространной редакции жития, изученной и опубликованной А.А. Романовой, указан тринадцатилетний период нахождения в браке (т.е. до 1356 года) [12, с. 613]. Нетрудно заметить, что хронология текстов неточна в датировке смерти князя, однако ни в одном из текстов нельзя обнаружить даже намек на уход Андрея в монастырь и расторжение брака, которое бы неминуемо за этим последовало. Напротив, сама княгиня уходит в монастырь только после смерти супруга, хотя в текстах неоднократно подчеркивается ее стремление едва ли не с детства стать «невестой Христовой», а Зачатьевский монастырь, в котором Васса приняла постриг, как свидетельствует Рогожский летописец, княгиня «иже сама создала при князи своемъ» [9, стб. 132].

Андрей Константинович действительно встретил смерть в 1365 году «в чернецехъ и скиме», однако это была распространенная практика подготовки к встрече с Всевышним среди княжеских родов средневековой Руси. Рогожский летописец сообщает, что отец Андрея, Константин Васильевич, также принял постриг перед смертью [9, стб. 64]. Но в этом случае становится очевидным, что междоусобица разыгралась во время его княжения. Как такое могло быть? Здесь следует принять во внимание предположение В.А. Кучкина о политической пассивности Андрея Константиновича вообще [6, с. 226]. Вполне возможно, что князь полностью отошел от активной деятельности по управлению княжеством, чем невольно и спровоцировал столкновение между младшими братьями. Рискнем предположить, что известие Никоновской летописи о пострижении Андрея в год, предшествовавший началу усобицы, было необходимо редактору текста как возможное объяснение создавшейся ситуации.

Последний вопрос, который планируется рассмотреть в настоящей статье – это причины возмущения Бориса Константиновича против своего старшего брата. На наш взгляд, они непосредственно связаны с

¹ Справедливости ради следует отметить, что А.П. Григорьев полагал, что в 1364–1365 годах в Орде идет борьба между Азиз-шейхом, Абдуллой и Хайра Пуладом, в которой в 1365 году победил первый. Эта теория основана исключительно на убежденности, что резчики монет Абдуллы и Пулада ошиблись, вырезав на их монетах 762 год хиджры вместо 766 [3, с. 37–39]. Между тем факт остается фактом – достоверно известна чеканка монеты в 766 г.х. в Новом Сарае только Азиз-Шейха.

удельной системой Суздальско-Нижегородского княжества.

Смерть Константина Васильевича в 1355 году, несомненно, означала для великого княжества определенный рубеж в его истории и прежде всего в отношении его политико-территориального устройства. В настоящее время не сложилось единого мнения относительно существования духовной грамоты Константина Васильевича и ее содержания, поскольку ни один современный эпохе источник не упоминает ее. Это стало причиной появления различных точек зрения относительно появившейся системы уделов и их количества. Первым по этому поводу высказался Н.И. Храмцовский [16, с. 37], указавший на появление по инициативе уже Андрея Константиновича, оставившего себе Нижний Новгород, уделов с центрами в Суздале и Городец во главе с Дмитрием и Борисом Константиновичами соответственно. Четвертый брат Дмитрий Ноготь, по мнению историка, «кажется, не получил никакого удела и жил в Суздале» [16, с. 37]. С точкой зрения Н.И. Храмцовского позже согласился А.В. Экземплярский [19, с. 404].

Предположение о существовании специального завещания Константина Васильевича было выдвинуто А.Е. Пресняковым. Отцовский «ряд», согласно его теории, и закрепил за вторым и третьим сыном Суздаль и Городец [11, с. 265]. Уже во второй половине XX века с тезисом Преснякова согласился и В.А. Кучкин. Он же локализовал и надел Дмитрия Константиновича Ногтя – села и угодья вокруг Суздаля и многочисленные земельные угодья в среднем и нижнем течении рек Уводы, Ухтомы и Вязьмы [6, с. 220–223].

Особняком стоит концепция нижегородского историка П.В. Чеченкова. Не отрицая возможности существования духовной грамоты Константина Васильевича, историк пришел к выводу о нижегородско-городецкой части великого княжества при Константине Васильевиче и Андрее Константиновиче как о великокняжеском «примысле», что, соответственно, означало невозможность для Бориса Константиновича обладания Городцом до 1363/64 годов. П.В. Чеченков также выдвинул версию о возможном совместном владении Суздалем младшими братьями Андреем Константиновичем (выраженном в определении «Суждалскими»), доминирование в котором Дмитрия-Фомы он объяснил его старшинством и «активной политической позицией в вопросе о старшем столе Северо-Восточной Руси» [18, с. 323–324].

Полагаем, что концепция Чеченкова позволяет снять некоторые неясные до настоящего времени вопросы. Дело, как представляется, не только в том, что третий сын Константина Васильевича был «энергичный и тщеславный» [13, с. 151]. Его энергии и тяге к власти не хватало только одного – достойного удела. Не получив его при старшем брате, у Бориса не могло быть никаких иллюзий и по отношению к Дмитрию Константиновичу, к тому же имевшего на 1363 год трех сыновей, старшему из которых, Василию Кирдяпе, уже было 13 лет². В этой ситуации на-

дежд на наследование или получение какого-нибудь стола уже не оставалось.

Если внимательно присмотреться к известию Рогожского летописца под 1363 годом, то вполне можно заметить, что из Суздаля в Нижний Новгород пришел Дмитрий Константинович, когда Борис, уже находившийся в городе, не уступил ему власть [9, стб. 74]. В тексте абсолютно нет намеков на то, что Борис Константинович откуда-то пришел в столицу княжества. По всей видимости, младший брат все время находился в Нижнем, не обладая полноценным уделом.

Характерно, что, получив в удел Городец, Борис вплоть до смерти Дмитрия-Фомы в 1383 году вел себя как вполне лояльный вассал и послушный брат. Городецкий князь активно расширял границы Суздальско-Нижегородского княжества на востоке, участвовал в общерусском походе на Тверь в 1375 году [9, стб. 85, 100, 110]. По всей видимости, выделение нового территориального образования внутри княжества в достаточной степени удовлетворило Бориса Константиновича.

Таким образом, можно сделать следующие выводы. Борьба между Дмитрием и Борисом Константиновичами происходила в 1363–1364 годах, а самым надежным источником для изучения этих событий является Рогожский летописец. Андрей Константинович не был пострижен в монахи в 1364 году, а просто отдался от дел. Наконец, основной причиной междоусобицы стала неразвитость удельного строя Суздальско-Нижегородского княжества.

Литература

1. Бережков, Н.Г. Хронология русского летописания / Н.Г. Бережков. – Москва, 1963.
2. Горский, А.А. Судьбы Нижегородского и Суздальского княжеств в конце XIV – середине XV веков / А.А. Горский // Средневековая Русь – 2004. – Москва, 2004. – С. 140–171.
3. Григорьев, А.П. Золотоордынские ханы 60–70-х гг. XIV в.: хронология правления / А.П. Григорьев // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. – Ленинград, 1983. – Вып. VII. – С. 9–54.
4. Клосс, Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков / Б.М. Клосс. – Москва, 1980.
5. Клосс, Б.М. Предисловие к изданию 2007 г. / Б.М. Клосс // Полное собрание русских летописей. – Москва, 2007. – Том XVIII. Семионовская летопись. – С. V–VI.
6. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV веках / В.А. Кучкин. – Москва, 1984.
7. Полное собрание русских летописей. – Петроград, 1915. – Том 4. Новгородская и Псковская летописи. – Ч. 1. Новгородская четвертая летопись.
8. Полное собрание русских летописей. – Санкт-Петербург, 1897. – Том 11. Патриаршая или Никоновская летопись.
9. Полное собрание русских летописей. – Петроград, 1922. – Том 15. – Вып. 1. Рогожский летописец.
10. Полное собрание русских летописей. – Москва, 2007. – Том 18. Симеоновская летопись.
11. Пресняков, А.Е. Образование Великодержавного государства: очерки по истории XIII–XV столетий / А.Е. Пресняков. – Петроград, 1918.
12. Романова, А.А. Житие Вассы (Феодоры) Нижегородской: пространная (компилятивная) редакция / А.А. Романова // Русская агиография: Исследования. Публикации. Полемика. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 601–614.

² Василий Кирдяпа родился в 1350 году. См.: [19, с. 424]

13. Таловин, Д.С. Великое Нижегородско-Суздальское княжество (1341–1392 гг.) в системе земель Северо-Восточной Руси: дис. ... канд. ист. наук / Таловин Д.С. – Нижний Новгород, 2001.

14. Татищев, В.Н. Собрание сочинений. – Москва, 1996. – Том V. История Российская. – Ч. 3.

15. Федоров-Давыдов, Г.А. Монеты Нижегородского княжества / Г.А. Федоров-Давыдов. – Москва, 1989.

16. Храмцовский, Н.И. Краткий очерк истории и описание Новгорода / Н.И. Храмцовский. – Нижний Новгород, 2014.

17. Черепнин, Л.В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках: очерки социально-экономической и политической истории Руси / Л.В. Черепнин. – Москва, 1960.

18. Чеченков, П.В. Суздальские Рюриковичи и территориально-политическое устройство Нижегородского княжества / П.В. Чеченков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005 год. Рюриковичи и российская государственность. – Москва, 2008. – С. 319–339.

19. Экземплярский, А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1328 по 1505 г. / А.В. Экземплярский. – Санкт-Петербург, 1891. – Т. 2.

A.I. Pchelintsev

**« HIS YOUNGER BROTHERS ... DID NOT CONCEDE REIGNING TO HIM »:
ON PROBLEMS OF STUDYING OF THE FIRST CIVIL STRIFE IN THE SUZDAL
AND NIZHNY NOVGOROD PRINCIPALITY**

The article explores the events of the first half of 1360s in the Suzdal-Nizhny Novgorod principality. The article focused on the questions on the exact dating of the events of the fraternal strife, reliability of data on Andrey Konstantinovich's taking of monastic vows in 1364, and the reasons of the indignation of Boris Konstantinovich.

Russia in Dmitry Donskoy's era, the Suzdal Ryurik dynasty, Nizhny Novgorod, fraternal strife, apanage system, the Rogozhsky Chronicle (“Rogozhsky letopisets”), Nikon Chronicle (“Nikonovskaya letopis”).

УДК 1(091)

И.В. Дёмин

Самарский национальный исследовательский университет
им. академика С.П. Королева

ПРАКТИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ СООТНЕСЕННОСТИ ЧЕЛОВЕКА С ПРОШЛЫМ В ФИЛОСОФСКОЙ КОНЦЕПЦИИ МАЙКЛА ОУКШОТТА

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-13-63002 «Философия истории в контексте постметафизического мышления»
(Региональный конкурс «Волжские земли в истории и культуре России» 2015 года)*

В статье анализируется философско-историческая концепция Майкла Оукшотта. Подробно рассматривается вопрос о соотношении исторического, практического, созерцательно-эстетического и научного способов понимания прошлого. Особое внимание уделяется прояснению места концепции Оукшотта в контексте неклассической философии истории и теории историописания XX в. Позиция Оукшотта может рассматриваться в качестве продуктивной альтернативы как прагматической, так и эстетической интерпретациям исторического опыта и историописания. Выявляются некоторые противоречия в предложенной Оукшоттом трактовке историописания и исторического познания. Показано, что описание деятельности историка и исторического отношения к прошлому у Оукшотта носит по преимуществу апофатический характер. Новизна трактовки историописания в концепции Оукшотта заключается в том, что история рассматривается в качестве особого вида опыта, несводимого ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию.

История, историописание, исторический опыт, историческое познание, методология истории, философия истории, Майкл Оукшотт.

Майкл Оукшотт известен главным образом как политический философ и теоретик консерватизма [10]. Не меньший интерес, однако, представляет его философско-историческая концепция, которую можно поставить в один ряд с наиболее значительными теориями историописания XX в.

Впервые к проблеме исторического опыта и историописания Оукшотт обращается в работе «Опыт и его формы» [19]. История, наряду с наукой (естествознанием), понимается здесь в качестве одной из форм опыта, причем опыт у Оукшотта не противопоставляется мышлению, опыт включает в себя мысль. История представляет собой такую форму опыта и форму мысли, в которой все сущее рассматривается «с точки зрения прошлого». Оукшотт проводит принципиальное различие между «историческим» и «прагматическим» (неисторическим) прошлым. Это различие станет центральным в статье «Деятельность историка» (1955).

В центре внимания Оукшотта – вопрос о характере деятельности историка как носителя специфически исторического отношения к прошлому. В работе «Деятельность историка» история рассматривается в качестве специфического вида познания, который «возникает из общего и неспециализированного интереса к прошлому» [14, с. 131]. Такая трактовка истории предполагает, что не всякие утверждения о прошлом являются историческими утверждениями, и не

всякий, кто высказывает нечто о прошлом, является историком. Английский философ стремится показать, что историописание не сводимо ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию, ни к научному познанию, иными словами, он обосновывает автономный характер историописания.

Историк, согласно Оукшотту, есть тот, кто движим именно историческим (а не практическим, эстетическим или научным) интересом к прошлому. В выявлении специфики исторического отношения к прошлому заключается главная задача философии и методологии истории.

Обобщая опыт, накопленный в области методологии и теории исторического познания, Оукшотт отмечает специфические особенности деятельности историка [13]. Первая особенность заключается в том, что историк, в отличие, например, от исторического романиста, стремится *верифицировать* свои утверждения. Это, однако, не единственная и не главная особенность исторического отношения к прошлому.

Другая значимая характеристика историописания может быть сформулирована следующим образом: историк занимается не тем, что *могло бы произойти*, но тем, что *действительно произошло*. Наконец, третья особенность заключается в том, что историк занимается описанием и изучением лишь тех событий, которые являются результатом осознанной человеческой деятельности. Отталкиваясь от этих исходных

положений, открытых немецкой исторической школой, Кроче, Коллингвудом и другими теоретиками историописания, Оукшотт ставит задачу «отличить особое “историческое” отношение к прошлому от других существующих или возможных отношений и, таким образом, более точно охарактеризовать специфику исторического познания» [14, с. 131].

Оукшотт рассматривает изучение прошлого в качестве одного из проявлений целостного отношения субъекта к окружающему миру. Помимо исторического, он выделяет также практический, научный и эстетический способы соотнесенности человека с миром. Историописание, научное познание, эстетическое созерцания и практическая деятельность предстают в качестве различных способов человеческого существования, каждый из которых раскрывает мир в особом, специфическом ракурсе.

Суть «практической» установки в том, что все происходящее осознается «в его связи с нами, нашими желаниями, действиями или надеждами» [14, с. 133]. Такой способ миропонимания является для человека исходным и первичным, «мы с трудом освобождаемся от него и легко к нему возвращаемся» [14, с. 133].

«Научный» способ соотнесенности с миром предполагает, что «мы рассматриваем события не в их отношении к нам <...>, а как независимые от нас» [14, с. 134]. Оукшотт отмечает, что и в практической, и в научной реакциях мир предстает как «мир фактов» [14, с. 135].

Созерцательная позиция, в отличие от практической и научной, не вызывает стремления к исследованию и не провоцирует размышления о причинах и условиях возникновения тех или иных явлений.

Что есть прошлое?

Оукшотт стремится извлечь все выводы из тезиса о том, что прошлое представляет собой *отсутствующую* реальность. Прошлое всегда открывается нам в контексте *настоящего*, и это «открытие» прошлого осуществляется не иначе, как посредством интерпретации тех или иных артефактов (исторических источников), существующих, опять-таки, в настоящем: «Прошлое, каким бы образом оно ни появилось, есть определенная разновидность прочтения настоящего» [14, с. 138]. «“Прошлое”, – пишет Оукшотт, – есть некоторая конструкция, которую мы создаем из событий, происходящих у нас на глазах» [14, с. 135]. Такая трактовка исторической реальности может показаться радикально презентистской и конструктивистской [6, с. 137], однако, это обманчивое впечатление. Оукшотт, в отличие от представителей нарративной философии истории (Х. Уайт [21], П. Вен [3]), стремится обосновать сущностную *инаковость* прошлого по сравнению с настоящим и утвердить автономию историописания, его независимость от лингвистических и идеологических структур, определяющих социальное бытие субъекта.

Прошлое как *историческое* прошлое всякий раз открывается в определенном модусе интерпретации, благодаря специфической установке сознания: «Так же, как “будущее” появляется в результате понимания событий настоящего в качестве свидетельств того, что

еще только готовится появиться, “прошлое” появляется благодаря истолкованию текущих событий как свидетельств того, что уже произошло» [14, с. 136]. То, что *есть теперь* в настоящем (источники, артефакты культуры), истолковывается в качестве свидетельства того, что *было, уже произошло, завершилось*. Презумпция восприятия артефакта в качестве *исторического источника* – вот конститутивная черта специфически исторического способа соотнесенности с прошлым.

Прошлое как *историческое* прошлое открывается лишь *в контексте определенного понимания настоящего*. Настоящее здесь интерпретируется в качестве *знака прошлого*. События и явления настоящего с *самого начала* понимаются как *свидетельства прошедших событий*. Такая установка сознания и такой способ интерпретации наличных артефактов делают возможным историописание как таковое.

Всякий артефакт культуры (будь то текст, архитектурное сооружение, картина) принадлежит *настоящему*, наличествует в настоящем. Прошлое как *историческое* прошлое открывается там, где артефакты культуры начинают рассматриваться в качестве свидетельства событий, которые уже произошли. Такой способ рассмотрения текстов и артефактов настоящего является универсальным, но не является единственно возможным: «В мире нет ничего, что не могло быть рассмотрено таким образом, но также нет ничего, что можно рассматривать *только* таким образом» (курсив Оукшотта. – *И. Д.*). Если тот или иной артефакт используется утилитарно или является предметом эстетического созерцания, он не открывает специфического измерения истории, не открывает прошлое в качестве *исторического* прошлого. Важно отметить и другой момент: не существует таких артефактов культуры, которые были бы историческими источниками *par excellence*, могли бы интерпретироваться лишь *историческим* способом и допускали бы только специфически *историческую* реакцию субъекта. «Историчность» того или иного артефакта определяется не его «объективным» содержанием, но способом понимания и интерпретации.

Способы соотнесенности человека с прошлым

Понимание настоящего в качестве знака и свидетельства прошлого является необходимым, но не достаточным условием специфической деятельности историка.

Оукшотт рассматривает три различных способа интерпретации настоящего в качестве знака (свидетельства) прошлого. Они соответствуют трем базовым «реакциям» субъекта на события окружающего мира. Речь идет о практическом, научном и созерцательно-эстетическом способах соотнесенности с прошлым.

«Практический» способ понимания прошлого является, согласно Оукшотту, изначальным и универсальным. Этот способ «столь же стар, как и сам род человеческий» [14, с. 139]. Это «простейший и наименее изощренный способ понимания» [14, с. 139]. Все прошлые события оцениваются в зависимости от того, какое значение они имеют (могут иметь) для современности: «Практический человек проводит различия между событиями прошлого как садовник,

отличающий полезные растения от сорняков» [14, с. 141].

В рамках практического способа понимания «мы интерпретируем прошедшие события в отношении к себе и к нашей текущей деятельности» [14, с. 136]. Прошлое здесь прочитывается, интерпретируется, понимается *в перспективе настоящего*, в связи с теми или иными интересами, ценностями и целями субъекта. Практический способ интерпретации событий прошлого можно с полным правом назвать *презентистским*: прошлое здесь не просто описывается на языке настоящего, оно вообще исчезает как *прошлое*, утрачивает свою сущностную инаковость по отношению к настоящему [15]. Такое отношение к прошлому характерно для всякого субъекта практической деятельности: «Его интересуют и осознаются им только те события прошлого, которые он может связать со своей сегодняшней деятельностью. Он всматривается в прошлое для того, чтобы объяснить современность, оценить или сделать окружающий мир более пригодным для жизни и менее таинственным» [14, с. 141]. Наиболее ярко этот способ соотносительности с прошлым проявляется в политической деятельности. История здесь – не более чем политика, обращенная в прошлое.

Практическому (социально ангажированному, «социально ориентированному» [12]) способу понимания и интерпретации прошлого противостоят научный и созерцательно-эстетический способы. «В научной реакции, – отмечает Оукшотт, – появляется прошлое, не связанное с нами, прошлое само по себе» [14, с. 137]. События прошлого при таком подходе истолковываются как примеры действия общих законов.

Описав научную установку в отношении к прошлому, Оукшотт, однако, сразу же замечает, что данная установка является чисто *гипотетической*, на практике она не может быть реализована. Специфически «научного» отношения к прошлому, строго говоря, быть не может, «поскольку мир, появляющийся в научной теории, – это мир без времени, мир не реальных событий, а гипотетических ситуаций» [14, с. 137]. Тем самым Оукшотт занимает весьма недвусмысленную позицию по вопросу о том, является ли история наукой, может ли историописание быть научным. Если под наукой понимается подведение единичных случаев под общие законы, то история наукой не является. Но, решительно отвергая сциентистские притязания историописания, Оукшотт, в то же время, последовательно отстаивает *автономный* характер деятельности историков, ее несводимость ни к политике, ни к морали, ни к искусству.

Созерцательно-эстетический способ осмысления прошлого характерен, например, для исторической романистики. Прошлое здесь предстает не в качестве совокупности фактов, но как «кладовая чистых образов» [14, с. 138]. Несмотря на противоположную направленность практической и созерцательной установок, у них имеется общая черта: игнорирование различий между прошлым и настоящим. «Когда предметы (корабль или лопата) “созерцаются”, мы пренебрегаем их практической пригодностью. Точно так же, когда “созерцается” то, что при другом отношении было бы осознано как событие “прошлого”, его принадлежность прошлому игнорируется» [14, с. 138].

Для созерцательной (эстетической) установки, строго говоря, не существует различий между событиями настоящего и событиями прошлого. «То, что мы созерцаем, – события не прошлого, а настоящего, которые, как мы считаем (в силу какого-то другого отношения к настоящему), произошли» [14, с. 138]. Созерцательное отношение к прошлому, как и отношение практическое, Оукшотт рассматривает в качестве изначального и универсального.

Историческое отношение к прошлому и задачи исторического познания

Практическое истолкование прошлого, согласно Оукшотту, представляет собой «исконную деятельность приспособления к окружающему нас миру путем включения *нашего* прошлого в *наше* настоящее» [14, с. 151] и не может быть отвергнуто как незаконное. «Практическое прошлое (включая моральные оценки прошлого поведения) – враг не человечества, а только “историка”» [14, с. 151]. Дело не в том, является ли допустимым практическое отношение к прошлому, а в том, возможно ли какое-то иное, непрактическое, *историческое*, отношение к прошлому? Оукшотт стремится обосновать положительный ответ на этот вопрос.

Рассмотрев практический, эстетический и научный способы соотносительности человека с прошлым, Оукшотт делает вывод о том, что деятельность историка не укладывается в рамки трех перечисленных способов понимания и интерпретации прошлого. Историк понимает явления окружающего мира как свидетельства прошлых событий. Эта установка, однако, является общей для всех способов соотносительности субъекта с историческим прошлым. Политик или романист также могут понимать явления настоящего в качестве свидетельств прошлых, произошедших событий, но деятельность политика и романиста *этим не исчерпывается*. Далеко не все виды утверждений о прошлом, которые делаются на основании практической и эстетической установок, являются приемлемыми для историка. Историк отличается от политика или романиста не тем, что он делает что-то эксклюзивное, а тем, что он *не делает* того, что делают политик или романист. Деятельность историка основывается на признании принципиальных различий между прошлым и настоящим, на презумпции несводимости прошлого к настоящему. Деятельности историка, таким образом, изначально присуща *антипрезентистская* направленность.

Историк, в отличие от практически ориентированного субъекта (политика или моралиста), *не* связывает факты прошлого с событиями и ситуациями настоящего. Отношение историка к прошлому не является *практическим* отношением, им движет не практический, но сугубо *исторический* интерес. Такая трактовка историописания делает крайне затруднительным или даже вовсе невозможным историческое исследование событий недавнего прошлого. «Легче созерцать объект, чья бесполезность и неприменимость к текущим делам позволяет его изолировать <...>. Точно так же легче (при прочих равных условиях) вычленив “историю” из прошлого, которое безусловно не вызывает неисторического отношения» [14, с. 148]. Здесь следует

заметить, что степень «практической» заинтересованности субъекта в том или ином историческом событии далеко не всегда связана с временной близостью/удаленностью этого события. В силу разных причин события недавнего прошлого могут вызывать меньший практический (политический, моральный) интерес, нежели более ранние события.

Описание деятельности историка и исторического отношения к прошлому у Оукшотта носит по преимуществу *апофатический* характер, то есть речь идет, главным образом, не о том, чем историописание *является*, но о том, чем оно *не является*. Основное внимание он уделяет размежеванию между историческим и практическим способами понимания прошлого. Это связано с тем обстоятельством, что именно практическое отношение к прошлому Оукшотт полагает в качестве первичного. О первичности практической установки можно говорить как минимум в двух смыслах: *концептуальном* и *лингвистическом*. О концептуальной первичности можно говорить потому, что задолго до того, как стать предметом историописания, прошлое уже является «кладовой» опыта и примеров, пригодных для практического использования в настоящем. Практическая соотнесенность с прошлым является первичной также и в лингвистическом отношении: «Прошлое предстает перед нами, в первую очередь, на языке практики, а на язык “истории” его еще нужно перевести» [14, с. 147].

Вывод, к которому приходит Оукшотт, заключается в том, что установка, которой руководствуется историк в своем отношении к прошлому, вовсе не является чем-то *естественным* для человека: «Историческое познание – не некий дар, внезапно обретенный человечеством, а достижение» [14, с. 146]. Историческое отношение к прошлому становится возможным благодаря преодолению «естественной склонности» рассматривать события прошлого, исходя из практических потребностей и интересов настоящего, и видеть в исторических деятелях наших «предшественников».

Оукшотт полагает, что историк должен освободиться от практического интереса к прошлому. Трудность преодоления практической установки связана с тем обстоятельством, что «прошлое является настолько важной частью практической деятельности, что освободиться от <...> практического отношения к нему чрезвычайно трудно – гораздо труднее, чем избавиться от рассмотрения окружающего мира только в отношении к нашим сегодняшним желаниям и заботам» [14, с. 143].

Оукшотт обращает внимание на тот факт, что освобождение историка от «практической установки» и возникновение исторического отношения к прошлому происходит одновременно со становлением новoeвропейской науки, экспериментального естествознания: «В современной Европе “научное” отношение к миру и “историческое” отношение к прошлому возникают одновременно и взаимно влияют друг на друга. Выделение “научного” и “исторического” познания было достигнуто в процессе освобождения от древнего и едва ли не единственного когда-то практического отношения человечества к своему окружению» [14, с. 143]. Однако параллелизм между становлением исторического познания и научной революцией нового времени не следует рассматривать как сви-

детельство возможности «научного» историописания. Научное отношение к прошлому не следует отождествлять с *историческим* отношением, а все попытки сциентизации историописания, неоднократно предпринимавшиеся в философско-методологической литературе XIX–XX вв., заранее обречены на неудачу.

Стремление обосновать научный статус историописания приводит к созданию глобальных схем всемирной истории (гегелевской, марксистской), которые рассматриваются Оукшоттом в качестве «рецидива практического отношения к прошлому» [14, с. 144].

Задача исторического познания, согласно Оукшотту, не может заключаться в выявлении *истоков* (начал) тех или иных событий: «Исследовать “истоки” значит читать прошлое назад и, таким образом, включать его в последующие события или в события настоящего» [14, с. 147]. Исток события всегда выявляют ради того, чтобы лучше понять существующее положение дел, таким образом, установка на выявление истоков исторических событий и явлений является неотъемлемым компонентом практического отношения к прошлому. Выявление истоков исторических событий как стратегия историописания основывается на телеологическом истолковании истории, а последнее, в свою очередь, есть вторжение практического отношения в историческое исследование [14, с. 147].

Историк, в отличие от практически ориентированного субъекта, не стремится связать события прошлого с контекстом современности, с сегодняшней деятельностью, его отношение к прошлому не является практическим отношением, он обращается к прошлому не для того, чтобы сделать окружающий мир более понятным и более пригодным для жизни. Задача историка Оукшотт усматривает в «ослаблении всех связей между прошлым и “практическим” настоящим» [14, с. 151]. Историк преодолевает присущую различным сферам человеческой деятельности естественную «прагматизацию» исторического познания и историописания. Трудность такого преодоления обусловлена не только тем, что «язык практики налагает свой отпечаток на все исследования прошлого» [14, с. 151], но и тем, что «мы живем в таком интеллектуальном мире, который, в силу своей пагубной привычки к “практике”, является особенно враждебным “истории”» [14, с. 151].

В чем же заключается *позитивная* задача историка? Какого рода утверждения высказывает он о прошлом? Какова специфика того типа утверждений о прошлом, который характерен именно для исторических сочинений? Оукшотт описывает деятельность историка следующим образом: «Его деятельность состоит не в распутывании всеобщих причин или необходимых и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в которой они могут быть установлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому» [14, с. 144]. Историк не может знать необходимые и достаточные причины того или иного исторического явления и не должен стремиться к их выявлению. Историческое событие должно восприниматься историком не как случайность и/или необходимость в цепи причинно-следственных связей, но как «понятное сочетание человеческих поступков и решений» [14, с. 144].

Место философско-исторической концепции Оукшотта в неклассической философии истории XX века

События, относящиеся к историческому прошлому (или, точнее, события, какими они предстают в свете специфически исторической установки сознания), «не имеют единого образца и замысла, никуда не ведут, не указывают на предпочитаемое строение мира и не служат основанием для практических выводов» [14, с. 152]. Историческое прошлое, в отличие от прошлого практического интереса, «существует вне морали, политического устройства или социальной структуры» [14, с. 142]. В этой связи все высказывания о прошлом, проистекающие из практической или созерцательно-эстетической установки, с точки зрения историка, должны рассматриваться не как ложные, но как *неисторические*.

Историк в процессе работы с историческими источниками не имеет дела с отдельными событиями, он выстраивает и открывает *событийные ряды*. При этом связь между событиями прошлого не является причинно-следственной, это связь *смысловая*. Историческое событие должно рассматриваться историком «не как “случайность”, “чудо” или “необходимость”, а просто как понятное происшествие» [14, с. 144]. Такая трактовка историописания сближает концепцию Оукшотта с нарративной философией истории, в частности, с исторической эпистемологией Поля Вена, в которой задача историка усматривается в выстраивании событийных рядов на основании того или иного произвольно выбранного «сюжета» [7].

Поскольку практическое отношение к прошлому является первичным, а язык, с помощью которого историческое событие фиксируется в письменном источнике, также по большей части является языком практики, постольку задача историка «заключается в том, чтобы создать перевод и понять поведение людей и события прошлого так, как они никогда не понимались в свое время» [14, с. 150]. Историк должен «перевести действия и события с их практического языка на исторический язык» [14, с. 150]. Такая трактовка историописания является необычной для современной неклассической философии истории, которая усматривает приоритетную задачу историка в том, чтобы осуществлять перевод источника с языка прошлого на язык настоящего [9].

Различие между «практическим» и «историческим» способами понимания исторических событий Оукшотт проясняет посредством метафоры «живого» и «мертвого» прошлого: «Мир желает только учиться у прошлого и конструирует “живое прошлое”, которое с кажущейся убедительностью повторяет выражения, вложенные в его уста. Однако для “историка” это является образцом грубой некромантии, ибо обожаемое им прошлое мертво. Мир же не испытывает ни любви, ни уважения к тому, что умерло, желая лишь вновь вызвать его к жизни» [14, с. 151]. Если прошлое, с которым имеет дело политик или моралист, есть прошлое *живое* (и всякий раз заново *оживляемое*, обновляемое в практической деятельности), то прошлое, которое изучает историк, есть *мертвое* прошлое. Историописание не дает «ни эстетического наслаждения, ни “научного” осознания, ни практического понимания» [14, с. 152], оно есть *мечта*, мечта особого рода. В такой трактовке наиболее зримо проявляется идея автономии историописания.

Какое место занимает предложенная Оукшоттом трактовка исторического прошлого и историописания в контексте неклассической философии истории XX в.?

В статье «Философия истории» [20, с. 201–208] Оукшотт проводит различие между двумя типами философско-исторической рефлексии. Под «философией истории», во-первых, может пониматься теория всемирной истории. В английской философской и исторической мысли такой способ осмысления истории характерен, прежде всего, для работ Арнольда Тойнби. Во-вторых, под «философией истории» может пониматься теория историописания и методология исторического познания. Именно такая трактовка философии истории получила наибольшее распространение в англоязычной философии XX в.

Философско-историческую концепцию Оукшотта нельзя однозначно отнести ни к теории исторического процесса классического типа, ни к методологии исторического познания. С одной стороны, Оукшотт разделяет свойственную большинству неклассических концепций (структурализм, постструктурализм, аналитическая философия истории, неопрагматизм) конструктивистскую установку в отношении исторического прошлого, согласно которой предмет историописания не предшествует познавательной деятельности историка, но конструируется в процессе самой этой деятельности. С другой стороны, Оукшотт стремится избежать презентистского и «прагматического» истолкования прошлого и обосновать возможность историописания как автономной деятельности, несводимой ни к социальным практикам, ни к эстетическому созерцанию. Историописание есть особый вид опыта, существующий наряду с опытом «практическим» (этическим и политическим), научным и эстетическим.

Предложенную Оукшоттом трактовку историописания как специфического опыта и автономного вида деятельности можно сопоставить с другими трактовками исторического опыта. Одним из первых, кто обратил внимание на феномен исторического опыта в философии XX в., был Р.Дж. Коллингвуд. «Для историка действия, историей которых он занимается, – не зрелища, данные наблюдению, но живой опыт, который он должен пережить в собственном уме» [11, с. 208]. Учитывая многозначность понятия «опыт», необходимо уточнить, что в данном случае речь идет не о непосредственном чувственном восприятии (таковое применительно к прошлому невозможно), но о такой форме освоения действительности, при которой теория неотделима от практики, а познание – от деятельности [8, с. 3–6].

В современной философии истории и теории историописания наибольшее внимание категории исторического опыта уделяется в работах Франка Анкерсмита [1; 2]. Общим знаменателем самых различных неклассических теорий истории, согласно Анкерсмиту, выступает тезис о том, что соотнесенность субъекта с прошлым всегда опосредована историческими текстами, нарративами. Этот тезис выражает суть методологической установки, которую Анкерсмит обо-

значает как «лингвистический трансцендентализм» [4, с. 392]. Отрицая «универсальное посредничество» языка, нарратива, метода, традиции и обосновывая *непосредственный* характер исторического опыта, Анкерсмит признает в качестве его единственного трансцендентального условия *личность* самого историка, интерпретирующего тексты (исторические источники) [6, с. 101].

Анкерсмит стремится разработать такую концепцию исторического опыта, которая бы заведомо исключала возможность «освоения» и «присвоения» прошлого субъектом историописания. С этой целью он обращается к *феномену ностальгии* и интерпретирует «возвышенный» исторический опыт как *опыт ностальгии, ностальгический опыт* [5].

Трактовка исторического опыта у Анкерсмита имеет отчетливо выраженную антипрезентистскую направленность. Прошлое, данное нам в ностальгическом опыте, есть прошлое, *недостижимое* для нас (в том смысле, что его невозможно «использовать» для нужд настоящего, представить в качестве «ресурса» действующего и преследующего свои цели субъекта). Анкерсмит интерпретирует ностальгический опыт как подлинный, аутентичный опыт прошлого. Такая интерпретация основывается на идее о том, что язык или исторический нарратив *сам по себе* является преградой и «заслоняет» доступ к аутентичному прошлому. Нарративное присвоение и освоение прошлого неизбежно искажает аутентичный исторический опыт.

Принципиально иная трактовка исторического опыта дается в работах В.Н. Сырова [16; 18]. Исторический опыт, согласно Сырову, не открывает прошлое в качестве предмета историописания, прошлое – это и есть не что иное, как исторический опыт. Структура повседневного опыта отождествляется у Сырова со структурой *истории как таковой*: опыт, также как и история, характеризуется качествами *индивидуальности, завершенности и событийности*. Поскольку имеющийся у нас опыт представляет собой не что иное, как удерживаемое в памяти *завершенное событие*, постольку становится принципиально возможным его *нарративное описание*.

Нарратив не является чем-то случайным и «факкультативным» по отношению к опыту (истории). Нарративное знание об историческом прошлом в контексте такой трактовки оказывается неотделимым от самого опыта, оно обнаруживает себя в качестве неотъемлемой части опыта. Мы *обращаемся* к прошлому с целью *воспользоваться опытом*, который оно в себе несет и которым оно, в сущности, *является*. Прошлое *конституируется* как «наш опыт» только тогда, когда мы *знаем* о нем. Нарратив же является универсальной формой знания об историческом прошлом. Историческое познание в форме нарративного историописания конституирует прошлое в качестве «накопленного опыта» какой-либо деятельности. Историческое познание *высвечивает*, обнаруживает прошлое как опыт. Опыт не предшествует историческому познанию и знанию, но сам является формой знания: «Приобрести опыт значит приобрести некоторый вид знания» [17, с. 196].

История (историческое прошлое) в концепции В.Н. Сырова представляет собой всякий раз уже имеющийся в распоряжении субъекта опыт той или

иной деятельности, однако, это изначально присущее истории *свойство «быть опытом»* обнаруживается *не иначе, как в нарративе*, в рассказе о прошлом. Опыт понимается здесь не столько как переживание, сколько как *вид знания*, а отношение, изначально связывающее человека и прошлое, мыслится как отношение *практической заинтересованности*. История есть накопленный и находящийся в распоряжении субъекта опыт какой-либо деятельности. Таким образом, историописание (создание исторических нарративов) в концепции Сырова предстает не в качестве автономной сферы, но в качестве придатка практической деятельности. Анкерсмит же, напротив, стремится избежать «прагматизации» историописания и потому рассматривает исторический опыт как эстетический феномен, описывает его в эстетических категориях. Таковы две крайних трактовки исторического опыта и историописания в современной неклассической философии истории. В этой связи позиция Оукшотта может рассматриваться в качестве продуктивной альтернативы как прагматической, так и эстетической интерпретациям исторического опыта.

Предложенная Оукшоттом трактовка историописания сталкивается с определенными трудностями. Отметим лишь две из них.

Оукшотт исходит из того, что события прошлого должны интересовать историка сами по себе, вне их соотносительности с последующими событиями и с современным контекстом. Однако выделение того или иного событийного ряда («история Пунических войн», «история Французской революции», «история костюма» и т.д.) предполагает, во-первых, завершенность событий и знание историком финала, а во-вторых, наличие у историка достаточных оснований для отделения одного событийного ряда от другого. В классической историософии таким основанием, позволявшим выделять, описывать и сопоставлять различные событийные ряды, была теория всемирной истории, представленная глобальными схемами всемирно-исторического развития. В неклассической лингвистически ориентированной философии истории XX века таким основанием стала способность историка выбирать сюжет и выстраивать исторические события вокруг произвольно выбранного сюжета. При этом отправной точкой для выбора сюжета выступает *контекст современности*, а определяющим методологическим принципом становится *презентизм*. Оукшотт, с одной стороны, отвергает метафизические построения классической философии истории, с другой стороны, стремится избежать прагматизации историописания, присвоения прошлого настоящим. Историк в своей деятельности должен отделять существенное от несущественного, однако вопрос о том, на что может опереться историк в выстраивании событийных рядов, в концепции Оукшотта остается непоясненным. Если «место события не определяется его отношением к последующим событиям» [14, с. 142], тогда на каком основании мы можем судить о значении исторического события в контексте той или иной «истории»?

Вторая трудность, с которой сталкивается рассматриваемая концепция, связана с метафорой «живого» и «мертвого» прошлого. Оукшотт полагает, что прошлое может быть предметом специфически исто-

рического интереса лишь в том случае, если это прошлое «мертвое». Всякая попытка историка «оживить» прошлое приводит к *прагматизации* (политизации, идеологизации, морализации) или *эстетизации* событий прошлого, в результате чего историческое отношение к прошлому подменяется практическим или эстетическим. «Живым» прошлое делается благодаря своей связи с настоящим, с актуальным бытием субъекта. Эта связь с настоящим может быть осмыслена в терминах традиции, исторической памяти или исторического опыта. Однако во всех случаях именно соотносительность прошлого с актуальным бытием социального субъекта является источником понятности и осмысленности исторических событий. Оукшотт усматривает задачу историка в том, чтобы показать радикальную инаковость прошлого, его несводимость к настоящему, но для этого прошлое все же должно быть соотносено с настоящим, иначе непонятными и непроясненными остаются не только *основания* деятельности историка, но и *мотивы* нашего обращения к прошлому.

Подведем итог. Майкл Оукшотт разработал оригинальную трактовку историописания как формы опыта, несводимой ни к практической деятельности, ни к эстетическому созерцанию. Описание деятельности историка у Оукшотта носит по преимуществу *апофатический* характер, то есть речь идет, главным образом, о том, чем историописание не является, а не о том, чем оно является и должно быть. Историческое познание становится возможным благодаря освобождению человека от практического отношения к прошлому, которое и в хронологическом и в экзистенциальном отношениях является первичным. Предложенная Оукшоттом трактовка деятельности историка сталкивается с целым рядом трудностей, преодоление которых позволило бы существенно обогатить современную неклассическую философию истории и теорию историописания.

Литература

1. Анкерсмит, Ф.-Р. Возвышенный исторический опыт / Ф.-Р. Анкерсмит. – Москва, 2007.
2. Анкерсмит, Ф.-Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.-Р. Анкерсмит. – Москва, 2003.
3. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии / П. Вен. – Москва, 2003.
4. Дёмин, И.В. Сравнительный анализ трактовок исторического опыта у Ф. Анкерсмита и Г.-Г. Гадамера / И.В. Дёмин // Философия и культура. – 2014. – № 3. – С. 391–400.

5. Дёмин, И.В. Феномен ностальгии в горизонте постметафизической философии истории / И.В. Дёмин // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология. – 2012. – № 1. – С. 16–25.

6. Дёмин, И.В. Философия истории в постметафизическом контексте / И.В. Дёмин. – Самара, 2015.

7. Дёмин, И.В. Осмысление истории как целостности в горизонте классической и неклассической философии / И.В. Дёмин // Философская мысль. – 2016. – № 2. – С. 47–90.

8. Дёмин, И.В. Проблема соотношения исторического опыта и исторического нарратива в постметафизической философии истории / И.В. Дёмин // Клио. – 2014. – № 8 (92). – С. 3–6.

9. Дёмин, И.В. Семиотический подход к истории: между презентизмом и антикваризмом / И.В. Дёмин // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2015. – № 4 (232). – С. 48–54.

10. Запускалов, А.М. Консерватизм Майкла Оукшотта в современных зарубежных исследованиях / А.М. Запускалов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 6 (44). – Ч. II. – С. 78–81.

11. Коллингвуд, Р.Дж. Идея истории: Автобиография / Р.Дж. Коллингвуд. – Москва, 1980.

12. Маловичко, С.И. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание / С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцев. – Орехово-Зуево, 2013.

13. Николаев, Б.В. Теория исторического познания М.Дж. Оукшотта / Б.В. Николаев. – Пенза, 2010.

14. Оукшотт, М. Деятельность историка / М. Оукшотт // Оукшотт М. Рациональность в политике и другие статьи. – Москва, 2002. – С. 128–153.

15. Савельева, И.М. О пользе и вреде презентизма в историографии / И.М. Савельева, А.В. Полетаев // «Цепь времен»: Проблемы исторического сознания. – Москва, 2005. – С. 63–88.

16. Сыров, В.Н. В каком историческом сознании мы нуждаемся: к методологии подхода и практике использования / В.Н. Сыров // Вестник Томского государственного университета. История. – 2013. – № 1 (21). – С. 183–190.

17. Сыров, В.Н. Введение в философию истории: Своеобразие исторической мысли / В.Н. Сыров. – Москва, 2006.

18. Сыров, В.Н. Обречены ли исторические нарративы быть мифами? / В.Н. Сыров // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. – Челябинск, 2004. – С. 85–99.

19. Oakeshott, M. Experience and Its Modes / M. Oakeshott. – Cambridge, 1933.

20. Oakeshott, M. What is History? And other Essays / M. Oakeshott. – Imprint Academic, 2004.

21. White, H. The Practical Past / H. White // Historein. – 2010. – V. 10. – P. 10–19.

I.V. Demin

PRACTICAL AND HISTORICAL METHODS OF PERSON RELATEDNESS WITH PAST IN MICHAEL OAKSHOTT'S PHILOSOPHICAL CONCEPTION

The paper analyses the philosophical and historical conception by Michael Oakeshott. The question of the relationship between historical, practical, contemplative and aesthetic, and scientific ways of understanding the past is explored. Special attention is paid to clarifying the place of Oakeshott's conception in the context of non-classical philosophy of history and theory of historiography in the 20th century. Oakeshott's view can be considered as a productive alternative to the pragmatic and aesthetic interpretations of historical experience and historical writing. Some contradictions in the interpretation of historiography and historical knowledge proposed by Oakeshott are identified. It is shown that in Oakeshott's works the historian's activity and historical relations to the past are mainly apophatic in nature. The novelty of this interpretation of history writing in Oakeshott's conception is that history is regarded as a special form of experience, which cannot be reduced neither to practical action nor to aesthetic contemplation.

History, historiography, historical experience, historical cognition, methodology of history, philosophy of history, Michael Oakeshott.

Н.А. Ястреб

Вологодский государственный университет

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРОЖДЕННЫХ ИДЕЯХ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Статья подготовлена при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 15-07-01322 «Открытая информационная система «История философских идей»

В статье на основе методологии истории идей рассматривается развитие одного из важнейших концептов европейской философии – идеи врожденного знания. Анализируется постановка и развитие данной проблемы в философии Платона и Аристотеля, ее преломление в Новое время. Особое внимание уделено натурализации учения о врожденном знании, связанное с развитием эволюционной эпистемологии и исследований искусственного интеллекта. Дан анализ критики учения о существовании врожденных идей, показано, что с позиции современной эпистемологии существование врожденного когнитивного аппарата и базовых знаниевых структур является необходимым условием познавательной деятельности естественных и искусственных систем.

История идей, врожденное знание, априорное знание, эволюционная эпистемология, история философии.

Одним из наиболее значимых для развития европейской философии концептов стала идея врожденного знания, нашедшая свое отражение как в работах классиков теории познания, так и в современных междисциплинарных концепциях, вплоть до теорий искусственного интеллекта. Ее значимость определяется тем, что в рамках классических дискуссий о врожденных идеях формировалась методология эпистемологии, появлялись и эволюционировали дискурсы, связанные с обсуждением природы и механизмов познания. Позднее, уже в XX в., учение о врожденных идеях стало основой для натурализации эпистемологии вплоть до постановки вопроса об эмпирической проверке философского знания. Также с уверенностью можно говорить о том, что развитие представлений о врожденном знании во многом отражает саму логику развития философии, так как проходит те же повороты и концептуальные революции, которые определили формирование европейской философии в целом.

Идея врожденного знания впервые получает свое концептуальное оформление в философии Платона, согласно которому любое познание есть припоминание бессмертной душой того, что она видела в мире идей. Душа приходит в мир, обладая знанием во всей его полноте, однако забывает об этом. Рациональная деятельность представляет собой усилие, направленное на актуализацию знания, которое для конкретного человека уже является врожденным.

Наиболее пристальное внимание рассмотрению врожденного знания Платон уделяет в диалогах «Менон», «Федр», «Теэтет», «Государство». По Платону, душа человека бессмертна, видела все и в мире идей, и в этом мире, поэтому нет ничего такого, чего бы она не знала. Если человек будет достаточно мужественен и неутомим в поисках, то ничего не мешает ему вспомнить это знание. Таким образом, познание есть припоминание того, что видела душа, когда сопровождала Богу. В диалоге «Теэтет» Сократ предлагает

мальчику, никогда не изучавшему геометрию, решить задачу удвоения данного квадрата и при помощи наводящих вопросов приводит его к правильному ответу. Таким образом, у человека, который не знает того, чего можно не знать, есть верные понятия о том, чего он не знает. И теперь они порождаются как сновидение, следовательно, он черпает знание в самом себе, или припоминает [17, т. 2].

Припоминание «врожденных знаний», рассуждал Платон, это постижение истины «в соответствии с идеей, исходящей от многих чувственных восприятий, но сводимой разумом воедино» [17, т. 2, с. 189–190]. Поэтому окрыляется только разум философа, правильно пользующегося такими воспоминаниями. Помогает ему в этом диалектика, которая в понимании Платона представляет собой основанное на знании искусство рассуждения, аргументации и одновременно само это знание, позволяющее очистить душу от заблуждений и предписывающее мысли единственно верный путь постижения истинного бытия.

Диалектический метод Платона предполагает два этапа. На этапе анализа («восхождение») разум, отталкиваясь от предположений («образных подобий, выраженных в низших вещах»), устремляется к скрытым основаниям, «к началу всего, которое уже не сводимо ни к чему-то более высокому». На этапе синтеза (нисхождение) разум приходит к «заключению, вовсе не пользуясь ничем чувственным, но лишь самими идеями в их взаимном отношении, и его вводы относятся только к ним» [17, т. 3, с. 511].

Таким образом, Платон формулирует основные концептуальные положения учения о врожденных идеях. Аристотель подвергает критике учение Платона об идеях и о познании как припоминании, однако, в работе «Аналитика вторая», ставит вопрос: «появляются ли способности познавания, не будучи врожденными, или, будучи врожденными, остаются сначала скрытыми от нас?» [1, т. 1, с. 437]. С одной сторо-

ны, не имея предшествующего знания, невозможно познавать и научиться. Все животные обладают врожденной способностью – чувственным восприятием. Из чувственного восприятия возникает способность помнить; из частых воспоминаний возникает опыт. Из опыта берут свое начало навыки и наука.

Философы поздней античности и средневековья уделяли особое внимание изучению путей божественного света, озаряющего наш ум и высвечивающего в нем врожденные истины (Плотин, Августин, Бонавентура). Тщательнейшему исследованию подвергался и вопрос о статусе идей и общих понятий в душе (Бэций, Абеляр, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, Оккам).

В «Новом органоне» Френсис Бэкон также обращается к исследованию врожденного знания, правда, в специфическом контексте. Разрабатывая проблему причин несовершенства человеческого познания, он формулирует свою знаменитую идею существования в разуме предрассудков – идолов пещеры, рода, театра и рынка. Эти особенности разума затрудняют познание, приводят к ошибкам или делают постижение истины вовсе невозможным. Некоторые из этих несовершенств (идолы театра, рынка) являются приобретенными, другие же (идолы пещеры и рода) являются врожденными для любого человека.

Идолы рода представляют собой несовершенства самой человеческой природы, они коренятся в самом роде человеческом. Бэкон так характеризует возможность их обнаружения: «все восприятия чувств и усмотрения духа соразмерны природе человека, а не универсума... человеческий разум подобен такому зеркалу, которое отражает вещи не ровной поверхностью, а соответственно своей природе, оно искажает и оскверняет» [2, т. 1, с. 73–74]. Идолы пещеры представляют собой заблуждения отдельного человека. У каждого человека есть своя особая пещера, которая ослабляет и искажает свет природы. Эти два идола неустраимы, потому что свойственны самой человеческой природе. Таким образом, также и у Бэкона имеются врожденные структуры познания, но их особенность состоит в том, что они затрудняют приближение к истине и должны преодолеваться, прежде всего, при помощи эмпирических методов познания.

В философской системе Р. Декарта признается существование как врожденных познавательных способностей, так и врожденного знания. По его мнению, врожденной является идея Бога: «понятие Бога первее понятия меня самого, ибо каким образом мог бы я узнать, что я сомневаюсь и желаю, то есть что мне чего-то недостает, и что я несовершенен, если бы я не имел в себе идеи бытия более совершенного, чем мое собственное» [4, с. 327].

Кроме того, Декарт полагал, что люди обладают четырьмя врожденными познавательными способностями: интеллектом, воображением, чувствами, памятью, причем их Декарт рассматривал как разновидность восприятия: «чувствовать, воображать, даже постигать чисто интеллектуальные вещи – все это лишь различные виды восприятия» [4, с. 432].

Из многочисленных идей, доступных осознанию, одни являются врожденными, другие – полученными извне, третьи – вымышленными. К врожденным идеям он относит понятие о Боге, о нас самих, о душе и др.,

а также знание многих истинных положений, например, «из ничего ничего не может произойти». Врожденными являются, далее, высшие логические и математические идеи.

В отличие от Платона Декарт интерпретирует врожденные идеи не как уже имеющееся готовое знание, а как врожденные способности мыслить то или иное концептуальное содержание. То есть в системе Декарта врожденные идеи выступают одновременно как познавательные способности.

Д. Локк в своей работе «Опыты о человеческом разумении» отрицал наличие как врожденных идей, так и врожденных принципов как неких собственных потенций для восприятия идей. Он полагал, что человеческая душа при рождении представляет собой как бы чистый лист бумаги (*tabula rasa*), на которой, как в воске, отпечатываются наши впечатления. Лишь опыт с помощью чувственного познания заполняет этот чистый лист письменами.

Г. Лейбниц критиковал как теорию врожденных идей Р. Декарта, так и идею Локка о душе как о чистой доске. Он писал в «Новых опытах о человеческом разумении»: «почему мы должны приобретать все лишь с помощью восприятий внешних вещей и не можем добыть ничего в самих себе? Неужели наша душа сама по себе столь пуста, что без заимствованных извне образов не представляет ровно ничего?» [6, т. 2, с. 52].

Лейбниц полагал, что нельзя отрицать, что «в нашем духе имеется много врожденного, мы, так сказать, врождены сами себе, и в нас имеются бытие, единство, субстанция, длительность, удовольствие и тысячи других предметов наших интеллектуальных идей» [6, т. 2, с. 51]. Человеческая душа изначально содержит «принципы различных понятий и теорий, для побуждения которых внешние предметы являются только поводом». К таким принципам («принципам разума») Лейбниц относил истины чистой математики, в особенности геометрии и арифметики. Кроме того, он признавал врожденность некоторых принципов морали, например «искать радости и избегать печали» и др. [6, т. 2, с. 90].

Итак, также и для Лейбница врожденные принципы образуют важную составную часть нашего познания. То, что они хорошо соответствуют действительности, объясняется Лейбницем предустановленной гармонией.

Дальнейшее развитие проблематики врожденного знания по существу продолжало картезианскую линию (сближение врожденного с «внутренним» и ориентация на врожденные способности). Одним из ярких примеров такого рода является кантовская концепция априорных понятий и знания в целом.

И. Кант предпринял попытку разработать такую теоретико-познавательную концепцию, которая преодолела бы несовместимость рационалистических и эмпирико-сенсуалистических представлений о познании. В работе «Критика чистого разума» Кант стремится определить границы абсолютно достоверного знания. Однако его подход отличается от подхода Локка: хотя он и полагал, что всякое наше познание начинается с опыта, это не означает, что оно «целиком происходит из опыта» [5, т. 3, с. 105]. «Так как то единственное, в чем ощущения могут быть упорядо-

чены и приведены в известную форму, – рассуждал Кант, – само в свою очередь не может быть ощущением, то, хотя материя всех явлений дана нам а posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в нашей душе a priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [5, т. 3, с. 128].

Согласно Канту, познание имеет два источника: наряду с апостериорными, эмпирическими знаниями, источником которых выступает опыт, существуют также знания априорные, независимые от опыта и даже от всех чувственных восприятий, а именно, априорные формы чувственности и априорные формы рассудка.

К априорным формам чувственности (созерцания) он относит пространство и время, которые являются источником познания. К априорным рассудочным понятиям (категориям) относятся 12 категорий, подразделяемых на 4 группы:

по количеству: единство (мера), множественность (величина), всеобщность (целое);

по качеству: реальность, отрицание, ограничение;

по отношению: субстанция, причина, взаимодействие;

по модальности: возможность, существование, необходимость.

Эти структуры значимы для всех видов опыта, для всех людей и во все времена; они делают возможным сам опыт, но опытом не корректируются. Они являются предпосылками для синтетических суждений априори, наличие которых Кант обнаруживает в чистой математике и чистом естествознании. Однако в своих работах Кант не дал ответа на вопрос о том, откуда происходят априорные формы.

В XX веке исследование врожденного знания выходит за пределы философии и начинает осуществляться научными методами. В первую очередь это связано с возникновением генетики, эволюционной эпистемологии, нейробиологии и когнитивной науки. Врожденное знание начинает рассматриваться в контексте искусственного интеллекта, моделирования познавательных способностей и языка. Прорывы в области исследования биологической природы человека, связанные сначала с психоанализом, а затем с исследованиями в области эволюционной эпистемологии, позволили не только по-новому взглянуть на идею врожденного знания, но и рассмотреть ее в контексте когнитивной деятельности животных.

Оказалось, что в качестве врожденных, наследуемых когнитивных структур следует рассматривать не знания как таковые, а, скорее, «базы знаний». Речь идет о генетически контролируемых и наследуемых когнитивных программах и метапрограммах, своего рода встроенном в когнитивную систему живых существ информационном обеспечении, которое управляет их поведением, обеспечивает адаптацию и выживание. Тем самым было опровергнуто также и выдвинутое представителями классического эмпиризма (Дж. Локк, Т. Гоббс, П. Гассенди и др.) предположение, что человеческий разум – это «чистый лист бумаги», *tabula rasa*, на которой чувственные впечатления отпечатываются, как на воске.

Наиболее наглядным примером натуралистического переосмысления врожденного знания становится

эволюционная эпистемология, представляющая собой «направление в современной эпистемологии, исследующее знание и познание как продукт эволюции живых организмов, эволюции способов обработки когнитивной информации» [19, с. 5]. В работах К. Лоренца, Г. Фоллмера делаются попытки объяснить с эволюционной точки зрения происхождение и развитие органов познания и познавательных способностей.

Центральным тезисом эволюционной эпистемологии как учения о развитии когнитивных способностей человека является утверждение о том, что «люди, подобно другим живым существам, являются продуктом эволюционных процессов и их мыслительные, ментальные способности, их знание и познание направляются механизмами биологической эволюции» [19, с. 5]. В целом, под эволюционной эпистемологией понимается подход, при котором на гносеологические вопросы дается ответ с эволюционной точки зрения. Научной базой эволюционной эпистемологии выступает биологическая теория эволюции, кроме того, она опирается при этом на данные генетики, нейрофизиологии, философии, психологии восприятия, психологии развития и обучения, лингвистики, сравнительного исследования поведения и др.

С сороковых годов XX века, начиная с трудов К. Лоренца [8], эта идея становится одним из основных положений эволюционной эпистемологии, которая дает частичный ответ на вопрос о происхождении априорных когнитивных структур в соответствии с эволюционным учением. В результате жизнедеятельности живого организма и естественного отбора закрепляются те когнитивные структуры, «которые в наибольшей степени соответствуют специфическим условиям жизни различных существ» [18, с. 683]. Причинность, вещественность, пространство и время представляют собой «функции нашей нейросенсорной организации, возникшей для сохранения вида» [9, с. 249]. Они сложились как способы адаптации организма в процессе взаимодействия с законами природы, а наше мышление «обусловлено сформировавшейся в соответствии с внешним миром структурой» [9, с. 260]. Этот вывод эволюционной эпистемологии основан на большом количестве биологических и антропологических исследований.

Для подтверждения этого К. Лоренц приводит ряд примеров. Так, наблюдения за новорожденными животными подтверждают наличие у них некоторых врожденных способностей. Цыплята, высиженные в темноте и не имевшие еще опыта обращения с пищей, в десять раз чаще клюют шарообразную, нежели пирамидальную пищу (шарик они предпочитают плоской шайбе). Они имеют, таким образом, врожденную способность воспринимать трехмерность, образ и величину.

Молодой черный стриж, который не мог иметь пространственного опыта, глубинных критериев и т.д., так как вырос в тесном гнезде, где невозможно расправить крылья, попадая в воздушное пространство, оказывается полностью готовым оценивать расстояния, понимать запутанные пространственные структуры и находить путь. Опыт исследования детей в раннем младенчестве показывает, что они способны к восприятию движения, цвета и глубины, что позволяет сделать вывод о врожденности подобных структур [9].

Анализируя вопрос о возможном эволюционном развитии познавательного аппарата человека, И.П. Меркулов выделяет некоторые основные положения, лежащие в основе эволюционного взгляда на процесс познания. Мозг человека понимается как орган, перерабатывающий когнитивную информацию. Получая данные от органов чувств, он не только запоминает, но и «кодирует, сопоставляет, интегрирует и дополняет их» [11, с. 305]. При этом познание предстает не только как отражение реального мира, но подразумевает интерпретацию получаемой информации, сопоставление ее с ранее полученными данными, дополнение недостающими элементами, в результате чего создается образ объекта. Другое предположение состоит в том, что процессы обработки информации мозгом, по меньшей мере, частично управляются генами. Мозг человека непрерывно находится «в состоянии перестройки с участием генов» [11, с. 306]. В последние десятилетия появились данные о том, что гены принимают участие не только в построении мозга и его развитии, но и оказывают влияние на его работу. Косвенно это подтверждает то, что структурные нарушения X и Y хромосом негативно влияют на познавательные способности человека. Наши познавательные способности, таким образом, есть достижение врожденного аппарата отражения, который был развит в эволюции человека и дает возможность фактического приближения к внесубъективной действительности.

Таким образом, учение о врожденных идеях остается актуальным на протяжении всей истории европейской философии, вплоть до настоящего времени. Натурализация эпистемологии и появление компьютерных наук открыли новые аспекты этой проблемы, связанные с выяснившейся необходимостью наличия изначально данного (врожденного) знания для любой когнитивной системы, будь то одноклеточный организм, человек или компьютерная система. Одновременно не теряет своей актуальности вопрос соотношения врожденного знания и познавательных способностей, а также потенциала их адаптации в условиях реального познавательного процесса. Все это позволяет говорить, что идея врожденного знания получит свое развитие на будущих этапах эволюции современной философии.

Литература

1. Chomsky, N. *Syntactic Structures* / N. Chomsky. – The Hague: Mouton, 1957. – 117 p.

2. Антология мировой философии: в 4 т. – Москва: Мысль, 1969–1972. – Т. 1–4.
3. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – Москва: Мысль, 1975–1984. – Т. 1–4.
4. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон. – Москва: Мысль, 1971–1972. – Т. 1–2.
5. Декарт, Р. Сочинения: в 2 т. / Р. Декарт. – Москва: Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
6. Кант, И. Сочинения: в 8 т. / И. Кант. – Москва: Чоро, 1994.
7. Лавджой, А. Великая цепь бытия: История идеи / А. Лавджой. – Москва: Дом интеллектуальной книги, 2001. – 376 с.
8. Лейбниц, Г.В. Сочинения: в 4-х т. / Г.В. Лейбниц. – Москва: Мысль, 1983.
9. Лоренц, К. Обратная сторона зеркала: пер. с нем. / К. Лоренц; под ред. А.В. Гладкого; сост. А.В. Гладкого, А.И. Федорова; послесловие А.И. Федорова. – Москва: Республика, 1998. – 393 с.
10. Меркулов, И.П. Гипотетико-дедуктивная модель и развитие научного знания. Проблемы и перспективы методологического анализа / И.П. Меркулов. – Москва: Наука, 1980. – 190 с.
11. Меркулов, И.П. Современная эпистемология: синтез информационных и эволюционных представлений / И.П. Меркулов // Философия искусственного интеллекта: материалы Всероссийской междисциплинарной конференции, г. Москва, МИЭМ, 17–19 января 2005 г. – Москва: ИФ РАН, 2005. – С. 304–307.
12. Меркулов, И.П. Эпистемология (когнитивно-эволюционный подход) / И.П. Меркулов. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2003. – Т. 1. – 472 с.
13. Микешина, Л.А. Философия познания. Полемические главы. / Л.А. Микешина. – Москва: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.
14. Никифоров, О.Ю. Обобщенная структурная модель информационной системы «История философских идей» / О.Ю. Никифоров, Н.А. Ястреб // Человек в технической среде / под ред. Н.А. Ястреб. – Вологда: ВоГУ, 2015. – Вып. 2. – С. 90–93.
15. Никифоров, О.Ю. Проект открытой информационной системы «История философских идей» / О.Ю. Никифоров, Н.А. Ястреб // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2013. – № 2. – С. 68–73.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Науч.-редакт. совет: В. С. Степин (предс.) и др. – Москва: Мысль, 2000–2001. – Т. 1–4.
17. Платон. Сочинения: в 4 т. / Платон; пер. с древнегреч.; под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. – Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2006. – Т. 1–4.
18. Словарь философских терминов / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – Москва: ИНФРА-М, 2004. – XVI, 731 с.
19. Эволюция, культура, познание / под ред. И.П. Меркулова. – Москва, 1996. – 167 с.

N.A. Yastreba

EVOLUTION OF VIEWS OF INNATE IDEAS IN EUROPEAN PHILOSOPHY

The article discusses the development of one of the most important concepts in European philosophy – the idea of innate knowledge. Production and development of the problem in the philosophy of Plato, Aristotle, and modern philosophy are analyzed. Particular attention is paid to the naturalization of the innate knowledge theory associated with the development of evolutionary epistemology and artificial intelligence research. The article also discusses the criticism of the doctrine of innate ideas. It is shown that from the standpoint of modern epistemology, the existence of innate cognitive apparatus and basic cognitive structures is a prerequisite for the cognitive activity of natural and artificial systems.

History of ideas, innate knowledge, aprioristic knowledge, evolutionary epistemology, history of philosophy.

УДК 821.161.1

С.Ю. Баранов

Вологодский государственный университет

СЮЖЕТНАЯ СИТУАЦИЯ «ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА С ФРОНТА» И ВАРИАНТЫ ЕЕ РАЗРАБОТКИ

(А. Платонов, Э. Казакевич, В. Белов)

Статья вторая

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ,
проект № 15-04-00364 «Вологодский текст в русской словесности»*

В статье рассматривается характерная для литературы послевоенных лет сюжетная ситуация «Возвращение солдата с фронта». Описывается ее образная структура, устанавливается связь с художественными традициями, а также зависимость от социально-исторического контекста. Материалом для рассмотрения путей интерпретации данной ситуации в литературном творчестве являются произведения А. Платонова, Э. Казакевича и В. Белова.

Автор, война, драматизм, конфликт, лиризм, психологизм, рассказ, сюжетная ситуация, традиция, экзистенциальность.

А. Платонов придавал семье особую, мировоззренческую значимость. Незадолго до начала войны он писал: «...семья позволяет человеку любой эпохи более устойчиво держаться в обществе, чем если бы не было семейного института; ограничивая в человеке животное, семья освобождает в нем человеческое» [24, с. 69]. Это суждение примечательно прежде всего тем, что в нем «человек семейный» противопоставлен «человеку общественному», что семья, по Платонову, это своего рода защита от общества, в котором содержится потенциальная угроза лишить индивидуальное человеческое существование устойчивости. Не менее любопытна и вторая часть суждения, где, если не упустить из вида его смысловую связь с первой частью, просматривается мысль об усилении в человеке «бессемейном», «чисто общественном», животного начала. Не случайно писатель наделяет тему семейства образными чертами «того теплого очага, где впервые и на всю жизнь согревается человеческое существо» [24, с. 71]. А его слова о том, что семья служит питательным источником других, «более широких и высших сфер жизни человека» – чувства родины и патриотизма, – сказанному ранее не противоречат, поскольку понятия «родина» и «патриотизм» получают у него экзистенциальную окраску, с «мыслью семейной» согласуются и не являются непременными атрибутами государственности. Не случайно псевдоним, которым подписана платоновская рецензия, содержащая суждения о семье, – Ф. Человеков.

Впрочем, в художественном мире Платонова семья как «теплый очаг, согревающий человеческое существо», – скорее, идеал, чем наличная реальность. В этом мире немало персонажей «бессемейных», и семьи, изображаемые писателем, нередко бывают

подвержены воздействию центробежных сил. Рассказ «Возвращение» – пример тому. Он – об отчаянных попытках собрать воедино, сплотить вокруг «теплого очага», разбитое войной семейное целое, согласовать между собой «индивидуальное существование» и «бытие с другими». Характерное для разработки рассматриваемой сюжетной ситуации *долгое* возвращение с фронта домой сопряжено с осознанием или предчувствием того, что состояние семьи изменилось, и с опасением, что изменение это – неблагоприятно для возвращающегося¹.

Возвращаясь домой с войны, гвардии капитан Алексей Алексеевич Иванов задерживается в дороге на шесть суток, хотя в телеграмме, отправленной жене сразу же по демобилизации, сообщил о том, что выезжает без промедления. Причин этой задержки несколько. Наиболее очевидная и наименее значительная в идейном плане – еще не налаженное после войны железнодорожное сообщение. Другая причина, более существенная с точки зрения сюжетобразующего конфликта, – мимолетная связь с Машей, дочерью пространщика, отсрочившая возвращение на двое суток. В дальнейшем свое решение уйти из семьи Иванов будет объяснять нежеланием мириться с неверностью жены, невзирая на то, что сам предварил

¹ Мотив долгого возвращения присутствует уже в «Одиссее», исходной точке разработки сюжетной ситуации в европейской культуре. Там оно мотивировано недоброжелательством богов. Однако возможны и другие трактовки этого мотива, в том числе и психоаналитические. Так, в романе А. Моравиа «Презрение» (1954, русский перевод 1963) излагается версия, согласно которой Одиссей подсознательно сам стремится отсрочить встречу с Пенелопой, ибо чувствует, что она не любит и презирает его [19, с. 151–154]. Попытка соотнесения рассказа «Возвращение» с «Одиссеей» предпринималась О.Н. Николенко [20, с. 45–46].

долгожданную встречу с ней супружеской изменой. Вместе с тем, обе измены в рассказе имеют гораздо более сложную подоплеку, чем чувственное влечение к противоположному полу².

Убывая из армии, Алексей Иванов прощается со ставшим привычным за годы войны образом жизни, с близкими друзьями, с тем положением, которое он обрел, благодаря своим личностным качествам и заслугам. Он гвардии капитан³, он орденоседец, он (надо думать, вполне заслуженно) пользуется любовью и уважением сослуживцев. При переходе в послевоенную «гражданскую» жизнь, в иную социальную среду все это утрачивает былую значимость и начинают действовать иные критерии оценки человека. Два ордена и три медали, полученные Ивановым, не производят большого впечатления на его одиннадцатилетнего сына Петрушку: «А мы с матерью думали – у тебя на груди места чистого нету» [23, с. 216]. И это не только максималистски-наивное суждение ребенка, незнакомого с реальной ценой воинских наград. Отцовские медали и ордена в представлении мальчика – своего рода эквивалент того, что им, членам семьи Иванова, довелось пережить и вынести без отца за годы войны в тылу. Два ордена и три медали в пересчете на свой собственный опыт для Петрушки – малоовато.

Примечательно, что в произведении доминирует образ войны, пережитой «мирным населением», а фронтовая жизнь Иванова-старшего не показана вообще. Его участие в боевых действиях подразумевается, символически опредмечивается (в воинском звании, в наградах, в обдутом ветрами лице), но реально-го отображения в тексте не получает. Сам он о своем военном прошлом упоминает лишь однажды, болезненно реагируя на упрек жены в непонимании особенностей военной жизни в тылу: «Я всю войну провоевал, я смерть видел ближе, чем тебя...» [23, с. 228]. Сомневаться в том, что Иванов – фронтовик, оснований нет. Однако, во-первых, его аргументы – это расхожие формулы-штампы, не получающие в рассказе образной конкретизации и потому с художественной точки зрения малоубедительные. Во-вторых, ни боевой опыт, ни близкое знакомство со смертью не обеспечивают Иванову ясного представления о том, какое существование приходилось вести его семье. И зримые следы этого существования, и исповедальные рассказы жены Иванова не переубеждают. Их тяготы кажутся ему несопоставимыми с испытаниями, перенесенными лично им («...я пережил больше, чем ты...» [23, с. 230]. Отсюда и менее строгое отношение к собственным прегрешениям, и более суровый счет, предъявляемый жене за ее «неверность».

² В.А. Подорога отмечает, что половые различия и эротика как таковая в художественном мире Платонова не относятся к разряду «особых ценностей индивидуального бытия» [25, с. 22–23].

³ В первоначальной, новомирской редакции рассказа («Семья Иванова») персонаж был сержантом. Повышая его в звании, Платонов тем самым усиливал значимость его воинских заслуг, поскольку, судя по тексту произведения, он не был кадровым офицером и уходил на фронт как рядовой. Это способствовало углублению конфликта между военной (успешной) и гражданской (социально неопределенной) «ипостасями» персонажа.

В этой связи уместной представляется постановка вопроса о читателе-адресате рассказа Платонова. В общелитературном плане им, конечно, может считаться любой воспринимающий субъект, приобщившийся к тексту данного произведения и «снимающий» в процессе чтения один из его содержательных слоев (какой именно – зависит от культурно-эстетической ориентации и подготовки этого субъекта). Но в данном случае речь идет о читателе, актуализируемом структурой текста, его телеологической установкой, авторской интенцией. Интенция эта направлена на Иванова, на процесс его «выпрямления», преодоления отчужденности от семьи, четыре года жившей какой-то неведомой ему жизнью. Не будучи *героем* рассказа «Возвращение» (т.е. наиболее значимым выразителем авторской концепции человека), Иванов является *центральным персонажем* произведения, так как происходящее здесь пропущено прежде всего через призму его восприятия, положено в основу сюжетного развития и тем самым намечает вектор восприятия читательского. Читатель следует за Ивановым и воспринимает вместе с ним то, что Иванову постепенно открывается. Рассказ построен как текст, ведущий к пониманию бытийной значимости духовного опыта тех, кто оказался участником войны, не держа оружия в руках, но, тем не менее, испытывая на себе ее разрушительное воздействие и противопоставляя этому воздействию волю к продолжению жизни и к сохранению семейных скреп как важного условия этого продолжения. Можно, таким образом, считать читателем-адресатом «Возвращения» человека, который, подобно Иванову, убежден в нравственно-психологическом превосходстве фронтовика над людьми, находившимися во время войны в тылу, и представления которого писатель пытается откорректировать посредством своего произведения. При этом, по замыслу автора, читатель должен постигать внушаемую ему мысль, несколько опережая Иванова, не отличающегося особой зоркостью и душевной чуткостью по отношению к жене и детям. Если на Иванова в финале рассказа при виде бегущих к поезду детей нисходит «озарение», не предваренное констатацией постепенных сдвигов в его сознании и переживаниях, то читатель к катарсически интерпретированному итоговому «возвращению» персонажа оказывается более подготовленным.

Нужно отметить, что в 1946 году, когда рассказ был впервые опубликован, проблема, воплощенная в нем, имела не только общечеловеческую, но и злободневную направленность. Как и предвидел Вс. Вишневский, конфликты, подобные тому, который едва не разрушил семью Иванова, не были редкостью. Отголоски этой проблемы давали о себе знать и через полтора десятка лет, когда произведение появилось в печати вторично под другим, закрепившимся за ним названием.

Что же касается проблематики экзистенциальной, то она наиболее отчетливо воплощается не в образе Иванова, а в образах других персонажей рассказа, прежде всего – его жены Любви Васильевны и сына Петрушки. Эти два персонажа по своей содержательной наполненности более значительны, чем Иванов.

В «Возвращении» представлен почти полный перечень основных экзистенциальных «благ» (ценно-

стей)⁴, но преимущественное внимание уделено четырем из них: *жизни, любви, детям и милосердию*. Они образуют комплекс, который осмысливается автором рассказа как *семья*.

Милосердие как экзистенциальное «благо» при разработке образа Любви Васильевны акцентировано дважды. Им мотивируется появление в доме Ивановых Семена Евсеича, потерявшего всю семью в далеком Могилеве и с позволения Любви Васильевны отогревающего свою «продрогшую» душу рядом с ее детьми. В то же время сама Любовь Васильевна, не сохранившая супружескую верность в обыденном понимании, нуждается в милосердии мужа, вершащего над ней моральный суд.

В условиях, когда ни физических, ни духовных сил почти не осталось («стала на лицо худая, страшная, всем чужая», «сердце мое темное стало», «душа умирала»), дети являются для Любви Васильевны не только главной ценностью, но и стимулом к продолжению собственного существования («спасти себя для детей»). Желанием обрести эти силы обусловлены обе «измены» женщины, ищущей выхода из экзистенциального тупика.

Функциями «другого», необходимого участника ситуации «возвращение солдата с фронта», в рассказе Платонова наделяются два персонажа «из эвакуированных»: безымянный инструктор райкома профсоюза и уже упомянутый Семен Евсеич. И тот и другой в восприятии Любви Васильевны ассоциативно связаны с воспоминаниями о муже («он относился ко мне так же нежно, как ты когда-то давно»; «глядела на него и вспоминала тебя, что ты есть у нас» [23, с. 229, 227]). Парадоксальным образом «измены» Ивановой подтверждают силу, постоянство и истинность ее любви к мужу.

С инструктором у Любви Васильевны была мимолетная физическая связь, не принесшая ей радости и не оправдавшая надежд на то, что, «побывав женщиной», она сможет «стерпеть жизнь» и вновь обрести волю к ее поддержанию. Оказалось, что одной физической близости недостаточно для возрождения угасающей личности, что в отрыве от семейного блага такая близость не действенна, что только с мужем этот способ «спасения себя» может помочь обретению желанного покоя и счастья.

С Семеном Евсеичем жену Иванова связывает близость душевная, основанная на сочувствии чужой горю, благодарности за заботу о детях и за присутствие рядом мужчины, который хотя бы отчасти, хотя бы символически восполняет отсутствие главы семейства (его появление в доме Любовь Васильевна оправдывает в разговоре с мужем следующим образом: «Без тебя было так грустно и плохо; пусть хоть кто-нибудь приходит...» [23, с. 227]). Эротический элемент в их отношениях сильно редуцирован: он сводится лишь к двум поцелуям в щеку, спровоцированным то ли мнимым, то ли действительным сходством Любви Васильевны с погибшей женой Семена Евсеича. Показательно, что сама Любовь Васильевна не воспринимает свои отношения с Семеном Евсеичем как измену. Однако Иванову именно он, а не инструктор,

связь которого с его женой была отнюдь не платонической, представляется главной угрозой семейному благополучию. Это вполне закономерно, поскольку Семен Евсеич за время отсутствия Иванова стал едва ли не полноправным членом семьи, и детям он более знаком и близок, чем родной отец.

В рассказе «Возвращение» платоновское понимание любви наиболее отчетливо воплощено в образе Любви Васильевны. Возможно даже, что имя женщины наделяется здесь не только номинативной, но и обобщенно-символической значимостью, так как речь в произведении идет «о Любви в глобальном, общечеловеческом и космическом смысле <...> о нелегком пути человека к Любви, о том, какие трудности, прежде всего духовного порядка, приходится ему на этом пути преодолевать» [20, с. 48].

Согласно концепции, воплощенной в рассказе «Возвращение», любовь есть экзистенциальное благо, наивысшее свое выражение обретающее в семье. Она духовна по своей природе и основывается на милосердии, обеспечивающем прочность межличностных связей и защиту от социального неблагополучия, от эгоизма и одиночества. Связь между мужчиной и женщиной может быть определена как любовь, если она мотивируется созданием семьи и заботой о детях. Дети есть оправдание жизни, они придают смысл человеческому существованию и порождают надежду на то, что это существование, несмотря на порой невыносимые тяготы, разочарования и сомнения, не тщетно, достойно того, чтобы его поддерживать и продолжать.

Несмотря на важную роль, отводимую Любви Васильевне в выражении авторской концепции жизни и человека, в идейном эпицентре рассказа оказывается не она, а ее сын Петрушка. В нем дан впечатляюще «остраненный» детским сознанием образ войны и ее последствий, он является на момент возвращения Иванова главой семьи, в нем обнаруживает отец наиболее ощутимые знаки перемен в семье, без его участия не обходится ни одна ключевая сцена произведения, именно он в финале предпринимает решительный шаг для спасения семьи, и именно его образ «с наибольшей очевидностью воплощает первооснову авторского замысла» [13, с. 427]. Особо следует отметить, что Петрушка выступает «арбитром» в споре отца с матерью и становится выразителем «идеи» рассказа.

Как типовой персонаж сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта» Петрушка – это «чужой ребенок», тот самый, основная функция которого – стать поводом для внутрисемейного конфликта и разрыва оскорбленного мужа с семьей. Это может показаться странным на первый взгляд, ведь мальчик – сын Иванова, а не «плод греха» его жены. Но в рассказе «Возвращение» типовая ситуация не просто воспроизводится, а творчески интерпретируется, разрабатывается, преобразуется. Поэтому и функции персонажа детализируются, усложняются, опосредуются и даже метафоризируются, наделяя те или иные обстоятельства, отношения, поступки, высказывания персонажей образными ассоциациями. Здесь, как и в случае с «другими» (любовниками), используется прием удвоения типового персонажа: в произведении,

⁴ Согласно А.А. Брудному, таких «благ» восемь: жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и сны [3, с. 75].

помимо Петрушки, есть еще один «чужой ребенок» – младшая сестренка мальчика Настя. Оба они по крови – родные дети Иванова, но к моменту прихода отца более близким им психологически оказывается Семен Евсеевич, бывший рядом с ними в трудные дни войны («...к детям он относился, как родной отец, и даже внимательнее иного отца» [23, с. 217]). После неудачных попыток установить доверительные отношения с росшими без него ребятами и утвердить себя в роли главы семьи Иванов начинает воспринимать их как детей Семена Евсеевича, а Любовь Васильевну – как жену-изменщицу, сделавшую выбор в пользу этого заочно антипатичного ему человека и допустившую сближение с ним его, капитана Иванова, детей.

По версии С. Эйзенштейна, «чужой ребенок» – грудной младенец и непосредственного участия в развертывании сюжетной ситуации не принимает [32, с. 31–32]. Для солдата важным является само его существование, а не поведение, которое сводится лишь к тому, что лежащее в плетеной корзине дитя неожиданно обнаруживает свое существование криком. В рассказе Платонова и Настя, и Петрушка уже не младенцы и являются субъектами сюжетного действия (хотя и в разной мере). Насте пять лет, Петрушке одиннадцать. С точки зрения психологии, одиннадцатилетний возраст – исполненный драматизма переходный рубеж от детства к отрочеству. В рассказе эта драматичность усугублена неординарными обстоятельствами военного времени⁵. Будучи по своим психофизиологическим свойствам еще ребенком, мальчик столкнулся с необходимостью взять на себя функции взрослого человека. В его образе совместились архетипические черты «младенца» и «мудрого старика». Иванова, незнакомого с жизнью семьи в его отсутствие, не только удивляет, но и возмущает то, что его одиннадцатилетний сын «рассуждает, как дед». Более осведомленная в обстоятельствах формирования «странностей» характера мальчика Любовь Васильевна парирует упреки мужа: «Зато он все самое трудное и важное в жизни узнал!» [23, с. 225]

Конечно, раннее взросление Петрушки – своего рода эксцесс, нарушение нормального хода развития личности ребенка. Его стремление рассуждать и поступать «не по возрасту» как будто бы соответствует тенденции, характерной для предпозднего периода, когда поведение детей становится менее непосредственным и наблюдается склонность к демонстрации «нарочитой взрослости». То, что говорит и делает Иванов-младший, подражая взрослым, не свободно от игровых элементов и придает некоторым эпизодам с его участием юмористический оттенок. Однако это уже и не игра в собственном смысле слова. Игра, как известно, является непродуктивным видом деятельности, смысл которой заключается не в утилитарно-практическом результате, а в заинтересованности самим процессом. По форме она имитация,

по результату – условность. Петрушка поведение взрослого человека имитирует, но и причины, и следствия этой имитации вполне реальны и имеют не только прагматическое, но и бытийственное содержание.

Капитана Иванова и, на первых порах, читателя смущает чрезмерная озабоченность Петрушки полезностью окружающих его явлений, предметов и даже лиц, граничащая порой со скаредностью (Настя чистит картошку слишком толсто; огонь в печи горит «по-лохматому», неэкономно; соседи много воды из колодца черпают; Семен Евсееч «пусть живет», потому что «нам пользу приносит»). С точки зрения полезности оценивается и отец, явившийся с войны без сундука с добром⁶, и сын понуждает его без промедления стать на учет в райсовете и военкомате, чтобы получить продовольственные карточки. Но было бы неверно считать Петрушку прагматиком до мозга костей, ребенком с сознанием, которое деформировано войной до такой степени, что оно уже не способно проникаться какими-либо интересами, помимо направленных на удовлетворение элементарных потребностей. Его вряд ли можно с уверенностью отнести к разряду платоновских «людей с оборванным детством, то есть обладающих искаженным восприятием жизни» [12, с. 42]. Детство Петрушки, разумеется, оборвано, но восприятие им жизни искаженным не является. Скорее, наоборот, если он к своим одиннадцати годам «все самое трудное и важное в жизни узнал» и в отличие от отца оказывается способен «сердцем понять то, что могут понять только старые люди и дети» [8, с. 791]. Может быть, это «узнавание» и не по возрасту, но оно открывает Петрушке суть вещей и отношений, что позволяет ему стать собирателем семейного целого, которому грозит распад.

Именно он, одиннадцатилетний мальчик, становится в рассказе выразителем основополагающей экзистенциальной истины, противопоставляя ее поведению взрослых – отца и матери: «У нас дело есть, жить надо, а вы ругаетесь как глупые какие...» [23, с. 231]. Принципиально здесь то, что жизнь объявляется *главным делом* человеческого существования, а не *средством* обретения других экзистенциальных ценностей. Это они, эти ценности, становятся ценностями и наполняются смыслом в силу того, что человек живет. Мысль о жизни, которую выражает мальчик, это «мысль семейная» – мысль о жизни семьи и в семье, мысль о жизни семьей. Очевидно, что когда Иванов заявляет жене: «Скучно мне, Люба с тобою; а я жить

⁵ Рассказ «Возвращение» – не единственный пример приурочивания писателями переломного момента в формировании личности ребенка к одиннадцатилетнему возрасту. Достаточно вспомнить такие произведения, как «Последний дюйм» Д. Олдриджа, «Иван» В. Богомолова, «Уроки французского» В. Распутина. Литературное маркирование этого возраста заслуживает, по-видимому, специального рассмотрения.

⁶ Гротескное, казалось бы, представление о солдате с сундуком на самом деле имеет вполне реальную историко-бытовую основу. См., напр., такое мемуарное свидетельство на тему возвращения солдата с фронта: «Война прошла по нему, как гусеница танка по горячему асфальту, оставив в память о себе глубокий след. Три ранения, контузия, пять боевых наград и кошмарные сны по ночам – вот что принес он с войны, не считая аккордеона и мелких гостинцев деткам. <...> Домой дедушка вернулся летом, ближе к осени. Увидев его с аккордеоном и тощим вещмешком, бабушка всплеснула руками и запричитала:

– Митенька... Мы тут голодаем, я еле концы с концами свожу... Ждала тебя, как Бога, а ты приходишь с гармошкой и пустым мешком! <...> Четыре года я его ждала <...> Работая как проклятая, а он возвращается как ни в чем не бывало с дурацкой гармошкой. Другие вон привозят ковры и драгоценности, а этот в композиторы подался» [15]. В свете подобного рода свидетельств значимой деталью на картине Костецкого является объемистый чемодан, а не тощий вещмешок на полу рядом с вернувшимся солдатом.

еще хочу» [23, с. 227], он имеет в виду не ту жизнь, о которой говорит Петрушка. В начале рассказа желание Иванова жить приравнено к желанию «погулять на воле», не обременяя себя обязательствами и связями, и «дело жизни» для него заключается в борьбе с унынием посредством нахождения «простых подручных радостей». Такой «подручной радостью» в начале рассказа для него оказывается Маша. В семейном кругу изжить привычным способом уныние, возникающее от чувства «сиротства» вне армии, не удастся. Более действенным здесь оказывается иное понимание жизни, противопоставленное тому, с которым вернулся домой Иванов.

Вопреки обыденной логике главным соперником Иванова в борьбе за положение мужа, отца и главы семейства оказывается не инструктор райкома и не Семен Евсеич, а собственный малолетний сын. Их столкновение, вероятно, можно интерпретировать в свете традиции, восходящей к архетипическому сюжету «бой отца с сыном»⁷. В новомирской публикации рассказа был также эпизод, дающий повод для психоаналитических построений на базе понятия «Эдипов комплекс»: «Мать вышла во двор, чтобы помочь Петруше носить дрова, но Петруша не велел матери работать; он сказал, что сам управится, и коснулся матери маленькой рукой.

– Мама, а ты любишь меня?

– Люблю, – ответила мать.

– Я тебя больше всех люблю, и ты меня люби больше всех.

Мать склонилась к Петруше и поцеловала его, а Петруша блаженно улынулся ей в ответ и снова поднялся с земли топор на работу» [22, с. 102–103].

Это – дополнительные смыслы, возникающие как следствие наделения рассказа «Возвращение» культурно-историческими ассоциациями и параллелями, подобными тем, что упоминались ранее в связи с «Одиссеей». Основной же конфликт между отцом и сыном возникает у Платонова на мировоззренческой почве. Выступая в роли защитника матери, намного больше знающего, чем отец, о ее мытарствах во время войны, Петрушка предлагает разрешить трудную нравственную проблему по известному ему, уже опробованному в сходной житейской ситуации образцу. Это восстановление семейного лада на путях милосердия, прощения и примирения. Как пример для подражания Петрушка приводит отцу историю бывшего фронтового дяди Харитона из инвалидной кооперации, простившего жену за измену, испытывавшего от этого радость и осчастливившего угнетенную сознанием вины женщину. В изложении мальчика рассказываемая история приобретает нравоучительную направленность, в ней проявляется притчевое начало [20, с. 48], побуждающее именно здесь усматривать зерно авторского замысла, авторскую идею произведения, изглаголанную «устах младенца». Иванова она поражает, но не столько своей сутью (он пока еще не готов ею проникнуться), сколько неожиданной осведомленностью сына в вопросах, казалось бы, недоступных детскому пониманию. Возможно, что эта

демонстрация ранней зрелости Петрушки и стала для его отца последним аргументом в пользу решения уйти из дома. Более действенным, чем словесные увещания, оказывается «довод», используемый Петрушкой в финале рассказа: он хватает за руку сестренку и бросается вдогонку за покинувшим семью отцом. Иванов остался глухим к мольбам жены и «наставлениям» сына. Но вид бегущих за поездом детей производит переворот в его сознании и в его душе⁸: «Прежде он чувствовал другую жизнь через преграду самолюбия и собственного интереса, а теперь внезапно коснулся ее обнажившимся сердцем» [23, с. 235]. Так мотивируется в произведении Платонова второе, окончательное и итогово значимое возвращение солдата⁹.

В рассказе Э.Г. Казакевича «При свете дня» базовый, эйзенштейновский вариант ситуации «Возвращение солдата с фронта» также трансформирован, но иначе, чем у Платонова. В идеологическом плане он не является столь провокационным, как «Семья Иванова» («Возвращение»), и, появившись рассказом десятилетием ранее, обвинений в отступлении от норм советской морали в адрес автора, скорее всего, не прозвучало бы. Тем более, что в нем открыто выражено почитание советских святынь (эпизод посещения Красной площади одним из персонажей) и семейных устоев, основанных на неразрывном единстве частного и общего (последние слова умирающего героя – о жене и о родине, «которую он любил, но про которую говорил мало; просто отдал за нее жизнь...» [11, с. 73].

В произведении присутствуют, принимая облик, соответствующий замыслу писателя, все четыре опорных персонажа сюжетной ситуации. Это «солдат» – Виталий Николаевич Нечаев, «неверная» жена – Ольга Петровна, ее второй муж – Ростислав Иванович и «плод супружеской «измены» – девочка-младенец. Наибольшей трансформации подвергнут образ возвращающегося солдата. В соответствии с широко использованным в рассказе приемом «удвоения» [18, с. 121–122] он разделен на две резко противопоставленные ипостаси: довоенный инженер Нечаев («чернорабочий от инженерии») и фронтовой офицер Нечаев. Первый – «пресноватый и скучноватый» человек – дан в воспоминаниях Ольги Петровны, второй – яркая, человечески привлекательная, нравственно чистая и героическая личность – в представлении его товарища по оружию Андрея Слепцова.

⁸ Сама по себе эта сцена имеет мелодраматический колорит и может послужить поводом для упреков в обращении к арсеналу низкопробных средств воздействия на «чувствительность» читателя. Однако, как замечает А.Н. Варламов, это «редкий даже в русской литературе пример того, как использование запрещенного приема <...> не убивает текст, а непостижимым образом возвышает его» [4, с. 503].

⁹ Вряд ли можно согласиться с Е.А. Яблоковым, сомневающимся «в том, что “шаг” Иванова навстречу детям окажется окончательным» [34]. Если рассматривать произведение Платонова как аналог неких реальных психических процессов, отличающихся противоречивостью и низкой предсказуемостью, то дальнейшие метания, уходы и возвращения Иванова вполне вероятны. Однако рассказ представляет собой завершенную художественную структуру, при создании которой принцип *non finito* не использовался. Состояние, переживаемое Ивановым в финале, есть конечный пункт его дороги к дому и итоговый момент сюжетного развития.

⁷ Связь ситуации «возвращение солдата с фронта» с этой традицией обозначена Н.П. Хряцовой при рассмотрении рассказа М.А. Шолохова «Судьба человека» [28, с. 60].

Специфика интерпретации мотива возвращения определяется тем, что Нечаев погиб за год до конца войны и возвращается уже после ее завершения домой не въяве, а в рассказах Слепцова, являющегося одновременно и его порученцем (исполнителем последней воли умирающего), и его заместителем в данной ситуации. Однако психологическая граница между явью и воображением в произведении оказывается размытой. То, что слышит от Слепцова Ольга Петровна, производит на нее впечатление, подобное «эффекту присутствия»: «У нее ни на минуту не проходило ощущение, что однорукий солдат прибыл от живого Виталия Нечаева непосредственно – оттуда, где Виталий находится теперь, – настолько живы были его впечатления и настолько, в сущности, потрясая его приход»; «...в словах солдата покойный муж ее вставал совсем как живой» и т.д.

Расстановка, функциональная нагрузка и амплификация типовых для ситуации «Возвращение солдата с фронта» персонажей обусловлены акцентированием внимания на героизме воина, отдавшего жизнь за родину. И героизм этот не только подразумевается, но и получает наглядное воплощение в целом ряде эпизодов из фронтовой жизни Нечаева, о которых вспоминает Слепцов. Если в произведении Платонова происходившее на полях сражений не показано, то Казакевич отводит участию Нечаева в отступлениях, наступлениях, переправах и рекогносцировках всю центральную часть рассказа. Писатель не избегает говорить об отнюдь не героических сторонах военной действительности, но и склонности к сгущению красок не обнаруживает. Героизм Нечаева не пафосный, не демонстративный. Он основан на том понимании героизма, которое в русской культурной традиции соотносится с творчеством Л.Н. Толстого. Нечаев честно выполняет свой воинский долг, не щадя себя, не думая о наградах и заботясь о людях, окружающих его. Он наделен наибольшей мерой человечности, которая возможна в условиях войны. На его образе лежит печать идеализации, но это не воспринимается как авторский просчет, поскольку она художественно оправдана отношением Слепцова к своему погибшему командиру.

Как и в рассказе Платонова, у Казакевича вершится нравственный суд над персонажем, однако здесь этот персонаж не солдат, а «изменщица»-жена. В роли нелицеприятных судей Ольги Петровны попеременно выступают и ее нынешний супруг Ростислав Иванович («...муж твой покойный был человек необыкновенный <...> Забыть такого человека может только... сука» [11, с. 7]), и двенадцатилетний сын Нечаева Юра («Слезы матери угнетали его, но не вызвали жалости...» [11, с. 78]), и сама она, постепенно проникающаяся сознанием вины перед нераспознанным ею вовремя Нечаевым¹⁰. Однако наиболее авторитетным судьей, «арбитром» в данной ситуации является Андрей Слепцов. Он не высказывает прямо своего отношения к Ольге Петровне, оказавшейся

недостойной Нечаева, лишь поведение его знакомо меняется после того, как ему становится ясно, что Ростислав Иванович – муж Ольги Петровны, а маленькая девочка – их ребенок.

Рассказ «При свете дня» построен как история посещения Слепцовым московской квартиры его бывшего комбата Нечаева. Повествование ведется от третьего лица, но в него вставлен большой, с перерывами, монолог Слепцова, адресованный Ольге Петровне. В структуре третьеличного повествования этот монолог является пространной «цитатой», воспроизводящей речь персонажа. Слепцов рассказывает о Нечаеве, однако все, что он говорит, характеризует и его самого, так как может быть квалифицировано как выражение ментальности говорящего индивида. Слепцов воссоздает образ «подлинного» Нечаева, руководствуясь свойственными ему критериями оценки человека. Он же является и объектом пристального внимания в тех фрагментах текста, которые написаны от третьего лица. В этих фрагментах ведущая роль принадлежит третьеличному повествователю, который, наблюдая за Слепцовым со стороны, создает представление о нем по деталям поведения, по жестам, по мимике, а также (проникая в его внутренний мир) по не всегда достаточно осознанному и понятным самому персонажу психологическим реакциям и переживаниям¹¹. Необходимость такого «сопровождения» определяется тем, что Слепцов – человек из народной массы, сибирский крестьянин, далеко не всегда способный облечь в четкие словесные формулы свои мысли и чувства. Кроме того, ему свойственны скромность, деликатность и сдержанность, препятствующие открытому самовыражению. Вкупе с нравственной чистотой эти качества, требующие в ходе развертывания текста корректировки и восполнения со стороны, являются положительной авторской характеристикой личности персонажа. Они же дают повод отнюдь не пользующемуся расположением автора Ростиславу Ивановичу оценить Слепцова по высшему разряду: «благороднейший человек», «праведник», «святой» [11, с. 76].

Слепцов не подготовлен и не расположен к тому, чтобы воплощать свои суждения о жизни в афористически емкие словесные формулы, как Нечаев («Хорошего человека война делает лучше, плохого – хуже» и проч.). Однако именно Слепцову отводится автором роль выразителя «идеи» произведения, его мировоззренческой сути. Идея рассказа выражается им на интуитивном уровне, без дискурсивного опосредования, в соответствии с его личностными особенностями и возможностями. Происходит это на основе контакта с четвертым участником ситуации «возвращение солдата с фронта» – с «чужим ребенком». На протяжении большей части рассказа Слепцов видит в нем «дитя вообще», не имеющее отношения к семье Нечаевых и оказавшееся здесь случайно: оно слишком

¹⁰ Показательно, что Нечаев, невзирая на то, что является в рассказе нравственным ориентиром, в разряд судей зачислен быть не может. Ольгу Петровну в годы их совместной жизни раздражала его способность «усложнять простые вещи» <...> то есть всюду стараться находить побудительные причины и, поняв их, прощать» [11, с. 66]. Способность эта, останься он в живых, побудила бы его простить и ушедшую к другому человеку супругу.

¹¹ О роли третьеличного повествователя в рассказе «При свете дня» см.: [33]. Невзирая на сдержанность, на осторожность этого повествователя в оценках и суждениях, его позиция по отношению к персонажам и ко всему происходящему в рассказе выражается вполне отчетливо, и поэтому вряд ли можно безоговорочно согласиться с утверждением, согласно которому «писатель избежал соблазна использовать возможности аукториального повествования (то есть всеведения автора и завершенности героя)» [18, с. 122].

мало, чтобы быть ребенком Ольги Петровны, хранящей супружескую верность. Мировоззренческий аспект интерпретации образа девочки-младенца задается автором сразу же – фигурой сравнения, которую читатель не воспринимает первоначально как нечто более значимое, чем обычный риторический прием: «...она плакала так надрывно, словно ее маленькое сердце до края переполнилось всеми горестями и несправедливостями нашей окаянной планеты» [11, с. 58]. Затем персонаж успокаивает девочку, укачивая ее на своей единственной руке и испытывает странное впечатление: «...ее взгляд выражал такой, казалось, ясный и глубокий ум, такую, казалось, сосредоточенную мысль, что Слепцову, растроганному и пораженному, на мгновение представилось, что она все знает о нем и видит его насквозь» [11, с. 59]. Совершенно очевидно, что автор целенаправленно движет повествование к финалу, где Слепцова, потрясенного внезапно открывшейся ему правдой об Ольге Петровне, из состояния горькой безысходности выводит воспоминание о маленькой девочке, которая покоилась недавно на его руке. Это воспоминание вновь открывает персонажу утраченную было экзистенциальную перспективу: «Ах, эта маленькая девочка, этот человеческий детеныш, совсем еще крохотный, весь в будущем, весь как сосуд, способный вместить в себя все прекрасное» [11, с. 79]. Само существование девочки-младенца оправдывает жизнь, несмотря на все социальные катаклизмы и нравственные потери, которыми она насыщена. Воспоминание о девочке отодвигает на второй план конфликт, резко размежевавший персонажей произведения. Но полностью он не нейтрализуется и даже выходит за рамки произведения, проецируясь на реальные жизненные ситуации.

Благодаря всепроникающему повествователю в рассказе показаны противоречивые процессы во внутреннем мире персонажей. Так, оскорбительное слово, брошенное Ростиславом Ивановичем в лицо жене, сопровождается сложной психологической мотивировкой: «...любовь и страсть к ней, и боль за ее проявившуюся душевную грубость и бесчувственность, и обида за поруганную память прекрасного человека, и приятная гордость оттого, что она так любит его, своего нынешнего мужа, и предвидение, что и его она может разлюбить при определенных обстоятельствах, – все это смешалось в душе в одну кашу, горькую, как полынь, и сладкую, как мед» [11, с. 77]. Внутренними противоречиями наделена и Ольга Петровна, которую посещение Слепцова побудило к переоценке предварительных итогов своей жизни¹². Однако психологизация и обнаружение «побудительных причин» не способствует прощению и не препятствует тому, что авторское отношение и к жене погибшего «солдата», и к занявшему его место «другому» выражается вполне определенно и однозначно. Оба они – лица малопривлекательные и для автора, и для Слепцова, несмотря на то, что Ростиславу Ивановичу принадлежат созвучные авторским прямым оценочные характеристики всех трех основных персонажей, а Ольга Петровна была любима Нечаевым и может вызвать сочувствие читателя как человек, страдающий от сознания своей душевной нечуткости.

Между тем нравственно-эстетическая эффективность психологизма, зависящего от изначальной авторской установки по отношению к персонажу, вызвала сомнения критиков. Уже в первых откликах на рассказ «При свете дня» было отмечено его ситуативное сходство с «Попрыгуньей» А.П. Чехова. Ольга Петровна и Нечаев в изображении Казакевича воспринимались как образная параллель чеховским Ольге Ивановне и доктору Дымову. Не без оглядки на классическое произведение, широкой известности которого способствовал и фильм 1955 года с участием любимых публикой актеров, и не без равнения на идеологию, с позиций которой был некогда осужден рассказ «Семья Иванова», героиня рассказа «При свете дня» именовалась «ничтожной, холодной, эгоистичной, лишенной элементарной чуткости, недостойной большой любви мещанкой, грубо оскорбившей его <Андрея Слепцова> чувства, чувства советского человека» [7, с. 207]. Но в годы «оттепели» поведение участников сюжетной ситуации «возвращение солдата с фронта» могло оцениваться и не столь прямолинейно и однозначно. Усиление внимания к сложным перипетиям человеческих судеб сделало возможным и несогласие с безоговорочным осуждением персонажей, подобных Ольге Петровне. Еще в 1957 году «измену» героини фильма «Летят журавли» умудренный жизнью и нравственно чуткий персонаж оценивал так: «С тобой случилось несчастье. Осудить тебя может только способный совершить худшее» [26, с. 78].

В соответствии с принципом художественного «вживания» в судьбу персонажа была поставлена под сомнение и принадлежность героини рассказа «При свете дня» к типу «попрыгуньи». Ленинградский критик Ф.М. Левин в статье, специально посвященной «оправданию» Ольги Петровны, счел принципиально важной постановку вопроса: «Не сказала ли в рассказе Э. Казакевича та “заданность”, при которой персонаж рассказа весь решен заранее, а не исследуется как человек, характер, поставленный в такие-то и такие-то обстоятельства?» [16, с. 220]. Полемизируя с автором произведения и словно бы придерживаясь бахтинской концепции полифонии, положения о неслиянности голосов автора и персонажа, он использовал своеобразный прием: предоставил слово самой Ольге Петровне. В монологе, написанном от ее имени, речь шла о неправомерности отождествления любви и признания человеческих достоинств, о необходимости продолжать жизнь, невзирая на невосполнимые утраты, об ошибочности суждений о человеке лишь по факту его поступков без учета мотивов и обстоятельств совершения этих поступков. Собственно говоря, критик пытался осмыслить произведение Казакевича в том ключе, в каком был написан рассказ Платонова «Семья Иванова», а Ольга Петровна в его восприятии становилась чем-то похожей на Любовь Васильевну, несмотря на социальные и психологические различия между ними. Сам Э. Казакевич, ознакомившись со статьей Левина, аргументов в защиту Ольги Петровны не принял («...как можно защищать беспамятность и душевную черствость»), становиться на ее точку зрения нужным не счел, в прощении отказал и правом автора нравственно судить персонажа не поступился [10, с. 447].

¹² О психологизме в рассказе «При свете дня» см.: [5].

Местом действия рассказа Э. Казакевича «При свете дня» является Москва. В рассказе А. Платонова «Семья Иванова» («Возвращение») – это безымянный провинциальный городок. В рассказе В. Белова «Речные излуки» – вологодская сельская глубинка. Различия здесь существенны, поскольку локализация сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта» оказывает заметное влияние на характер ее разработки. Об этом шла речь на занятиях С. Эйзенштейна со студентами ГИКа по ее мизансценированию. Обосновывая выбор места действия в пользу деревни, режиссер говорил: «Где же драматизм данной ситуации станет более обостренным? По нашим представлениям – несомненно в деревне. В деревне, где вопрос отношения к такому событию, к характеру и степени его “позорности” – к жене и ее измене – будет стоять значительно острее» [32, с. 32]. В рассказе В. Белова именно так и происходит, в нем возвращение солдата оборачивается более тяжелыми последствиями, чем в произведениях А. Платонова и Э. Казакевича.

Будучи гораздо моложе их обоих, Белов фронтовой действительности не знал. Но то, как жила в эти годы северная деревня, ему было хорошо известно по собственному опыту. Наблюдать семейные драмы, обусловленные войной, или слышать о них и в подростковом возрасте и позднее Белову, конечно же, доводилось.

В раннем творчестве Белова, к которому относится рассказ «Речные излуки», как и у многих писателей, пришедших в литературу из районной журналистики, отчетливо дает о себе знать очерковое начало. В рассматриваемом произведении оно выражается в том, что его композиционную основу образует поездка, путешествие на пароходе. По мере движения в пространстве взору персонажа-путешественника, точку зрения которого воспроизводит повествователь, открываются все новые и новые картины (виды приросты, набережной у речного вокзала, палубы плывущего парохода). Смене впечатлений сопутствует свободное течение мыслей, настроений и переживаний, вызванных этими картинами. Внимание время от времени фиксируется на пассажирах, на членах пароходной команды, на обитателях провинциального городка, появляющихся у пристани. Все попавшие в поле зрения повествователя персонажи наделяются скупыми, но типически характерными чертами.

Как нередко бывает в путевых очерках, повествователь или персонаж-путешественник, ассоциируемый с ним, завязывает случайное знакомство с одним из попутчиков и выслушивает его историю. Ядром этой истории в «Речных излуках» и является интерпретируемая Беловым сюжетная ситуация «Возвращение солдата с фронта». Занимает она примерно пятую часть общего объема и смещена к концу рассказа, благодаря чему в очерковое по жанровой окраске произведение привносится элемент новеллистичности, событийной остроты, неожиданности. Но предваряющая ее «экспозиция» не воспринимается как затянутая, поскольку соотносится с авторской установкой, обеспечивающей произведению целостность и придающей ему обобщающий, мировоззренческий смысл. Да и является она «экспозицией» лишь по отношению к вставной истории о событиях два-

дцатилетней давности. На самом же деле основное действие вершится на плывущем по реке пароходе синхронно времени повествования. Сводится оно к взаимоотношениям между двумя попутчиками, а рассказываемая история служит лишь фабульной предпосылкой к разворачиванию этого действия.

Авторская мировоззренческая установка заявлена уже в заглавии произведения, хотя при первичной читательской рецепции может интерпретироваться не метафорически, в соответствии с замыслом писателя, а тематически – как именование одного из описываемых природных объектов, как элемент пейзажа¹³. Однако довольно скоро в тексте появляется описание, побуждающее видеть в заглавии нечто большее, нежели простую фиксацию непосредственных впечатлений от путешествия на пароходе: «Река была длинна, солнечна и немного печальна своей тишиной. Богатая излуками, она похожа была на самую жизнь, долгую и никогда не повторяющую прошлое» [2, с. 161]. В конце произведения это метафорическое уподобление, образуя композиционное кольцо с заглавием, выводится на еще более высокий уровень обобщения, концентрируя в себе авторскую идею: «Река дремала, курилась у берегов, и под этим сонным туманом не заметны были теплые, могучие, глубинные струи, переплетающиеся и без усталости стремящиеся между зелеными берегами куда-то далеко-далеко, к неведомому холодному морю» [2, с. 173].

В разработке сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта», предпринятой Беловым, присутствуют все четыре типовых персонажа: солдат, жена, любовник («другой»), чужой ребенок. Как и в произведениях Платонова и Казакевича, третьеличное повествование ориентировано на восприятие одного персонажа. В рассказе «Возвращение» таким персонажем является Алексей Алексеевич Иванов (солдат), в рассказе «При свете дня» – Андрей Слепцов (представитель погибшего солдата). У Белова это Иван Данилович Гриненко (любовник). Но если Платонов и Казакевич, не ограничиваясь одной, доминирующей, точкой зрения, позволяют повествователю время от времени проникать во внутренние миры других персонажей, то Белов за пределы внутреннего мира Гриненко не выходит (высказывания, не ему принадлежащие, соотносены с его восприятием). Тем не менее, это не препятствует насыщению изображаемой картины действительности авторскими смыслами, хотя воспроизводится как будто только то, что видит, слышит, думает и чувствует персонаж. Возникает своеобразный художественный эффект, когда видение персонажа сопровождается авторским подтекстом («глубинные струи»), увеличивающим его содержательную нагрузку и рассчитанным на интуитивное постижение читателем.

Временная организация рассказа, как уже было отмечено ранее, двупланова. Само возвращение солдата с фронта, о котором повествуется во вставной истории, отнесено к концу весны – началу лета 1944

¹³ В любом случае трудно согласиться с одним из первых рецензентов произведения, посчитавшим заглавие «Речные излуки» малопопулярным [17, с. 119].

года¹⁴. Основное действие «Речных излука», если принять во внимание разбросанные по тексту хронологические вехи, приближено по времени к дате написания произведения (1963 или 1964 год)¹⁵. Данное обстоятельство обусловлено, во-первых, очерковой окраской произведения (очерк – жанр, ориентированный по материалу на живую современность), а во-вторых, расчетом на актуализацию проблематики в сознании современного читателя.

Гриненко на момент начала повествования должно быть около сорока лет¹⁶. Совершая деловую поездку, двигаясь в пространстве с юга на север, этот персонаж перемещается также и во времени, мыслями и переживаниями возвращается к своей юности, один из наиболее памятных ему эпизодов которой связан с местами, где он по служебной надобности оказался сейчас. Первые страницы произведения, повествующие о недолгом пребывании Гриненко в Вологде и начале его путешествия по реке, окрашены в лирико-ностальгические тона. Рассказ вписывается в общий контекст лирической прозы, которая в конце 1950 – начале 1960-х годов переживала период расцвета во всех ее тематических разновидностях (проза о войне, проза деревенская, проза городская, проза молодежная и т.д.). Здесь, в «Речных излуках», есть и «тепло тихих и грустных раздумий», и пахнущая вчерашним дождем и черемухами белая ночь, и молочно-синее небо, и характерные для Вологодчины зеленые берега реки с редкими деревнями, и мысленное возвращение персонажа в давно миновавшую молодость, и наглядные образы молодости теперешней, и «сладкая тоска», вызванная воспоминаниями о встреченной в юности женщине, и легкая горечь при мысли о несправедливо обиженной бездетной жене.

Вместе с тем своеобразие рассказа в значительной мере определяется не столько наличием в нем лирического начала самого по себе, сколько столкновением его с началом драматическим. Трудно согласиться с утверждением, согласно которому «в рассказе нет драматической коллизии в центре, коллизии в обычном смысле», а «известие о роковом Настинном поступке приходит словно мельком, между прочим» [21, с. 49]. Драматическая коллизия, даже не одна, а несколько, в «Речных излуках» есть, и вряд ли они, несмотря на особенности художественного воплощения, могут считаться не соответствующими «обычно-

му» смыслу данного понятия (порождающее конфликт-противоречие между действующими в произведении силами: характерами, характерами и обстоятельствами, различными сторонами характера). И известие о «роковом поступке» женщины, убившей собственного ребенка, ни персонажами произведения, ни читателем не воспринимается «мельком», является одним из акцентированных моментов сюжетного развития. Какая из драматических коллизий, представленных в рассказе «Речные излуки», является доминирующей, это другой вопрос, но их присутствие в произведении обусловлено самой природой ситуации «Возвращение солдата с фронта» и сомнений не вызывает.

У каждого из персонажей беловского рассказа своя мера драматизма. Поступок Насти Громовой накануне возвращения мужа-солдата с фронта – наиболее кардинальный вариант разрешения конфликта, заложенного в рассматриваемой сюжетной ситуации. Скупой представленный с точки зрения мужа, этот поступок не имеет эксплицированных в тексте произведения мотивировок и дает повод для читательских предположений, основанных на косвенных показателях или апелляциях к другим произведениям, в которых представлена та же сюжетная ситуация. Так, измена матери трех малолетних детей мужу-фронтовику в «Речных излуках» могла иметь ту же обусловленную тяготами военного времени психологическую подоплеку, что и в рассказе А. Платонова: «...я не стерпела жизни <...> А если бы стерпела, я бы умерла тогда <...> Мне нужно было почувствовать что-нибудь другое <...> какую-нибудь радость, чтобы я отдохнула» [23, с. 229]. Исходя из самого текста произведения В. Белова, можно предположить и другое. В отношении Ивана Громова к жене обнаруживается явный отголосок патриархальных традиций, основанных на безусловном главенстве мужа в семье и снисходительном пренебрежении к «бабьей нации»¹⁷. В соответствии с этой традицией любовь между женщиной и мужчиной необходимым условием семейного порядка не считалась и более действенным оказывался принцип «стерпится – слюбится». И семейная связь супругов Громовых держалась, по-видимому, не на взаимном чувстве, а на традиции. Поэтому юношеская любовь Гриненко к Насте могла стать для нее самой чем-то вроде компенсации недополученного в семейной жизни женского счастья. Но в результате власть традиции над женщиной, ее зависимость от «общего мнения» оказываются сильнее «влечений сердца», и ребенок становится для Насти воплощением вины за нарушение норм морали той среды, в которой она вынуждена существовать и где ее измена

¹⁴ Громов был ранен в последний раз, когда наши войска «дошли до Карпатов», т.е. в ходе Проскуровско-Черновицкой операции (март-первая половина апреля 1944 года). Мальчик, которого он по приезде домой застает уже мертвым, – «плод» любви Насти и Гриненко, пришедшейся на сенокосное лето 1943 года. Следовательно, родился ребенок не позднее мая 1944 года.

¹⁵ Три дочери Ивана Громова – погодки. Младшая родилась вскоре после ухода его на фронт, т.е. в 1941 году. Значит, год рождения старшей – 1939. Во время действия рассказа она, уже работающая агрономом (что предполагает наличие специального образования и соответствующий возраст), выходит замуж. Поэтому ей, надо думать, более 20 лет.

¹⁶ Возраст Гриненко на время пребывания в деревне Роднички определяется автором по-разному: то 18 [2, с. 159], то 20 [2, с. 165] лет. Таким образом, год его рождения – или 1925, или 1923. Правда, хронологические выкладки, сделанные на основе литературного произведения, где художественная логика может оказаться более действенной, чем житейская, не всегда безусловно убедительны. Так, например, маловероятно, чтобы в 1944 году пятилетняя дочь Громова писала отцу письма.

¹⁷ О господствовавших в конце XIX века на территории Вологодской губернии народных нравах этнограф Н.А. Иваницкий писал: «Будь женщина того умнее, энергичнее, а муж того глупее, ленивее, порочнее, она все-таки – существо, стоящее ниже потому, что она женщина <...> Вообще, женщина не пользуется уважением в народе как существо глупое от природы. Она считается бездушной тварью <...> Не признавая женщину за человека и отвергая в ней душу, крестьянин обращается с женщиной вообще хуже, чем со своей лошадью или коровой» [9, с. 53]. Поведение Громова по отношению к Насте, конечно, не столь деспотично и одиозно, но следы уходящей корнями в прошлое традиции обнаруживаются в нем довольно явственно.

воспринимается как позор, нуждающийся в жертвенном искуплении¹⁸. Печатью драматизма отмечена и судьба Насти после восьмилетнего пребывания в заключении: она обрывает все связи с семьей, исчезает из жизни мужа и дочерей, продолжая нести на себе груз вины за супружескую измену и за роковую попытку эту вину искупить.

В восприятии Ивана Даниловича Гриненко образ Насти не отделим от воспоминаний о юности, лично-стно значим и не тождествен тому образу, который вырисовывается в рассказе Громова. Настя для него – «первая и последняя любовь», отсюда переживаемая им «тревожно-неуловимая, совсем не мужская, почти мальчишечья, грусть» и «блестки невозвратимого счастья» при воспоминании о ней даже по истечении двух десятков лет. Кроме того, близость с Настей, женщиной старше и опытнее его, явилась для юного Гриненко чем-то вроде инициации, перехода из одного половозрастного статуса в другой, превращения мальчика в мужчину, в война: «...ночь была так светла, что Настя ясно увидела, как быстро наливались краской стыда еще совсем мало бритые солдатские щеки¹⁹. Позднее <...> стыд уходил и приходила смелость, и гордость, и мужская уверенность, что так понадобилась потом на фронте...» [2, 166–167].

В глубинах подсознания сорокалетнего Гриненко образ Насти осложнен послевоенным опытом. Во сне, увиденном персонажем на пароходе, он совмещается с образом его жены и становится «объемнее, шире» образа одного, конкретного лица. Это некий обобщенный образ женщины в ее экзистенциальном, сущностном, жизненно важном для персонажа выражении²⁰. И смысловое расширение этого образа будет продолжаться под воздействием все новых психологических импульсов, получаемых персонажем (знакомство с дочками случайного попутчика, одна из которых разительно похожа на Настю; рассказ Громова о том, что случилось после отбытия Гриненко из деревни Роднички, и т.д.).

По ходу повествования Гриненко словно бы выстраивает новую версию своей судьбы, восстанавливая неизвестные ему ранее звенья, переоценивая прошлое, а вместе с тем и свое представление о себе, о людях, о жизни. Параллельно этому нравственно-психологическому процессу идет нарастание драматизма. Вместе с известием о последствиях его давней любви приходит к нему и осознание вины за все то, что случилось с Настей и ее семьей. Бездетность, за которую он упрекал жену, теперь может быть истолкована как кара за косвенную причастность к убийству собственного ребенка, о существовании которого

он до сих пор не подозревал. А случайно встреченный на пароходе Настин муж предстает перед ним как милосердный судья, не склонный взыскивать с него по высшему счету за роковые увлечения молодости и переносящий акцент на другие аспекты истории в «любовном треугольнике».

Поскольку повествование хронологически развевается по линии восприятия Гриненко, развитие действия произведения обуславливается сменой его впечатлений и психологических состояний: наиболее сильные впечатления и изменения состояний становятся значимыми моментами сюжетного движения. Композиционно границы между этапами развития действия отмечены прохождением речного судна через очередную излучину, каждая из которых обретает метафорический смысл и нравственно-психологическую нагрузку. Направление этого движения – от лирического настроения к драматическому потрясению и к финальному разрешению противоречия между лирическим и драматическим началами. Имея очерковую и новеллистическую жанровые окраски, рассказ «Речные излуки» также может быть квалифицирован и как рассказ-исповедь, и как рассказ-характер, и как рассказ-судьба²¹. Наличие в нем целой гаммы жанровых окрасок позволяет усматривать в нем черты, свойственные романной структуре [21, с. 51].

Хотя вектор сюжетного развития определяется восприятием Гриненко, ключевая роль в драматизации повествования и в разрешении конфликта, порождаемого ситуацией «Возвращение солдата с фронта», отводится Ивану Громову. Именно он выдвинут на первый план, наиболее рельефно выписан Беловым как характер и именно ему отводится роль «героя» – персонажа, наиболее отчетливо воплощающего авторскую концепцию, дающего авторский ключ к истолкованию сюжетной ситуации. Важно принять во внимание, что ставка на характер является одной из наиболее значимых черт творческой индивидуальности Белова. Уже на исходе своего писательского пути он, с присущей ему запальчивостью, утверждал: «Это ведь и есть главное в литературе – дать своего героя. Чтобы читатель не тебя знал, а героев твоих. Сам писатель на первый план не должен выходить. Это если не смог своих героев настоящих создать, тогда и начинает писатель себя подсовывать. Мол, вот я какой, посмотрите на меня. А ты героя прежде покажи...» [1, с. 7].

Образ Громова в рассказе «Речные излуки» создавался с этой установкой. Выписан он разнопланово. В отличие от Гриненко, образ которого весь соткан из элегически окрашенных впечатлений, переживаний и настроений, Громов наделен выразительными внешними чертами, определяющими его «зримый облик»: «здоровенный дядька» с толстыми и жесткими пальцами на «громадных лапищах», с похожим на картошку дырчатым носом, в сером хлопчатобумажном костюме и новой синей рубашке, в пахнущих дегтем сапогах. Слово по контрасту с грузным телосложением в портретном описании Громова присутствуют «ясные глаза, глядящие сразу умно и наивно», и губы, «все время складывающиеся в улыбку». Опять-таки в

¹⁸ Есть в рассказе и еще одна версия, озвученная фронтовиком-калейкой Сашухой: жена Громова относится к разряду «скурвившихся» за время войны женщин [2, с. 168]. Но эта версия не подкрепляется ни поведением самой Насти, ни отношением к ней обоих близко знавших ее Иванов.

¹⁹ Ранее отмечалось, что повествователь за пределы внутреннего мира Гриненко не выходит и к восприятию других персонажей, без опосредования его восприятием, не апеллирует. Приведенная цитата, где в речи повествователя воспроизводится восприятие Насти, – единственный случай нарушения этого принципа, существенной роли, впрочем, не играющий.

²⁰ В данной связи уместно напомнить, что сны, по А.А. Брудному, относятся к разряду экзистенциальных «благ».

²¹ Эти типологические разновидности жанра выделены В.М. Шукшиным [30, с. 289].

отличие от замкнутого в себе Гриненко он шумноват, несколько суетлив и говорлив, что может быть объяснено как волнением перед свадьбой дочери, выпитым вермутом из пароходного буфета, так и органически присущим его личности складом. Именно последнее из названных качеств – словоохотливость – обеспечивает рассказу Громова о себе исповедальность, придающую произведению соответствующую жанровую окраску. Но, знакомя случайного попутчика с семейными перипетиями весьма деликатного свойства, Громов все-таки не так прост и открыт, как пытается себя представить («весь как на ладони»).

Как ретроспективно становится ясным на завершающем этапе действия, Громов, рассказывая Гриненко историю своей семейной жизни, постепенно пришел к пониманию, что перед ним тот самый возлюбленный Насти («другой»), который и был отцом загубленного младенца. Но до самого конца их совместного путешествия он не признается собеседнику в своей догадке – то ли умышленно держа в психологическом напряжении бывшего соперника, заставляя и его «пострадать», то ли не желая усиливать душевную боль бывшего солдата, судьбой которого, как и его собственной, безжалостно распорядилась война. Его финальное признание («А ты, Данилович, здря меня боишься... Я ведь хоть и не сразу, а определил тебя» [2, с. 172] выполняет роль новеллистического «пуанта», новым светом озаряющего то, что описывалось ранее. Вторая половина «исповеди» Громова и Иваном Даниловичем Гриненко, и следующим за ним по тексту читателем может восприниматься по-разному – в зависимости от того, знает Громов, перед кем изливает душу, или нет. Доходя до финала, читатель словно бы перечитывает эту вторую половину заново, открывая новую грань характера Громова, способного вести психологическую игру с собеседником, не подозревающим о действительной степени его осведомленности. Гриненко же оказывается в положении человека, не прошедшего испытания на искренность и доверие к собеседнику, искренности и доверия заслуживающему.

Между тем и сам Громов считает себя отчасти виновным в инициированной его возвращением трагедии. Он корит себя за то, что, узнав о неверности жены, задержался в пути и не успел воспрепятствовать гибели недавно появившегося на свет мальчика и всему тому, что за этой гибелью последовало. Но специфический поворот, который придается теме возвращения в рассказе «Речные излучки» состоит в том, что все произошедшее между Громовым, Гриненко и Настей следует расценивать не как чью-то вину, а как общую беду, обусловленную войной. Когда Громов, прощаясь с Гриненко, произносит: «Ох, парень, кабы войны-то больше не было!.. Мне так другую такую не выдюжить уж...» [2, с. 172], он имеет в виду не только свои физические возможности после четырех ранений, но и вызванные войной нравственно-психологические потрясения и катастрофы, которые ему, как и другим персонажам рассказа, довелось пережить и о которых писал в своих дневниках Всеволод Вишневский (см. статью первую). Доминантой характера «героя» рассказа Белова стала «способность понять “излучки жизни”, понять диалектически – не

простить “по давности лет” и не каяться, а “снять” тяжелую драматическую коллизию». И «это не бездумное, бессердечное “примирение” со сложностями жизни, а проявление в человеке подлинной человечности» [6, с. 204].

«Снятие» тяжелой драматической коллизии и является главным событием в произведении. Так же, как и в рассказах Платонова и Казакевича, основной экзистенциальной ценностью объявляется сама жизнь, требующая сохранения и продолжения. Это и есть главное дело, которым надлежит заниматься персонажам произведений всех трех писателей, изживая последствия минувшей войны, «выпрямляя» свои души и души своих близких. Не случайно те из них, кто наделен ролью выразителя авторской позиции, словно бы вторят друг другу, невзирая на возрастные, социально-ролевые или психологические различия между ними. «У нас дело есть, *жить надо*, а вы ругаетесь как глупые какие...» – укоряет платоновский Петрушка родителей. «Что было то было! *Жить надо...*» – убеждает себя Громов после двухдневного загула, отсрочившего его приезд домой. (В обоих случаях курсив мой. – С. Б.) Урезонивая отца, Петрушка ставит ему в пример дядю Харитона из инвалидной кооперации, уравнившего себя с женой то ли мнимыми, то ли реальными изменами на фронте и тем самым «снявшего» значимость ее вины перед ним. Более откровенный с самим собой, чем капитан Иванов, Громов свое решение не расставаться с изменившей ему женой мотивирует подобным образом: «...наш брат на чужой стороне тоже уха не провешивал, тоже шабашничали» [2, с. 169].

В то же время в рассказе «Речные излучки» в большей мере, чем в произведениях Казакевича и Платонова, обнаруживается неполнота «снятия» конфликта, обусловленного возвращением солдата с фронта. Громовское «жить надо» на уровне текста как единого целого означает отказ от моральных претензий к Гриненко и к Насте. Но отказ этот по отношению к каждому из них имеет разный смысл. Гриненко для Громова, во-первых, свой брат-фронтовик, переживший, как и он сам, то, о чем Настя понятия не имеет. Во-вторых, он – мужчина, что для Громова, связанного с традициями крестьянской культуры, где мужское и женское были разграничены и иерархически противопоставлены, имеет важное значение. О следах этой традиции в обращении Громова с Настей уже упоминалось ранее. Учитывая данное обстоятельство, можно полагать, что слова о «мужской солидарности, вечной и темной солидарности мужчин против женщин» [11, с. 76], более соответствуют образу мыслей и чувствований не Ростислава Ивановича из рассказа «При свете дня», а беловского Громова. Жена для героя «Речных излучек» – существо неразумное, которое надобно «учить»²². Учение это, согласно его собственному свидетельству, шло до войны; снимая ремень, он собирается «учить» жену, пренебрег-

²² «Бить жену или, как говорится, “учить” ее – не только не считается предосудительным, но даже необходимым, чуть не похвальным. “Бей жену как шубу, так меньше будет шуму”, а в одной песне дается такой совет: “Бей жену к обеду, а к ужину опять, чтобы шти были горячи, каша масляная, жена ласковая, обходительная...”» [9, с. 53–54].

шую узами супружества, по возвращении с фронта («...хлестну разок-другой по заднице так, для дезинфекции, а потом пусть самовар ставит» [2, с. 170])²³.

Можно согласиться с тем, что, намереваясь «учить» жену, Громов хочет «перед людьми амбицию соблюсти» [21, с. 50]. Однако сам ритуальный акт «учения» к соблюдению амбиции не сводится. Он еще означает и право мужчины этот акт по отношению к женщине осуществлять. Да и неоднократно подчеркнутое сожаление Громова об отсутствии сына в семье, при всей его любви к дочерям, тоже объясняется давней традицией отношения к женщине в крестьянской среде²⁴. К ней, к этой традиции, восходит и не совсем понятное современному читателю равнодушие героя к судьбе Насти, контрастирующее с беспокойством о ней Ивана Даниловича Гриненко.

Все это не отменяет авторской квалификации Громова как героя произведения. Следы народных традиций в его характере и поведении способствуют социально-психологической конкретизации образа в полном соответствии с творческими установками Белова, но не ставят под сомнение роль этого персонажа в разрешении конфликта, порожденного ситуацией «Возвращение солдата с фронта». Громов – человек, детерминированный своим временем и своей социальной средой. В его образе воплощен ряд лучших черт этой среды. Но продемонстрированное им понимание сложной жизненной ситуации не покрывает всех без исключения ее аспектов. На это, в частности, указывает эпиграф, фиксирующий внимание на судьбе Насти и противоречащий «эпическому» итогу, к которому подводит читателя повествование в рассказе «Речные излуки».

Я какую вам вину сделала?
В чем гораздо провинилася?
Иль амбары хлеба выела?
Сундуки платья износила?
Иль ключами обтерлася,
Золотой казной обсчиталася?

(Из старинной народной песни)

Складывается положение, подобное тому, когда ситуация «Возвращение солдата с фронта», представленная в рассказе «При свете дня», была оценена с позиции обвиненной в измене Ольги Петровны и было поставлено под сомнение право безоговорочно осуждать ее. Предпослав своему произведению эпиграф, Белов изменил угол зрения на ситуацию, установленный текстом произведения, и наметил возмож-

ность оценки этой ситуации с позиции Насти. Будучи убийцей собственного ребенка, она в то же время «чуть ли не без вины виноватая» [21, с. 50], поскольку ее поступок мотивирован не столько бабьей «дуростью», как считает муж, или преступной волей, как постановит суд, сколько чувством вины перед «патриархальными заветами», которые по традиции должны быть более авторитетными, чем личные предпочтения, желания и влечения. Песня, строки из которой приводятся в эпиграфе, – из свадебного обряда. Это плач невесты, выдаваемой на «чужую сторону». Он адресован родным и близким, отторгающим от себя «любимое дитятко».

Признание жизни абсолютным экзистенциальным «благом» побуждает к сглаживанию многих противоречий, к нейтрализации многих конфликтов и к примирению с тем, что вершится по воле судьбы. Но участники сюжетной ситуации «Возвращение солдата с фронта», какими их изображают Платонов, Казакевич и Белов, – живые люди, и далеко не все вопросы, поставленные перед ними жизнью, могут быть окончательно разрешены и сняты.

Литература

1. <Белов В.> Молюсь за Россию (Беседа Владимира Бондаренко с Василием Беловым) / В. Белов // Наш современник. – 2002. – № 10.
2. Белов, В.И. Речные излуки: повесть и рассказы / В. Белов. – Москва: Молодая гвардия, 1964.
3. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А. Брудный. – Москва: Лабиринт, 1998.
4. Варламов, А.Н. Андрей Платонов / А.Н. Варламов. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 546 с. – (Жизнь замечательных людей. Вып. 1294).
5. Винник, Н.Ф. Особенности психологизма в рассказе Э. Казакевича «При свете дня» / Н.Ф. Винник // Проблемы метода и стиля (русская литература). – Днепропетровск: Днепропетровский гос. ун-т, 1969.
6. Гус, М.С. Во имя человека: наблюдения и размышления / Н.С. Гус. – Москва: Советский писатель, 1976.
7. Жак, Л. «Попрыгуньи», их враги и друзья / Л. Жак // Октябрь. – 1961. – № 9.
8. Заболоцкий, Н.А. «Огонь, мерцающий в сосуде...» / Н.А. Заболоцкий. – Москва: Педагогика-Пресс, 1995.
9. Иваницкий, Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н.А. Иваницкий // Сб. сведений для изучения быта крестьянского населения России. – Москва: [Императорский Московский университет], 1890. – Вып. II (Изв. Имп. общ-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии. – Т. LXIX. Тр. этнограф, отдела. – Т. XI. – Вып. 1).
10. Казакевич, Э.Г. Из дневников и записных книжек / Э.Г. Казакевич // Казакевич Э.Г. Собр. соч.: в 3 томах. – Москва: Худож. литература, 1988. – Т. 3.
11. Казакевич, Э. При свете дня / Э. Казакевич // Новый мир. – 1961. – № 7.
12. Карасев, Л.В. Знаки покинутого детства («постоянное» у Андрея Платонова) / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1990. – № 2.
13. Клементьева, А. «Семья Иванова». Эволюция замысла: от сценария к рассказу А. Клементьева // «Страна философов Андрея Платонова: проблемы творчества. – Москва: ИМЛИ РАН, 2011. – Вып. 7.
14. Корниенко, В. «Возвращение» [Комментарии к рассказу] / В. Корниенко // Платонов А. Взыскание погибших: Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи. – Москва: Школа-Пресс, 1995. – С. 667.
15. Курилко, А. Самые искалеченные. Почему рожденные в 60–80-х не могут быть счастливыми [Электронный

²³ Сравнительно легкая кара, уготованная Громовым Насте, также вполне соответствует народным «нормам». В соответствии с ними «прелюбы» (внебрачные интимные отношения) заслуживали более мягкого наказания, чем «блуд» (добрачные интимные отношения). При этом «прелюбодеяние жены» считалось большим грехом, чем измена мужа, ответственность за которую ложилась частично и на жену: она должна была приложить все усилия, чтобы удержать мужа» [31, с. 59].

²⁴ «Женившись и начав семейную жизнь, молодой крестьянин <...> ужасно боится, чтобы у него не народилось лишних детей. Под лишними разумеются обыкновенно девочки, появление которых на свет встречается иногда как истинное несчастье» [9, с. 55]. Иным было отношение к мальчикам: «Сыновья считались силой и “надежей” семьи, их рождение воспринималось как благословение Божье» [27, с. 431].

- ресурс] / А. Курилко. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/http://www.segodnya.ua/opinion/kurilkocolumn/samye-iska- lechen-nye-pochemu-rozhdennye-v-60-80-h-ne-mogut-byt-schastli-vymi--736233.html>
16. Левин, Ф. Выслушать и другую сторону (О рассказе Э. Казакевича «При свете дня») / Ф. Левин // Знамя. – 1962. – № 3.
 17. Линецкий, А. Не только речные излуки (Заметки о книге товарища) / А. Линецкий // Север. – 1965. – № 3.
 18. Максимов, В.В. Типологические особенности военной прозы Э.Г. Казакевича / В.В. Максимов // Сибирский филологический журнал. – 2013. – № 4.
 19. Моравиа, А. Презрение / А. Моравиа // Иностранная литература. – 1963. – № 10.
 20. Николенко, О.Н. Русский Джойс («Река Потудань» и «Возвращение» А. Платонова) / О.Н. Николенко // Вопросы русской литературы. – Симферополь: Крымский архив, 2006. – Вып. 12 (69).
 21. Панков, А.В. Вечное и злободневное: Современная проза: конфликты, темы, характеры / А.В. Панков. – Москва: Советский писатель, 1981.
 22. Платонов, А. Семья Иванова / А. Платонов // Новый мир. – 1946. – № 10–11.
 23. Платонов, А. Возвращение / А. Платонов // Платонов А. Рассказы. – Москва: Гослитиздат, 1962.
 24. Платонов, А. Размышления читателя: статьи / А. Платонов. – Москва: Советский писатель, 1970.
 25. Подорога, В.А. Евнух души (Позиция чтения и мир Платонова) / В.А. Подорога // Вопросы философии. – 1989. – № 3 (21–26).
 26. Розов, В. Летят журавли. Киносценарий / В. Розов. – Москва: Искусство, 1959.
 27. Холодная, В.Г. Парнишка / В.Г. Холодная // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005.
 28. Хрящева, Н.П. «Этот запах был таким же» (Ситуация возвращения с войны в рассказах 1940–80-х годов) / Н.П. Хрящева // Филологический класс. – 2010. – № 23.
 29. Чарный, М. О свободе любви и свободе от серьезно-го в любви / М. Чарный // Звезда. – 1962. – № 10.
 30. Шукшин В.М. Нравственность есть правда / В.М. Шукшин. – Москва: Сов. Россия 1979.
 31. Щепанская, Т.Б. Блудный грех / Т.Б. Щепанская // Мужики и бабы: мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия. – Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 2005.
 32. Эйзенштейн, С. Режиссура. Искусство мизансцены / С. Эйзенштейн // Эйзенштейн С. Избр. произведения: в 6 т. – Москва: Искусство, 1966. – Т. 4.
 33. Эткинд, Е.Г. Великий Незримый (заметки о роли повествователя) / Е.Г. Эткинд // Материалы семинара методистов-словесников педагогических институтов. – Ленинград: ЛГПИ, 1973.
 34. Яблоков, Е.А. Два возвращения (Рассказы Андрея Платонова «Семейство» и «Семья Иванова») [Электронный ресурс] / Е.А. Яблоков // Новые территории. (Поэтика Андрея Платонова. Сб. 2) – Москва: Совпадение, 2015. – Режим доступа: <http://www.booksite.ru/http://www.eajablokov.ru/article23.html>

S.Yu. Baranov

THE PLOT SITUATION OF *A SOLDIER'S RETURNING AFTER THE WAR* AND ITS VARIANTS (A. Platonov, E. Kazakevich, V. Belov)

Article 2

The article considers the plot situation of 'A soldier's Returning after the War' which is of great importance for post-war literature. The author describes its image structure, determines its links with artistic traditions and dependence on social and historical contexts. Materials for discussing the possible ways of interpretation of this plot situation in literature are from the works of A. Platonov, E. Kazakevich and V. Belov.

Author, war, dramatic effect, conflict, lyricism, psychologism, story, plot situation, tradition, existentialness.

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ВЕЛИКИЕ ТРАГЕДИИ В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

2014-й и 2016-й – юбилейные шекспировские годы: 450 лет со дня рождения и 400 лет со дня смерти великого драматурга. В статье предложен обзор подготовленного к юбилею шеститомного издания великих трагедий («Ричард III», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет») в русских переводах (каждая трагедия – в трех переводах).

Великие трагедии в русских переводах, У. Шекспир, И. Шайтанов.

В юбилейные шекспировские годы вышел шеститомник «Великие трагедии в русских переводах» под общей редакцией доктора филологических наук, профессора Игоря Олеговича Шайтанова. Несмотря на наличие переводов, признанных «классическими», и разнообразие переводов отдельных пьес, переводчики продолжают обращаться к творчеству великого английского драматурга. Каждая эпоха требует своего прочтения, открытия граней, созвучных времени, и процесс едва ли когда остановится, но странно, что до настоящего момента собраний переводов той или иной пьесы в России не было.

Идеален был бы полный охват шекспировских текстов. В рецензируемом издании представлены шесть пьес («Ричард III», «Ромео и Джульетта», «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет»), каждая – в трех переводах. Хотелось бы видеть хотя бы пять-шесть переводов, столь притягательно звучание цитат, приводимых для сопоставления, но и при трех книги получились объемными – от 400 до 600 страниц.

Специально для этого издания написаны историко-литературоведческие очерки о пьесах и комментарии к ним, выполненные на основе одного из переводов, но в случае необходимости – с отсылками к другим. В каждом томе – попытка обсудить трагедию в ее целостности в соответствии с современными подходами. Предложена информация о тексте, датировке, источниках, истории перевода пьесы на русский язык, сценической и кинематографической истории в России и англоязычном мире.

Мне бы хотелось сначала поделиться мыслями о переводах и комментариях, затем – о вступительных статьях.

Переводческая история русского Шекспира идет от так называемых «переделок» (с французского и немецкого) к переводам (с разными установками, разной степенью соответствия оригиналу).

XVIII век предлагал главным образом переделки, причем в соответствии с канонами классицизма: Шекспир в них разве что узнаваем. «Связанный французскими путями» «Гамлет» Александра Сумарокова (1748) основан на французском прозаическом

переводе-пересказе Пьера Антуана де Лапласа. Сам Сумароков отмечал: «“Гамлет” мой, кроме монолога в окончании третьего действия и Клавдиева на колени падения, на Шекспирову трагедию едва ли походит».

На обложке Санкт-Петербургского издания «Ричарда III» 1787 года значится: «Жизнь и смерть Ричарда III, короля Англинского, трагедия господина Шакспера, жившего в XVI веке и умершего 1576 года. Переведена с французского языка в Нижнем Новгороде 1783 года» [8, с. 21]. Как правило, перевод был выполнен прозой, в данном случае сопровождается предисловием Вольтера. С одной стороны, Вольтер открывал Шекспира Европе, с другой – чувствовал себя оскорбленным его нежеланием следовать правилам строгого искусства [8, с. 21].

На раннем этапе переводческого развития сюжет, как правило, вбирал в себя лишь отдельные моменты пьесы. Так, в 1810 году Степан Висковатов превращает «Гамлета» (ударение на второй слог – Гамлэ́та – обусловлено французским влиянием) «в нравоучительную историю с ясными мотивировками поведения героев и недвусмысленной моралью...» [4, с. 11]. Пьеса шла с успехом, и вместе с тем многих не покидало ощущение, едко выраженное известным актером М. Щепкиным: эта «дюсисова дрянь...» (за основу взята французская адаптация Жана-Франсуа Дюси).

В конце XVIII века появились собственно переводы. Николай Карамзин (он читал Шекспира по-английски и переводил с английского, что было необычно в ту пору) опубликовал прозаический перевод монолога безумствующего Лира из второй сцены третьего акта в «Письмах русского путешественника». «Шекспировы стихи, в устах старца Леара» печатались в 1791–1792 годах в «Московском журнале» как серия путевых заметок [5, с. 19].

Обращение к отрывкам было обычным делом. Анонимные отрывки из «Ричарда III» в 1806 году напечатал «журнал российской и иностранной словесности» «Минерва», издаваемый при Московском университете [8, с. 21].

На раннем этапе переводы обычно сопровождались проницательными рассуждениями и истолкованиями. Н. Карамзин в одной из путевых заметок фиксировал:

сировал разницу вкусов Шекспира и современности. Он не одобрил ни осязаемую материальность шекспировского слова, ни «слишком фигуральные выражения, которые хоть и показывают остроумие автора, однако же в драме не у места» [5, с. 20]. (Показательно, что и в Англии, и в России остроумие не находило уместным ни в любовной лирике, ни в драме.) Вильгельм Кюхельбекер написал «Рассуждения о восьми исторических драмах Шекспира, и в особенности о «Ричарде III»» (1832).

Отрадно, что в подготовленный И. Шайтановым том «Ричарда III» перевод В. Кюхельбекера включен. Он выполнен в 1832 году, выпущен в 1835–1836. Это был первый полный перевод «Ричарда», но, так как автор-декабрист отбывал заключение в крепости, текст надолго попал в архив и был опубликован лишь полтора столетия спустя – Ю. Левиным. Перевод дает великолепное представление об одном из ранних вариантов русского шекспиризма.

Русский колорит сначала кажется чрезмерно густым, но постепенно редет. О том, что *леди Грей* это *Lady Grey, Туэр – the Tower*, догадываешься. А вот «...братец, добрый барин, Антон Уудвиль» побуждает заглянуть в оригинал. «Барин» там, предсказуемо, отсутствует («...that good man of worship, / Anthony Woodeville, her brother there...»), как и привлекающий внимание Перун («Перуном, небо! – разрази убийцу!» – «Either heav'n with lightning strike the murderer dead...»). Весьма витиеватое «Надежда-государь, в столице здравствуй, / В своем дворце!» оказывается самым что ни на есть традиционным приветствием: «Welcome, sweet Prince, to London, to your chamber». Продуктивны (и способны поставить в тупик) слово/формообразовательные способности Кюхельбекера: «Слыхал ты, как смиренно Гестингс Шорше / Челом бил о своем освобожденьи?» (Шорша – Mistress Shore).

В. Кюхельбекер работал с установкой на архаизацию текста. Его языковое воплощение Шекспира («Ричарда III» и «Макбета») воспринимается как принадлежащее прошлому, но текст остается живым. По прочтении Кюхельбекера другие переводы кажутся «пресноватыми» – не хватает его «изюминок».

Второй перевод этого тома – «Король Ричард III» Александра Дружинина. Перевод был опубликован в «Современнике» в 1862 году. В шеститомнике А. Дружинин представлен дважды. Перевод «Короля Лира» (это его первый перевод Шекспира, и он был высоко оценен Н. Некрасовым, И. Тургеневым, А. Островским и др.) включен в соответствующий том.

А. Дружинин не только удивительно быстро переводил («Короля Лира» – за полгода: с конца ноября 1855-го до второй половины мая 1856-го), но во вступлении к своему труду четко сформулировал, чем руководствовался. Его ориентиром была переводческая практика В. Жуковского, который «никогда не отступал от буквы подлинника без крайней необходимости, никогда не жертвовал ею без основания, но зато никогда не подчинял родного своего языка формам и оборотам ему чуждым» [5, с. 22]. Цель А. Дружинина высока и благородна: «Мы имели намерение стать посредником между великим большинством нашей публики и духом шекспировской поэзии» [5, с. 22].

Он стремился создать русский аналог, «передавая поэтический язык Шекспира на язык современной русской поэзии» [5, с. 22]. «Из уважения к публике нашего времени» он, в соответствии со вкусом XIX века, изымал «неблагопристойные шутки», «ужасно непристойные сцены и выражения», «всякую цветистость, кудреватость и метафоричность слога» [5, с. 23]. Перевод отличается красотой внятного и прямого высказывания. Любопытно соединение частей перевода А. Дружинина и Г. Бена для «трагифарса» Юрия Бутусова на сцене театра «Сатирикон» (2004).

Третий перевод – «Король Ричард III» Михаила Донского. В начале 1960-х перевод был заказан Театром имени Вахтангова для М. Астангова, пригласившего на главную роль М. Ульянова, но планам Астангова помешала смерть. В 1974 году было решено завершить работу, и трагедию поставил Р. Капланян. Именно к этому переводу, приближенному к современной речи, были выполнены комментарии.

Другими претендентами на включение в том, посвященный «Ричарду», могли быть Анна Радлова (перевод опубликован в 1935 году), Борис Лейтин (1958), Георгий Бен (перевод сделан в 1960-е, опубликован в 1997).

Подготовленные тома делают возможным не только целостное видение истории перевода, разнообразие авторских подходов, но и их сопоставление, наблюдение за переводческой тактикой в сложных местах (при знании вариантов слух утончается). Обратимся к моменту победы Ричарда над леди Анной (акт 1, сцена 2). Ему, убившему ее мужа и его отца, удалось остановить проклятия и убедить ее в том, что злодеяния совершены якобы ради любви к ней. Ричард самодовольно и злорадно торжествует: «Was ever woman in this humour woo'd? / Was ever woman in this humour won?» (Шекспир варьирует только последнее слово).

У В. Кюхельбекера перевод традиционно куртуазнее: «Кто сватался к невесте в этом духе? / Невесту в этом духе кто склонял?» Короткое эмфатическое «ever» («когда-либо») из перевода ушло. У Шекспира важна беспрецедентность того, что произошло.

А. Дружинин вводит это пропущенное слово, но проигрывает шекспировскому остроумию: «Была ль когда так ведена любовь? / Была ль когда так женщина добыта?» Ведется все же, скорее, война; добываются полезные ископаемые.

А. Радловой перевод удался: «Кто обольщал когда-нибудь так женщин? / Кто женщину так обольстить сумел?»

Б. Лейтин удаляется от оригинала и достигнутого А. Радловой: «Кто и когда так добывал жену? / Кто и когда так сватался забавно?» У Ричарда циничнее, чем «сватался забавно».

М. Донской тоже вносит «разнообразие»: «Кто женщину вот так обольщал? / Кто женщиной овладевал вот так?» Ричард любил простонародную мудрость, но в данном случае просторечное «вот так», по-моему, диссонирует.

Г. Бен, как и А. Радлова, работает с видовой парой глагола и, на мой взгляд, максимально приближается к Шекспиру: «Кто женщину в такой момент пленял? / Кто женщину в такой момент пленил?»

В том, посвященный «Ромео и Джульетте» (составление, предисловие, комментарии Елены Луценко), вошли переводы А. Григорьева, Т. Щепкиной-Куперник, Б. Пастернака. За пределами тома из XIX века остались П. Расковшенко (1839), М. Катков (1841), Н. Греков (1862), А. Соколовский (1880), П. Кусков (1891), Д. Михаловский (1899), прозаические варианты Е. Гиацинтовой (1877) и П. Каншина (1893), из XX века – А. Радлова (1935), из XXI – О. Сорока (2001), Е. Савич (начало 2000-х), А. Флоря (2010).

Аполлон Григорьев (1822–1864) работал над «Наипревосходнейшей и пржежалостной трагедией о Ромео и Джульетте» последние годы жизни. Для него это был «труд заветный». Перевод еще очень далек от эквилинеарности – четырнадцать строк пролога превращены в двадцать одну. При удлинении на треть сонетность не ощущается, но интересно само звучание языка XIX века, момент архаизации в парнорифмованном пятистопном ямбе вместо белого стиха, который тоже архаичен, поскольку представляет собой речь Хора, произносящего Пролог:

В Вероне древней и прекрасной,
Где этой повести ужасной
Свершилось действие давно,
Два уважаемых равно,
Два славных и высоких рода,
К прискорбию всего народа,
Старинной, лютою враждой
Влеклись – что день – то в новый бой.
Багрились руки граждан кровью;
Но вот, под роковой звездой
Чета двух душ, исполненных любовью,
Из тех враждебных родилась утроб
И обрела в их гибели ужасной
Вражда родов исход себе и гроб.
И вот теперь, о той любви несчастной,
Запечатленной смертью, о плодах
Вражды семейной, вечно раздраженной
И смертью чад лишь милых укрощенной,
Мы в лицах повесть вам на сих досках
Представим. Подарите нас вниманьем:
Пособим неискусству мы стараньем.

Два других перевода, незначительно расходясь во времени, разнятся в подходах. Перевод Бориса Пастернака (М.: ВУОАП, 1943) легко воспринимается на слух – подходит для театра и массового зрителя, но, как неоднократно отмечал А. Смирнов во внутренних рецензиях, «Пастернак – по праву гения – неустанно создавал своего Шекспира, свою поэтику переводного текста, часто далекую от оригинала» [9, с. 28]. Легкий, если не сказать упрощенный, модернизированный пролог – не исключение:

Две равно уважаемых семьи
В Вероне, где встречаются,
Ведут междоусобные бои
И не хотят унять кровопролития.
Друг друга любят дети главарей,
Но им судьба подстраивает козни,
И гибель их у гробовых дверей
Кладет конец непримиримой розни.

Их жизнь, и страсть, и смерти торжество,
И поздний мир родни на их могиле
На два часа составят существо
Разыгрываемой пред вами были.
Помилостивей к слабостям пера –
Их сгладить постарается игра.

Переводы Б. Пастернака включены в пять из шести томов («Ричарда III» он не переводил), и, читая его, постоянно возвращаясь к мысли о закономерности модернизации. Почему мы выбираем именно его переводы?..

Татьяна Щепкина-Куперник, с детства влюбленная в Шекспира, перерабатывала «Ромео и Джульетту» много раз. В книге представлена последняя редакция – 1958 года. Своей основной задачей Щепкина-Куперник считала достоверность изложения, «при этом стремилась не потерять поэтичности и виртуозности шекспировского слога» (9, с. 28). Пролог в ее исполнении характерно близок к оригиналу:

В двух семьях, равных знатностью и славой,
В Вероне пышной разгорелся вновь
Вражды минувших дней раздор кровавый,
Заставил литься мирных граждан кровь.

Из чресл враждебных, под звездой злосчастной,
Любовников чета произошла.
По совершенью их судьбы ужасной
Вражда отцов с их смертью умерла.

Весь ход любви их, смерти обреченной,
И ярый гнев их близких, что угас
Лишь после гибели четы влюбленной, –
Часа на два займут, быть может, вас.
Коль подарите нас своим вниманьем,
Изъяны все загладим мы стараньем.

Комментарии Е. Луценко выполнены к этому переводу: он позволяет максимально приблизиться к пониманию шекспировской фразеологии, идиом, шутки. Комментарии ценны пояснениями, важными для специалистов (петраркистский контекст, прежде всего), и обилием фактов, интересных для всех: в каких других шекспировских пьесах упомянута Верона, где впервые в европейской литературе звучал мотив вражды Монтеки и Капулетти (и трактовка причин вражды разными авторами и историками), значение слова «Romeo» в «Мире слов» (1598) Джона Флорио, продолжительность спектакля в елизаветинские времена, какие десерты венчали торжественную церемонию званого обеда/ужина, почему лондонцы любили финики и айву и проч.

Том «Гамлета» (составление, предисловие, комментарии Виталия Поплавского) открываешь с особым интересом: Поплавский исследовал переводы, сам переводил эту трагедию и ставил ее. Для «Гамлета» выбор переводов особенно обширен. Появилось много версий и в XXI веке, но В. Поплавский (как и все составители) предпочел не их. Вниманию читателя предложены переводы Андрея Кронеберга (1844), Петра Гнедича (1892), Бориса Пастернака (1940). Выбраны первоначальные редакции: они в наибольшей

степени выражают индивидуальный взгляд и наименее искажены редакторской правкой, которая могла быть и цензорской (и была таковой), и уступкой требованиям сценичности, – так что здесь немало поводов для последующих «ухудшений». Подчеркну, что и Е. Луценко, и В. Поплавский представили никогда не публиковавшиеся первые варианты пастернаковских переводов. Комментарии выполнены по переводу А. Кронеберга.

По-видимому, следующим этапом русского «Гамлета» должно стать разведение вариантов: Первого кварто – Q1 (1603), Второго кварто – Q2 (1604–1605) и Первого фолио – F1 (1623). Эти исходные тексты за последующие века изданий настолько обросли редакторской традицией, что усредненно-обобщенный канон стал привычным. В. Поплавский отмечает: «Каноническим текстом шекспировского Гамлета, с которого сделано большинство русских переводов, является сводная редакция Q2 и F1, объединяющая тексты обоих изданий» [4, с. 556]. Данный том вышел в 2014 году. С тех пор Андрей Корчевский предложил перевод, выполненный по Первому кварто. Претензии на конкуренцию с Кронебергом, Гнедичем, Пастернаком, думаю, бессмысленны, и выбор Поплавского закономерен, но в будущем исследователям и переводчикам следовало бы удалиться от соединения редакций.

Составителем тома «Отелло» и автором предисловия является Ирина Ершова. Ее выбор: Борис Пастернак, Михаил Лозинский, из более ранних – Петр Вейнберг. Некоторые шекспировские выражения стали крылатыми в русском языке именно в его исполнении, и среди них – «Она меня за муки полюбила, / А я ее – за состраданье к ним». В письме к М.Ф. Андреевой от 27 апреля 1919 года А. Блок отмечал, что в переводе «Отелло» «едва ли кто победит Вейнберга».

Наталья Шаталова составила комментарии к переводу Б. Пастернака. Отмечая наличие первой редакции перевода («Отелло – венецианский мавр» издан Гослитиздатом в 1945 году), она взяла позднейший вариант «Отелло» (ПСС «Искусство», 1959).

На мой взгляд, комментарии было бы удобнее составлять к любому другому переводу. Только на странице 562 мы видим: «Пастернак теряет четыре строки, которые сохранены в переводе М. Лозинского...»; «...не самый точный перевод...»; «...в переводе Лозинского, который точно следует оригиналу...»; «...перевод Лозинского точнее...», «...чего в оригинале нет». При опоре на М. Лозинского отпала бы необходимость посвящать большую часть комментариев исправлению непонятого, восстановлению сокращенного или пропущенного переводчиком. Хотя, нужно признать, и в таком варианте главные вещи проступают; так, комментарий к строке «О девочка с несчастною звездою!» гласит, что Лозинский использует «дословный перевод имени Дездемона – злозвездная» [7, с. 574]. Ранее уже отмечалось: «Дездемона – по-гречески “зловещая”, то есть женщина несчастной судьбы – единственное имя, которое Шекспир заимствовал у Чинтио» [7, с. 561].

При переиздании, мне представляется, следует исправить другой просчет: учесть не только последние англоязычные комментарии, но комментарии Г. Шпета. Многие трудности проговорены им четче и

правильнее, чем в данном варианте. Некоторые из случаев были для Шпета принципиальными. Т. Щедрина, подготовившая издание «Густав Шпет и шекспировский круг» (2013), в предисловии подчеркивает, что, «опираясь на свою концепцию “внутренней формы слова” как алгоритма языка, Шпет критически оценивает перевод Радловой фразы “the food that to him now is as luscious as locusts, shall be to him shortly as bitter as cologuintida” фразой “та, которая для него сейчас слаще меда, скоро будет ему горше желчи”» [11, с. 12]. В настоящем издании фраза Б. Пастернака «То, что теперь ему кажется сладким, как стручки, скоро станет горше хрена...» прокомментирована следующим образом: «некоторые комментаторы, вслед за известным британским лексикографом Ч.Т. Анионсом, считали, что “locusts” значит не “стручки”, а “леденцы”» [7, с. 566]. Г. Шпет в своем комментарии отмечал:

слаще меду – горше желчи, у Шекспира: слаще стручков – горше колоквинта (горький огурец, во времена Шекспира был известен в Англии как сильное пургативное средство); стручок (цареградский) или рожок – по-английски locust, что также значит «саранча»; с намеком на евангельское выражение (*Марк*, I, 6), которое Шекспир, вероятно, и имел в виду, можно было бы сказать: «слаще акрид» [11, с. 456–457].

Т. Щедрина обращала внимание, что «наиболее корректно, сохраняя фактуру слова, перевел этот отрывок М. Лозинский: “Кушанье, которое сейчас для него слаще акрид (Акриды – сладкие и сочные плоды рожкового дерева. – *Прим. М. Лозинского*), вскоре станет для него горше чертова яблока”» [12, с. 13].

Дело даже не в законном требовании Г. Шпета, «чтобы слово переводили как “исторический предмет”, а не передавали вольно его общий вневременной смысл» [12, с. 12–13]. Не в его «методологической стратегии, нацеленной на “историческую точность” перевода» [12, с. 13]. Хотя и в этом тоже. Осваивая «шпетовский подход к герменевтике, где точное (единственное) понимание смысла определяется контекстом» [12, с. 13], мы обретаем шанс двигаться вперед. Проходить мимо открытий – неблагодарное дело.

«Король Лир» (составление, предисловие, комментарии Ольги Половинкиной) представлен в переводах Александра Дружинина (1856), Михаила Кузмина, Бориса Пастернака. Все три перевода – «поэтические». Все три сопровождаются рефлексией авторов (Вступление к переводу А. Дружинина, «От переводчика» М. Кузмина, «Замечания к переводам из Шекспира» Б. Пастернака). О. Половинкина ведет разговор на уровне осмысления шекспировского языка. В чем, например, состоит разница подходов к разъяснению шекспировской мысли через развертывание образов? Б. Пастернак считал возможным вводить в перевод элементы разъяснения, М. Кузмин – нет. Простой пример, приводимый исследователем: просьба Лира «Pray undo this button». М. Кузмин: «Здесь отстегнуть прошу». Б. Пастернак: «Мне больно. Пуговицу расстегните...» [5, с. 28]. В «Замечаниях к переводам Шекспира» (1956) Пастернак отмечал,

что «дословная точность и соответствие формы не обеспечивают переводу истинной близости», этот эффект достигается иначе – «живостью и естественностью языка» [5, с. 28]. «Речь не только о звучании, но о внятности, воспринимаемости читательским сознанием», – подчеркивает исследователь [5, с. 28].

Читателю предложены наиболее близкие к английскому тексту редакции; переводы были выполнены по тексту «Кембриджского Шекспира», соединившему Первое quarto и Первое фолио. Перевод М. Кузмина дан по двуязычному изданию 1936 года. Из редакций перевода Б. Пастернака выбрана первая, опубликованная в 1949 году Гослитиздатом, – с оригинальными находками поэта. По свидетельству составителя тома, «the curled waters» (акт 4, сцена 1) Б. Пастернак сначала переводил словосочетанием «курчавая пена»: «Что ветер сбросил землю в океан / И затопил ее курчавой пеной». По мере редакторской и авторской работы «курчавая пена» уйдет, останется мрачная и великолепная картина без «вычур»: «Чтоб ветер сдунул землю в океан / Или обрушил океан на землю» [5, с. 29].

Во вступительной статье О. Половинкина показывает, что и Б. Пастернак, и М. Кузмин не боялись оскорбить величие классика своими «живыми или “подлыми” словами», по выражению Кузмина. К сожалению, их приходилось заменять общелитературными. Ругательное «dog-hearted» (акт 4, сцена 3) – «с собачьими сердцами» (А. Дружинин переводил «собачьесердые») из «остервенелых» превратилось в «бесчеловечные» («Бесчеловечным старшим дочерям»). С заменами такого рода уходили «энергия шекспировского слова» и «варварский» колорит пьесы [5, с. 30].

Отмечу, что русский «Макбет» в переводах Сергея Соловьева, Михаила Лозинского, Бориса Пастернака [6] – все та же эпоха расцвета переводческой деятельности в Советской России.

Перевод «Трагедии о Макбете», напечатанный в книге «Густав Шпет и шекспировский круг», обозначен двумя именами: «Перевод С.М. Соловьева и Г.Г. Шпета». Густав Шпет (1879–1937) взял за основу своей работы перевод Сергея Соловьева (1885–1942). Намереваясь отредактировать (первостепенной была забота об «исторической точности» эквиритмичного Шекспиру перевода), Г. Шпет фактически заново перевел трагедию. Перевод С. Соловьева, безусловно, интересен сам по себе, но с представлением Т. Щедриной варианта Шпета он стал интересным вдвойне.

Ни перевод С. Соловьева, ни перевод Г. Шпета на основе С. Соловьева не вошли в ПСС Шекспира С. Динамова и А. Смирнова (в 8 томах. М.: Academia; Гослитиздат, 1936–1950). Предпочтение было отдано переводу Анны Радловой. Г. Шпет, арестованный в ночь с 14 на 15 марта 1935 года, к тому времени уже был в ссылке.

Буквально с разницей в год «Макбета» перевели М. Лозинский и Б. Пастернак (1949 и 1950). Эта плотность перевода мастеров, разность их подходов позволяет видеть, как складывался образ «советского Шекспира».

Комментарий к «Королю Лиру» выполнен по переводу Б. Пастернака. Здесь мы имеем дело с работой исследователя с учетом всех достижений отечествен-

ной и англоязычной мысли. Пастернаковская строка «...этот замок / Похож на балаган и на кабак...», казалось бы, не вызывает недоверия, но в комментариях данного тома иная степень доскональности и точности соответствия оригиналу:

в оригинале речь Гонериллы звучит гораздо жестче: «Epicurism and lust / Make it more like a tavern or a brothel / Than a grac'd palace». – В подстрочном переводе: «Эпикурейство и похоть / Сделали его похожим на таверну или бордель, а не на благородный дворец» [5, с. 535].

О, я умру без жалоб, / Как юноша! – у Шекспира «I will die bravely, like a smug bridegroom» (в подстрочном переводе: «Я умру храбро, как элегантный жених»). Фраза имеет шутовской подтекст, ибо слово «to die» («умирать») в языке той эпохи использовалось в описании любовного акта [5, с. 542].

О. Половинкина с равной легкостью проясняет все сферы – библейскую, житейскую, охотничью и проч., называет вещи своими именами, например: «“Сидел на кочке Пилликок...” – фрагмент старинного стишка. “Пилликок” означает “фаллос”» [5, с. 538]. Даже Г. Шпет смягчал свой комментарий: «Пилликок – ласкательное выражение вроде любимчик (может иметь дополнительный непристойный смысл)» [11, с. 505]. Вспоминается М. Кузмин: «Не прибегать к смягчениям и замазываниям, хотя бы для современных ушей выражения казались грубыми и резкими!» [5, с. 30].

При переводе сонетов И. Шайтанов [2] продемонстрировал иную, чем у Маршака, поэзию Шекспира, так что начало казаться, что XXI век достиг момента, когда нас как читателей перестали, наконец, оберегать от Шекспира романтизированной версией, словно мы не выросли до двусмысленной или недвусмысленной откровенности поэзии сонетов. Обновит ли кто в XXI веке перевод трагедий? Учет ли кто, обладающий поэтическим даром, шекспировский литературный контекст? Шекспировский поэтический язык и строй мысли?

В 2014 году «Короля Лира» перевел Г. Кружков. О. Половинкина написала рецензию: «Серия “Литературные памятники” представила как будто бы принципиально новое издание трагедии Шекспира “Король Лир”» [1, с. 386]. «Как будто бы» является определяющим. Далее идет неопровержимая критика. Начатые в рецензии темы проговариваются предельно ясно в комментарии к данному тому. В рецензии мы читали:

Обыденный вид принимает странный диалог Лира и Шута из текста фолио. В переводе М. Кузмина: «Лир <...> Поужинаем поутру <...> Шут. А я в полдень усну». Реплика Шута тем более многозначительна, что после нее он исчезает из пьесы. У Кружкова: «Лир <...> А утром разбудите / Меня на ужин. Шут. Или на обед» [1, с. 388–389].

Здесь точки над «i» расставлены:

Мою бедняжку удавили! – это может быть понято как сказанное о Корделии. Со времен Джорджа Стивенса, издателя шекспировских текстов Q в XVIII веке, комментаторы поясняют, что словосо-

четание «poor fool» («And my poor fool is hang'd!») во времена Шекспира означало выражение нежности. Однако иногда слово «fool» понимают как относящееся к шуту и предполагают, что повешен и шут Лира [5, с. 542].

Комментарии О. Половинкиной подвели к остроумию как нельзя ближе. Зазвучит ли сложная поэзия драматурга на русском? Шеститомник, по моему, возделывает почву, благоприятную для произрастания качественно нового перевода.

Предисловие к «Ричарду III», написанное И. Шайтановым, включает в насыщенный вопросами шекспировский контекст. Этой хроникой «многое заканчивается и столь же многое начинается» [8, с. 5]. Что именно? Три части «Генриха VI» и «Ричард III» составляют первую тетралогия. Подозревал ли о существовании этого цикла сам Шекспир? Какая пьеса была написана первой? В каком порядке созданы части «Генриха VI»? Творил ли Шекспир один или в соавторстве? «Как подойти к текстам, не разрушая их единства, и к творчеству, не лишая его авторства»? [8, с. 6] Каким образом сюжет, взятый из национальной английской истории, обретает «достоинство исторического мифа на все времена»? [8, с. 26] Какова «русская транскрипция» восприятия Ричарда? [8, с. 25]

Рассмотрение многогранно: через знание истории, «тюдоровского мифа», сценических традиций моралите, современников Шекспира и новой традиции театра. Вдохновенный монолог сплетает воедино многочисленные нити, выводя нужную в центр обозрения, когда приходит ее черед. Динамична целостная картина, выразительны детали, например, «Дьявола узнают те, кто толпится в партере, Макиавелли – некоторые из тех, кто сидит в ложах» [8, с. 16].

Почему «Ричард III» включен в серию «Великих трагедий»? «Формально, относящаяся к жанру хроники, пьеса “Ричард III” с гораздо большим на то основанием, чем кровавый “Тит Андроник”, открывает еще один шекспировский жанр – трагедию» [8, с. 26].

Нарисованное Еленой Луценко полотно «Ромео и Джульетты» тоже живо, объемно, завораживающе, подобно объекту исследования – «самому пластическому и изящному» из всех произведений Шекспира [9, с. 5].

Излагая информацию, она умело пользуется аккордами: все ноты известны, но любопытна красота и мощь их сочетания. Так, зловещее проклятие Меркуцио в его предсмертной агонии «Чума на оба ваши дома!» восстанавливает свое изначальное звучание при включении свидетельства Дж. Боккаччо о том, как наступала смерть несчастных. Для нас эта реальность настолько отдалилась, что наложение фактов позволяет лучше ощутить чумной карантин, лишивший театры шекспировского времени шансов на существование, и чумной карантин в пьесе. При таком аккордном соединении известного, рассмотренного не на протяжении страниц, как было раньше, но в одном компактном абзаце, восприятие активизируется, обнажаются истоки мотивов, поворотов событий.

По ходу повествования делаются интересные ремарки, например о «болтовне трусливого Самсона,

отнюдь не обладающего мужеством своего тезки Самсона-Назоря...» [9, с. 8]. Пьеса размыкается с «включением» в анализ и этого – библейского плана, и видением в пьесе не только английских «примет», но своеобразной энциклопедии культуры и быта поздней елизаветинской эпохи.

Говоря об итальянских «приметах», автор предисловия не останавливается на упоминаниях Вероны и Веллифранки (так в итальянских источниках именовали родовое поместье Капулетти [9, с. 479]), но открывает пласты, для которых мало широты кругозора – нужен тонкий филологический слух. Итальянское начало присутствует в речи персонажей – язык Ф. Петрарки зазвучал по-английски. В этой «прививке трагедии языка сонета», «освобождении ее от тяжеловесной риторики» (см. ссылку на И. Шайтанова [9, с. 7]) заключался колоссальный шаг вперед.

Исторический обзор постановок трагедии вместили памятные страницы. Здесь и Уильям Кемп в роли Петра в театре «Куртина», и Ричард Бербедаж, предположительно исполнявший роль Ромео. «Джульетту, скорее всего, играл мальчик-актер Роберт-Гофф, занятый во многих шекспировских спектаклях» [9, с. 18]. Пьеса выдерживает все: и искажения самого разного рода (У. Давенанта, Дж. Говарда, Т. Отвея, Т. Сиббера; Отвей, например, оставил 750 строк Шекспира, изменив все, вплоть до названия – «История и падение “Кая Мария”»), и бесконечную разность интерпретаций, и возрастную беспредель (Ирвинг играл Ромео в 44 года).

Составителю тома «Гамлета» хочется пожелать выхода иллюстрированной книги, посвященной театральной и переводческой истории пьесы. Виталий Поплавский проследил обусловленное пьесой преломление вечного во времени, прежде всего – в России XX века. Принц датский в исполнении В. Качалова (1911) напоминал чеховского интеллигента, все понимающего и – склонного смириться с неизбежностью [4, с. 15]. Герою М. Чехова (1924), «явившегося свидетелем двух революций и гражданской войны, не надо было симулировать сумасшествие – его сознание реально раздваивалось» [4, с. 15]. Гамлету А. Горюнова (1932) хотелось вернуть себе престол, и ради этого он плел интриги против Клавдия [4, с. 18]. А. Дудников наделял Гамлета чертами «среднестатистического» советского человека – скрытностью, трезвостью в понимании происходившего, озлобленностью [4, с. 18]. Герой Е. Самойлова (1954), оптимист, «здоровое дитя социалистического реализма, вопреки сюжету трагедии внушал веру в то, что отдельный человек способен противостоять тоталитарной системе» [4, с. 20]. Почти 60-летний М. Астангов (1957) «сыграл последнего романтического Гамлета московской сцены», для которого собственные переживания были важнее поиска выхода из создавшейся ситуации [4, с. 20]. Гамлет В. Рецептера, В. Высоцкого, М. Козакова... Не поставленный «Гамлет» Вс. Мейерхольда, не выпущенный – В. Немировича-Данченко, снятый с репертуара – А. Тарковского...

У В. Поплавского ценно видение театрала. Говоря об интерпретациях «Гамлета», он напомнит, например, о Э.Дж. Уолдоке, отмечавшем, что стремление анализировать пьесу, «задаваясь мыслью о бездейст-

вии Гамлета – результат чтения текста, поскольку у театральных зрителей эта мысль просто не успевает возникнуть» [4, с. 7].

Ирина Ершова отталкивается от закономерных для «Отелло» вопросов. Сюжет, взятый из «Ста сказаний» Джиральди Чинтио (1563), не усложнен, а скорее упрощен. Как едва ли не самая простая в сюжетном отношении пьеса становится едва ли не самой загадочной? Как и почему пьеса выведена за границы «жанров семейной трагедии, трагедии ревности, фарса об обманутом муже и морального примера» [7, с. 13] и превращена в трагедию человеческой личности? В чем заключается глубинный конфликт пьесы? Каким образом Шекспир добивается драматического совершенства трагедии?

Проследивая сценическую историю «Отелло», И. Ершова выделяет своего рода полюса сценических образов. Отелло – человек бурных, безудержных страстей (таким его играли Эдмунд Кин, Томмазо Сальвини, Айра Олдридж, Поль Робсон) и – герой, терзаемый болью и сомнениями разочарованного сердца (Томас Беттертон, Чарлз Кэмбл, Сэмюэл Фэлпс). Яго – «почти буффонный злодей с ухмылками и ужимками (Э. Кин) и – чрезмерно мягкий, красивый, изысканный, добродушный юноша с обманчивой внешностью, что лишь усиливало его коварство» [7, с. 16]. Исполнительницы роли Дездемоны тоже могли проявлять как пылкость (Сара Сиддонс), так и сентиментальность и пассивность.

Российская сценическая история не проста. В. Белинский сетовал на то, что «Отелло» «как-то особенно не счастливы на Руси» [7, с. 20]. А. Блок в «Тайном смысле трагедии “Отелло”» (1919) отмечал, что только «обнаружив тайный, скрытый в трагедии Шекспира смысл, мы достигнем того очищения, того катарсиса, который требуется от трагедии; тогда поновому прозвучит нам заключительное слово о “грустном событии”. Ужас озарится улыбкой грусти, как хотел этого Шекспир» [7, с. 20]. И. Ершова блестяще раскрывает «тайный смысл», обнажает причины неудач постановок, показывает, как то, что не удалось постигнуть театру, восприняла русская классическая литература.

Мотивы сокращения текста для сцены автор оценивает как колеблющиеся от политических до жанровых. Хочется продолжения этой темы, а также интересно намеченной темы трагедии в опере (Байрон об опере Россини: «Они распяли его в опере...» [7, с. 16]) и в кино (более сорока экранизаций в XX веке).

Ольга Половинкина представила новейшее рассмотрение «Короля Лира» – «причудливо жестокой пьесы, в которой нет места ни привычным мотивациям поступков, ни выверенной сюжетной динамике» [5, с. 5]. Чем обусловлен вкус к необычному, причудливому, поражающему воображение? Как в разные эпохи прочитывают «яростный спор» (Дж. Китс) Лира с миропорядком? Как видятся герои второй сюжетной линии Эдмунд и Эдгар? Какими мотивами объединяются эти две истории? Как по-разному интерпретируют образ Корделии? О чем говорит финальная реплика пьесы: «Speak what we feel, not what we ought to say» (в переводе Л. Толстого: «Мы должны повиноваться тяжести печального времени / И высказать то,

что мы чувствуем, а не то, что должны сказать...»)? [5, с. 14] Сценична ли пьеса? Как ее играли в «Глобусе»? Кто, когда и почему устранил печальный финал? Как произошла подмена и почему сентиментальная переделка вытеснила трагедию со сцены больше, чем на полтора века? Как долго и кто восстанавливал на сцене шекспировский текст? Каковы направления дальнейших сокращений и адаптаций пьесы для сцены и экрана? Каковы сегодняшние интерпретации? Каким образом трагедия, сохраняя значение живого драматургического материала, провоцирует поиск в области театрального языка? [5, с. 33]

При чтении и комментариев, и предисловий единственное, о чем жалеешь, – что их объем ограничен.

* * *

На мой взгляд, шеститомник – одно из ярких литературных шекспировских достижений последних лет, наряду с «Шекспиром» И. Шайтанова в серии «ЖЗЛ» [3], шекспировской энциклопедией [10], участь которой оказалась странной (с любовью подготовленная, она издана столь малым тиражом и так дорого, что даже составители авторского экземпляра не получили), переводами сонетов и комментарием к ним И. Шайтанова [2].

Введение хотя бы одного нового элемента в систему меняет ее конфигурацию. Здесь мы имеем дело с массивным качественным обновлением – биографии Шекспира, энциклопедических шекспировских представлений, прочтений русских великих пьес, русских сонетов. Изменяются и жанровые стратегии: как сегодня писать шекспировскую биографию; читать, интерпретировать, переводить пьесы и сонеты (ясность подхода очевидна уже в заглавиях: «Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием», «Перевод как интерпретация»).

Кажется то поразительным, то закономерным, что двигателем обновления является один человек. То, что успевает, И.О. Шайтанов блестяще делает сам. Где нужно, вовлекает других. Самим фактом своего вдохновенного существования он определяет уровень работы.

Шекспировской энциклопедии хочется пожелать дойти до читателей, которые давно ждут. Шеститомнику – быть прочитанным.

Литература

1. Половинкина О. У. Шекспир. Король Лир: Кварто 1608, Фолио 1623 / О. Половинкина // Вопросы литературы. – 2015. – № 3. – С. 386–389.
2. Шайтанов, И. Комментарий к переводам, или Перевод с комментарием / И. Шайтанов // Иностранная литература. – 2014. – № 9. – С. 264–278; Шайтанов, И. Перевод как интерпретация. Шекспировские «сонеты 1603 года» / И. Шайтанов // Иностранная литература. – 2016. – № 5. – С. 187–199.
3. Шайтанов, И. Шекспир / И. Шайтанов. – Москва: Молодая гвардия, 2013. – 474 с.
4. Шекспир, У. Гамлет: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайтанова; [пер. с англ. А. Кронеберга, П. Гнедича, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. В. Поплавского]. – Москва: ПРОЗАИК, 2014. – 591 с.
5. Шекспир, У. Король Лир: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайтанова;

[пер. с англ. А. Дружинина, М. Кузмина, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. О. Половинкиной]. – Москва: ПРОЗАиК, 2014. – 543 с.

6. Шекспир, У. Макбет: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайтанова; [пер. с англ. С. Соловьева, М. Лозинского, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Л. Егоровой]. – Москва: ПРОЗАиК, 2015. – 431 с.

7. Шекспир, У. Отелло: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайтанова; [пер. с англ. П. Вейнберга, Б. Пастернака, М. Лозинского; сост., предисл. И. Ершовой; коммент. Н. Шаталовой]. – Москва: ПРОЗАиК, 2014. – 575 с.

8. Шекспир, У. Ричард III: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайтанова; [пер. с англ. А. Дружинина, М. Донского, В. Кюхельбекера; сост., предисл., коммент. И. Шайтанова]. – Москва: ПРОЗАиК, 2015. – 559 с.

9. Шекспир, У. Ромео и Джульетта: великие трагедии в русских переводах / У. Шекспир; под общ. ред. И. Шайта-

нова; [пер. с англ. А. Григорьева, Т. Щепкиной-Куперник, Б. Пастернака; сост., предисл., коммент. Е. Луценко]. – Москва: ПРОЗАиК, 2016. – 495 с.

10. Шекспир, У.: энциклопедия // сост. и науч. ред. И.О. Шайтанов. – Москва: Просвещение, 2015. – 640 с.

11. Шпет, Г.Г. Примечания к «Отелло» // Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Г.Г. Шпет; отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – С. 453–464.

12. Щедрина, Т.Г. Густав Шпет и шекспировский круг // Густав Шпет и шекспировский круг. Письма, документы, переводы / Т.Г. Щедрина; отв. ред.-сост., предисловие, комментарии, археогр. работа и реконструкция Т.Г. Щедрина. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, 2013. – С. 5–21.

13. Сумароков, А. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе. – Москва, 1782. – Ч. 10. – С. 117.

14. Блок, А. Собрание сочинение: в 8 т. – Москва, 1963. – Т. 8. – С. 521.

L.V. Yegorova

GREAT TRAGEDIES IN RUSSIAN TRANSLATIONS

In 2014 and 2016 Great Britain and the rest of the world celebrated the 450th and 400th birth and death anniversaries of William Shakespeare with a series of events and new publications. A six-volume collection of Shakespeare's great tragedies in Russian translation (*Richard III*, *Romeo and Juliet*, *Hamlet*, *Othello*, *King Lear*, *Macbeth*; each masterpiece put into three translations) is given consideration in this review.

Great tragedies in Russian translations, W. Shakespeare, I. Shaitanov.

УДК 821.161.1

Ю.В. Розанов

Вологодский государственный университет

«ЛИК ТВОРЧЕСТВА» ПИСАТЕЛЯ А.М. РЕМИЗОВА

В статье рассматривается история создания двух портретов писателя А.М. Ремизова – графического, выполненного художницей М.В. Волошиной-Сабашниковой, и литературного, входящего в знаменитый цикл М.А. Волошина «Лики творчества». Смысловая и композиционная тождественность обоих портретов позволяет говорить о некоем едином «лике творчества» Ремизова, созданном супругами Волошиными, что соответствует идеям «младших символистов» о синтезе искусств и коллективном («соборном») творчестве.

Портрет, символизм, салон Вяч. Иванова, стилизация, коллективное творчество, синтез искусств.

Некоторая необычность (если не сказать, странность) внешних обликов известных писателей-модернистов Серебряного века отмечалась многими мемуаристами. «В академической среде, как и среди писателей-реалистов, – с удивлением писал Ф.А. Степун, – ничего подобного нет: все люди как люди. Если же посадить за один стол Бердяева, Вячеслава Иванова, Белого, Эллиса, Волошина, Ремизова и Кузмина, то получится нечто среднее между Олимпом и Кунст-

камерой» [20, с. 290]. Философ взглянул здесь на своих современников глазами художника. Подмеченная Степуном полярность «олимпийцев» и «уродцев», быть может, и была основной причиной, помешавшей создать удачный коллективный портрет лидеров «новой литературы», хотя такие попытки предпринимались неоднократно. Об одной из них, относящейся к концу 1900-х годов, вспоминал А.М. Ремизов: «Я узнал, что Бакст затевает написать группу поэтов и на

первом месте, за Вяч. Ивановым, Блоком и Кузминым, значился Петруша Потемкин, а уж за Потемкиным Гумилев. Правда, затея Бакста не осуществилась. В группу включили меня, потом вычеркнули, тогда Блок отказался участвовать, – а какая же группа поэтов без Блока? – так и расстроилось» [18, с. 215].

Задачей данной работы является воссоздание историко-литературного контекста произведения изобразительного искусства – портрета писателя Алексея Ремизова, созданного Маргаритой Сабашниковой. Рисунок датирован нами январем 1907 года, он выполнен на картоне размером 51х41 см соусом и итальянским карандашом. Работа хранится в Музее Института русской литературы (Пушкинского Дома), куда поступила в 1935 году от известного художественного критика и коллекционера Э.Ф. Голлербаха.

Маргарита Васильевна Сабашникова (1882–1973) является хотя и второстепенной, но в то же время яркой личностью своей выдающейся эпохи. В «жестокый мир русского декаданса» она пришла из патриархального уюта культурной московской купеческой семьи. Ее отец приходился двоюродным братом известных книгоиздателей Михаила и Сергея Сабашниковых. Близко знавшая Сабашникову писательница Е.К. Герцык вспоминала: «Еще девочкой-гимназисткой мучилась смыслом жизни, тосковала о Боге, как и мы чужда пошиба декадентских кружков, наперекор модным хитонам ходила чуть что не в английских блузках с высоким воротничком. И все же я не запомню другой современницы своей, в которой бы так полно выразилась и утонченность старой расы, и отрыв от всякого быта, и томление по необычайно-прекрасному. На этом-то узле и цветет цветок декаденства» [8, с. 73–74]. Девушка училась живописи у И.Е. Репина и В.А. Серова, брала, как полагается, уроки в Париже; идеалом художника для нее был М.А. Врубель – художник, стремившийся «иллюзионировать душу, будить ее от мелочей будничного величавыми образами» [22, с. 73]. Зависимость от творчества Врубеля отчетливо ощущается в ранних работах художницы. Сабашникова участвует в ряде знаменитых выставок начала века, в том числе и в выставке группы «Мир искусства». Она близка и к литературному миру – не только писала портреты Вяч. Иванова, Л.Д. Зиновьевой-Аннибал, В.Я. Брюсова, М.А. Кузмина, К.Д. Бальмонта и известной в те годы детской писательницы Н.И. Манасеиной, но и сама сочиняла стихи. В апреле 1906 года Маргарита вышла замуж за поэта и художника М.А. Волошина, с которым познакомилась в Париже. Это еще теснее связало ее судьбу с элитой русского символизма. В октябре того же года молодые супруги переехали из Франции в Петербург и поселились в доме на углу Таврической и Тверской улиц, где находилась знаменитая уже в те годы Башня – квартира Вяч. Иванова, бывшая центром «нового искусства». Здесь же располагалась частная художественная мастерская, в обиходе называемая «Школой Бакста и Добужинского». В ней Сабашникова продолжила свое профессиональное образование.

В конце 1900-х годов религиозно-мистические настроения, свойственные Сабашниковой и ранее, безраздельно завладели всем ее существом. Она становится убежденной и преданной ученицей известно-

го антропософа доктора Р. Штейнера. Впрочем, Андрей Белый, сам серьезно увлекавшийся антропософской мистикой, в письме к А. Блоку уверял, что Сабашникова, в отличие от других русских адептов модного вероучения, «не слепо» следует за Штейнером [1, с. 454]. Много времени она проводит в Швейцарии, где участвует в коллективном строительстве и художественном оформлении Гётеанума – антропософского храма в местечке Дорнах.

Алексей Ремизов

После революции Маргарита Васильевна работала секретарем в отделе живописи Пролеткульта, а также в Театральном отделе Наркомпроса, но советская действительность была ей бесконечно чужда и неинтересна, особенно после того, как правительство Ленина запретило в стране деятельность антропософских организаций. В 1922 году под предлогом лечения легких Сабашникова уехала из Советской России, жила в Германии и Швейцарии, занимаясь, главным образом, работой в антропософских структурах. Во время Второй мировой войны она написала на немецком языке книгу воспоминаний «Die grüne Schlange» («Зеленая змея»), которая впервые была напечатана в Штутгарте в 1954 году. Е.К. Герцык в уже цитированных воспоминаниях ставит вопрос, почему Сабашникова при ее несомненных художественных дарованиях все же не стала большим художником, и сама отвечает на него: «...она стремилась сперва решить все томившие вопросы духа, и решала их мыслью, а не орудием мастерства, не кистью» [8, с. 75]. Словом, перед нами тот далеко не столь уникальный случай, когда напряженные духовные искания, желание найти немедленные ответы на «вечные» вопросы не только не стимулируют художественное творчество, но и подавляют искусство.

Вернемся к событиям 1906–1907 годов. Восходящими звездами на литературном небосклоне в то время считались три писателя – С.М. Городецкий, М.А. Кузмин и А.М. Ремизов. Для супругов Волошиных, давно не бывавших в столице, такие перемены в литературных вкусах и соответственно в иерархии писателей были удивительны. «Если бы Вы знали, – писал Волошин А.М. Петровой, – как захватывающе интересна сейчас литературная жизнь в России – те, которые еще не дошли до публики: например Кузьмин <так!>, Городецкий, Ремизов» [16, с. 187]. Волошин и его жена, стремясь наверстать упущенное, довольно скоро знакомятся с «новыми» авторами. Факт знакомства с Ремизовым Маргарита Васильевна, судя по ее воспоминаниям, включает в перечень своих идейных и художественных «исканий». Она пишет: «В первые же дни нашего приезда мы побывали у Алексея Ремизова и его жены. Тогда он начинал писать в том придуманном им стиле, используя русский народный язык во всей его красочности, присущей ему мелодике и ритме. <...> Для меня, искавшей русский стиль, первые его прозаические сочинения явились откровением» [16, с. 150]. Тогда же у Сабашниковой возникло желание сделать портреты «новых писателей». 17 декабря 1906 года она писала мужу из Мустамяки, где проходила курс лечения: «Я так люблю Городецкого, Кузм<ина>, Ивановых, Ремизовых. Я иногда закрываю глаза и представляю себе их всех» [5, с. 199]. В письме, написанном на другой день, мечты художницы идут еще дальше: «Хорошо было бы Тебе издать книжечку, в кот<орой> были бы 7 портретов. Вяч<еслав> Ив<анов>, Кузмин, Городецкий, Брюсов, Бальмонт, Ремизов и, м<ожет> б<ыть>, Блок или Белый. Ты бы написал очерки, привел лучшие стихи, и портреты можно воспроизвести. Вяч<еслава> Ив<анова> – Сомова, Бальм<онта> – Серова, Кузм<ина> – Сомова, моего будущего Город<ецкого>. Белого – Бакста... моего Ремизова. Мне кажется, что это была бы ценная книжечка. В ней есть необходимость, и в переводе для немцев и французов она имела бы значение. Сделай это» [5, с. 204–205]. Отметим, что проект молодой художницы соответствует идеям группы Вяч. Иванова о синтезе искусств и «соборном» (коллективном) творчестве. Для нашей темы здесь важно то, что Сабашникова прямо связывает портреты писателей с текстами Волошина. Вскоре список портретируемых писателей уточнился – Городецкий решительно отказался позировать. Автора «Яри» уже тяготила слишком близкая связь с четой Ивановых, а замысел Сабашниковой подчеркивал интимную сторону их отношений. 6 февраля 1907 года художница писала А.Р. Минцловой, посвященной во все тайны «Башни»: «Буду писать для Вяч<еслава> Ив<анова> Городецкого. Мы придумали изобразить его обнаженным с цевницей. “Так заказывают надгробный памятник”, – сказал мне Вяч<еслав> Ив<анов>» [5, с. 205].

Кузмин и Ремизов были тесно связаны с литературно-художественным журналом «Золотое руно» и его издателем Н.П. Рябушинским. Молодая и подающая большие надежды художница получает в январе 1907 года заказ от издателя журнала на портреты этих писателей [12, с. 310]. Заказ объясняется тем,

что Кузмин и Ремизов стали победителями (разделили первую премию) в конкурсе «Золотого руно» на тему «Дьявол» по разделу прозы. (За стихи первая премия не была присуждена.) Ремизов был премирован за «неореалистический» рассказ «Чертик», Кузмин – за изящно стилизованный под европейский демонизм XVIII века рассказ «Из писем девицы Клары Вальмон к Розалии Тютельмейер».

Сабашникова с удовольствием приняла выгодное предложение еще и потому, что уже с осени 1906 года размышляла над портретом Ремизова. Теперь дело пошло быстрее, и к началу февраля портрет был закончен. Вскоре был готов и портрет Кузмина. В мемуарах Сабашниковой это отражено следующим образом: «Художественный журнал заказал мне портреты Ремизова и Кузмина. Я рисовала их углем, Ремизова – закутанного в свой платок, с чертенятами, висящими на стене, на заднем плане, в натуралистически гротескной манере, Кузмина – стилизованного под изображение мумии. Оба рисунка в натуральную величину получились хорошо...» [6, с. 159–160].

Хотя портрет Кузмина и фотографии с него, по всей видимости, не сохранились, стоит отметить, что сама идея стилизации образа поэта под фаюмский портрет (именно так следует понимать слова «изображение мумии») представляется оправданной во многих отношениях. Кузмин был знатоком египетской культуры, в юности посещал эту страну, египетские мотивы присутствуют в самых известных на то время его текстах («Александрийские песни», «Приключения Эмме Лебефа», все – 1906 г.). Он сам практиковал стилизацию своей внешности, в том числе и с помощью косметики. Позднее Кузмин с большой долей иронии описал свой облик образца 1906 года: «Небольшая выдающаяся борода, стриженные под скобку волосы, красные сапоги с серебряными подковами, парчовые рубашки, армяки из тонкого сукна в соединении с духами (от меня пахло как от плащаницы), румянами, подведенными глазами, обилие колец с камнями... <...> Я удивляюсь и благодарен мирискусникам, которые за этими *мощами* (курсив наш. – Ю. Р.) разглядели живого и нужного им человека» [13, с. 72].

В мемуарах Сабашниковой отсутствует окончание истории с портретами Ремизова и Кузмина, весьма для нее неприятное. В «Зеленой змее» один из этих рисунков в последний раз упомянут в почти пасторальном контексте стилизованной любовной игры между «Сатиром» (Ивановым) и «Наивной пастушкой» (Сабашниковой): «...Вячеслав Иванов слишком носился с ними [портретами], показывал их, когда они еще не были окончены и говорил громкие слова, так что мне это надоело, и я почти силой отняла у него один рисунок; притворившись рассерженной, я убежала в свою мансарду, чтобы спрятать его; он последовал за мной, схватил меня за руку и, глубоко взволнованный, умолял: «Прошу Вас, будьте добры ко мне, не оставляйте меня!» [6, с. 160]. Так или иначе, но портреты увидели многие посетители Башни, в том числе и К.А. Сомов. Кузмин, который тоже жил в это время в обширной квартире Ивановых, зафиксировал этот факт в дневнике 11 февраля: «Вышел только к Ивановым... Там вышла трагедия с Сомовым, который разбил портрет Ремизова. Были Ремизовы»

[12, с. 320]. Недовольство Сомова именно ремизовским портретом в какой-то степени объясняется и тем, что он был автором стилизованного («в стиле персидских многоцветных миниатюр» [11, с. 286]) портрета Кузмина, своего друга по интимному обществу «Друзья Гафиза». Близкие отношения, сложившиеся в это время между Кузминым и Сомовым, были в их кругу секретом полишинеля, поэтому для него портрет Кузмина работы другого художника был вне критики.

В конце зимы 1907 года Волошин отвез оба рисунка в Москву. Рябушинский, возможно под влиянием отрицательного отзыва Сомова, отказывается выкупать заказанные портреты и соответственно печатать их в своем журнале. 1 марта Волошин записывает в дневник свой разговор с издателем «Золотого руна»: «Потом был у Рябушинского: “Знаете, эти портреты меня не удовлетворяют художественно. Они совсем не подходят к моей коллекции. В них нет красок. В них я совсем не вижу красок. Это только внешнее сходство”. Чувствуя страшное оскорбление и гнев, я ответил, что я тут являюсь только посыльным и не считаю себя вправе высказывать свое мнение, хотя имею вполне определенное мнение и о достоинстве картин, и об его поступке. <...> Милиоти и Таставен (члены редакции журнала. – Ю. Р.), которые накануне очень восхищались портретами, хранили молчание» [2, с. 156]. В этом диалоге есть, по крайней мере, две странности. Во-первых, заказчик отвергает работы по причине их недостаточной «красочности». Это позволяет предположить, что заказ носил самый общий характер, техника исполнения и материал не оговаривались. Видимо, произошло недоразумение, и Рябушинский хотел совсем другого. Вскоре он «перезаказал» портрет Ремизова Б. Кустодиеву. Портрет работы Кустодиева был напечатан в «Золотом руне» осенью 1907 года (№ 7–8–9). Во-вторых, выглядит необычной та нервозность и даже агрессивность, с которой ведет эту, в общем-то, вполне деловую беседу Волошин. (Далее в дневнике сообщалось, что Рябушинский просто выбежал из комнаты, прервав разговор.) Это объясняется личными обстоятельствами Волошина – как раз в эти дни он мучительно переживал увлечение своей жены Вяч. Ивановым.

Но была и еще одна причина болезненной реакции Волошина на отказ Рябушинского выкупить портреты. Писатель являлся фактически соавтором портретиста, по крайней мере, идеологическая основа портрета Ремизова принадлежала ему. В декабре 1906 года Волошин начинает печатать в петербургской либеральной газете «Русь» критические этюды о современной литературе под общим титулом «Лики творчества», важнейшей композиционной и смысловой частью которых становятся портреты писателей, т.е. вербальные описания их внешности. Общая конструкция большинства этих очерков такова, что именно портрет становился своеобразным ключом для понимания эстетики писателя или, по крайней мере, выразительно намекает на вполне определенное прочтение его текстов. Словесные портреты Волошина экспрессивны, выразительны, порою гротескны. О В.Я. Брюсове он, например, пишет: «Лицо очень бледно, с неправильными убегающими кривизнами и

окружностями овала. Лоб скруглен по-кошачьи. Больше всего останавливали внимание глаза, точно нарисованные черной краской на этом гладком лице и обведенные ровной непрерывной каймой, как у деревянной куклы» [3, с. 307]. Во втором очерке о лидере московского символизма Волошин развивает кошачью тему: «Лоб Валерия Брюсова гладкий, стремительный – хищный лоб египетской кошки» [3, с. 427]. В восприятии читателя акцентированные критиком детали становятся некими символами, знаками брюсовской поэзии: демонизм, кошачья агрессивность и коварство, кукольно-деревянное строение образа...

Вот портрет Ремизова из статьи Волошина о «Посолони»: «Сам Ремизов напоминает своей наружностью какого-то стихийного духа, сказочное существо, выползшее на свет из темной щели. Наружностью он похож на тех чертей, которые неожиданно выскакивают из игрушечных коробочек, приводя в ужас маленьких детей. Нос, брови, волосы – все одним взмахом поднялось вверх и стало дыбом. Он по самые уши закутан в дырявом вязаном платке. Маленькая сутуловатая фигура, бледное лицо, выставленное из старого коричневого платка, круглые близорукие глаза, темные, точно дырки, брови вразлет и маленькая складка, мучительно дрожащая над левой бровью, острая бородка по-мефистофельски, заканчивающая это круглое грустное лицо, огромный трагический лоб и волосы, поднимающиеся дыбом с затылка...» [3, с. 509]. Все это мы видим и на портрете Сабашниковой. Абсолютно совпадают даже задние планы словесного и графического портретов. Волошин описывает Ремизова в интерьере его кабинета, где «на желтых кожаных переплетах старопечатных книг сидят две белки-мохнатки... Около чернильницы стоит глиняная курица с глупым и растерянным лицом... На картонке сидит Зайчик Иваныч... “А вот это Наташин медведь – Наташа-то уехала, он и голову опустил...” Детские игрушки – это древнейшие боги человечества» [3, с. 510]. На фоне игрушек изобразила Ремизова и Сабашникова.

Интересно выяснить истоки такого пристального внимания Волошина к внешности писателей. Даже среди блистательных интеллектуалов Серебряного века современники выделяли его как очень начитанного и знающего человека, прекрасно знакомого со многими научными и религиозно-мистическими доктринами. При этом отмечалась и специфика волошинских знаний. Е.К. Герцык писала, что «он жадно глотал все самое несовместимое, насыщая свою эстетическую прозорливость, не ища синтеза и смысла» [8, с. 75]. Писатель прекрасно знал эту свою особенность и то ли в шутку, то ли всерьез называл себя «коробейником идей». Нашлось в волошинском «коробе» и место для старой теории, связывающей внешние особенности лица и головы человека с его психикой. Автором этой идеи был немецкий врач Франц Иосиф Галль (1758–1828), создавший особую науку – френологию. Галль и его ученики чертили «френологические карты»: на голове человека обрисовывались бугры и впадины, свидетельствовавшие, например, о скупости, храбрости или честолюбии. Выделялись также бугры поэзии, музыки и живописи. Итальянский психиатр и криминалист Чезаре Ломброзо

(1836–1909) существенно расширил это учение. Он не только создал скандально известную теорию «врожденных преступников», но и построил смелую параллель между гениальностью и психическими аномалиями. В эпоху модернизма внимание к этим идеям привлек немецкий критик Макс Нордау (1849–1925) своей шумевшей книгой «Вырождение». О том, что Волошин активно воспринял идеи Галля и Ломброзо, красноречиво свидетельствует эпизод, описанный М.И. Цветаевой в мемуарной статье «Живое о живом» (1932). Напомним его суть. Волошин напечатал рецензию на первую книгу поэтессы «Вечерний альбом» и по этому поводу пришел к ней домой знакомиться. Прежде всего, он снял с девушки чепец (гимназистка Цветаева в те годы брила голову), а потом и очки, чтобы внимательно рассмотреть форму черепа и лицо. Марина Ивановна приводит слова Волошина: «И неужели никто никогда не полюбостыдствовал узнать, какая у вас голова? Голова, ведь это – у поэта – главное!» [21, с. 447]

Волошин был не только поэтом, художником, литературным критиком, но и художественным критиком. Работая в этой сфере, он особо выделял тех художников-портретистов, которые «разоблачали» психологическую сущность своих моделей. Об этом свидетельствует, например, его отчет о выставке в Лувре французских примитивистов XIII–XV веков (Жана Мануэля, Жана Фуке, Никола Фромантена, Франсуа Клуэ), напечатанный в «Весах» [4, с. 33–39]. В дополнение к своей «френологии» Волошин, похоже, придавал очень серьезное значение вещам, сопутствующим человеку. Это мы видели в детальном описании ремизовской коллекции игрушек, частично воспроизведенной Сабашниковой. Аналог этого имеется и в воспоминаниях Цветаевой. После того как гость изучил ее череп, он потребовал провести себя в девичью спальню. Марина, судя по тексту, не поняла, для чего Волошину потребовалось рассматривать ее голову (френологию нельзя причислить к широко распространенным заблуждениям), но что ему было нужно в ее комнате, она поняла сразу. Почти четверть века спустя Цветаева даже с некоторой гордостью описала то, что увидел взрослый ценитель ее стихов: «Провожу. Комната с каюту, по красному полу золотые звезды (мой выбор обоев: хотелось с наполеоновскими пчелами, но так как в Москве таковых не оказалось, примирилась на звездах) – звездах, к счастью, почти сплошь скрытых портретами Отца и Сына – Жерара, Давида, Гро, Лавренса, Мейссонье, Верещагина – вплоть до киота, в котором Богоматерь заставлена Наполеоном, глядящим на горящую Москву. Узенький диван, к которому вплотную письменный стол. И всё» [21, с. 449]. (Портреты Отца и Сына – это, конечно, портреты Наполеона I и Наполеона II.)

Для эпохи модернизма характерно особое внимание к «невещественному» в вещи, стремление увидеть в ней нечто духовное, знаковое, символическое. Основной девиз символизма «от реального к реальному» (где «реальное» – это вещи) можно понимать и в таком смысле: сквозь мир вещей проступает, просвечивает, выявляется мир сущностей, «реальнее». Особенно, если эти вещи выбраны *поэтом*. Волошину, как кажется, было свойственно именно такое понимание. Подобных вещей-символов и искал Во-

лошин в спальне Цветаевой. Но в этом смысле комната юной поэтессы должна была разочаровать его. Девический максимализм слишком грубо и откровенно отразил лишь культ Бонапарта, что мудрый Волошин понял буквально с порога. Он под шутивным предложением уклонился от детального осмотра комнаты и реликвий хозяйки.

Параллельно с символизацией вещи в русской литературе Серебряного века возникает тема сострадания к вещам, их одушевление, наделение вещей человеческими свойствами. Началось это, видимо, с И. Анненского, который писал: «Не за Бога в раздумье на камне, / Мне за камень, им найденный больно». «Одушевленная вещь» стала объектом поэтической рефлексии целого литературного течения – акмеизма. Человек, по мысли О.Э. Мандельштама, сознательно стремится окружить себя «утварью» вместо безразличных предметов», превратить эти предметы в утварь, и тем самым согреть мир «тончайшим телеологическим теплом» [15, с. 64]. Слово «утварь» в этой цитате выделено Мандельштамом, очевидно, для усиления своей мысли историко-лингвистическим аргументом: «утварь» происходит от слова «тварь», которое означает «творение, божеское создание, живое существо, от червячка до человека» [10, с. 395]. Ремизов также считал, что вещи одушевлены и, конечно, способны страдать. Это убеждение было одной из основ мифопоэтики писателя, который допускал сближение мира вещей и мира духов. «Вещи, как люди и звери, привязчивы. <...> А не воплощаются ли в вещах духи – не кровью, а чем-то еще одушевленные, как люди и звери» [18, с. 379]. Особенно это касалось игрушек из ремизовского реликвария, описанных Волошиным и частично изображенных на заднем плане портрета.

Сам Ремизов был, очевидно, вполне удовлетворен работой Сабашниковой. Писатель выбрал именно этот портрет для первого тома своего собрания сочинений, начатого издательством «Шиповник» и продолженного издательством «Сирин». Оттиск с него в 1913 году Ремизов послал профессору С.А. Венгерову для готовившегося биографического «Словаря русских писателей» [9, с. 446]. Правда, уже через два месяца отношения между Волошиными и Ремизовыми серьезно испортились, и определенную роль в этом сыграл портрет. Художница и ее муж были обижены тем, что писатель согласился позировать Кустодиеву. Что задело Ремизовых, в точности не известно. Некоторый свет на эту историю проливает письмо Сабашниковой Волошину от 21–22 апреля 1907 года из Москвы: «Макс, у меня остался кошмар от Ремизовых. Они были со мной страшно сухи... Ремизов, бывши в Москве, не решился зайти к маме, боясь встретить Тебя. И все это потому, что Гофман что-то невероятно насплетничал про тот вечер, когда мы возмущались его рассказом. Может быть, Гофман и еще сплетничал, и они кое-что знают и возненавидели меня. Впрочем, это не помешало ей [С.П. Ремизовой] попросить у меня портрет Ремизова» [5, с. 330]. Под «рассказом» подразумевается одна из повестей в книге Ремизова «Лимонарь», вызвавшая у Вяч. Иванова и его ближайшего окружения обвинения писателя в кощунстве и оскорблении чувств верующих [19, с. 156–166]. Вторая возможная «сплетня» касается интимных отношений Сабашниковой с хозяином «Башни».

Данный портрет, хронологически первый в обширной иконографии писателя [7, с. 36–37], стал своего рода типологическим образцом для последующих художников. Изображение писателя в маске чудака-сказочника или сказочного (мифологического) героя стало чуть ли не стандартным художественным решением. Сам Ремизов не возражал против таких трактовок: «Я никогда не задумывался о своем портрете. Борис Григорьев изобразит меня из породы водяных... А.С. Голубкина представила меня лесовым...» [17, с. 383]. Часто можно встретить на портретах Ремизова, в том числе и фотографических, знакомый нам фон, на котором представлены игрушки и другие предметы из коллекции писателя. То обстоятельство, что живописные и композиционные находки Сабашниковой в портрете Ремизова неоднократно воспроизводились более известными и, очевидно, более талантливыми мастерами, свидетельствует, на наш взгляд, о том серьезном изучении модели, которое предприняла молодая художница и ее муж и соавтор.

Литература

1. Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. – Москва: Прогресс-Плеяда, 2001. – 608 с.
2. Волошин, М. История моей души / М.А. Волошин. – Москва: Аграф, 1999. – 480 с.
3. Волошин, М. Лики творчества / М.А. Волошин. – Ленинград: Наука, 1989. – 848 с.
4. Волошин, М. Письмо из Парижа. Выставка примитивов. Национальный Салон. Исадора Денкан. Bal des Quatz-arts / М.А. Волошин // Весы. – 1904. – № 5. – С. 33–39.
5. Волошин, М. Собрание сочинений. Переписка с М. Сабашниковой. 1906–1924 / М.А. Волошин. – Москва: Эллис Лак, 2015. – Т. 11. – Кн. 2. – 786 с.
6. Волошина-Сабашникова, М.В. Зеленая змея: Мемуары художницы / М.В. Волошина-Сабашникова; пер. с нем. Е.С. Кибардиной. – Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1993. – 340 с.
7. Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. – Санкт-Петербург: Хронограф, 1992. – 50 с.
8. Герцык, Е. Воспоминания / Е.К. Герцык. – Paris: YMCA-Press, 1973. – 404 с.
9. Грачева, А.М. Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность / А.М. Грачева // Лица. Биографический альманах. – Москва; Санкт-Петербург: Феникс; Atheneum, 1993. – Вып. 3. – С. 419–447.
10. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – Т. 4. – 684 с.
11. Константин Андреевич Сомов. Письма. Дневники. Суждения современников. – Москва: Искусство, 1979. – 624 с.
12. Кузмин, М. Дневник. 1905–1907 / М.А. Кузмин. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 2000. – 608 с.
13. Кузмин, М. Дневник 1934 года / М.А. Кузмин. – Санкт-Петербург: Издательство Ивана Лимбаха, 1998. – 416 с.
14. Кузмин, М.А. Стихотворения. Из переписки / М.А. Кузмин. – Москва: Прогресс-Плеяда, 2006. – 492 с.
15. Мандельштам, О.Э. Слово и культура: Статьи / О.Э. Мандельштам. – Москва: Советский писатель, 1987. – 320 с.
16. Письма М.А. Волошина к А.М. Петровой / публикация В.П. Купченко // Максимилиан Волошин. Из литературного наследия. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – Вып. 1. – С. 5–215.
17. Ремизов, А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2000. – Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. – 592 с.
18. Ремизов, А.М. Собрание сочинений / А.М. Ремизов. – Москва: Русская книга, 2003. – Т. 10. Петербургский бунт. – 704 с.
19. Розанов, Ю.В. Древнерусский апокриф в «декадентской» версии / Ю.В. Розанов // Слово и образ в культуре Русского Севера: сборник научных статей. – Вологда: ВоГУ, 2014. – С. 156–166.
20. Степун, Ф. Бывшее и несбывшееся / Ф.А. Степун. – Лондон, 1990. – Т. 1. – 330 с.
21. Цветаева, М.И. Живое о живом (Волошин) / М.И. Цветаева // Волошин, М. Стихотворения. – Москва: Книга, 1989. – С. 443–536.
22. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка. – Москва: Республика, 1998. – 430 с.

Yu.V. Rozanov

"FACE OF CREATIVITY" OF THE WRITER A.M. REMIZOV

The article discusses the history of the two portraits of the writer A.M. Remizov: the first one is graphics, made by the artist M.V. Voloshina-Sabashnikova, and the second one is literary that was included in M.A. Voloshin's famous cycle of essays "Faces of Creativity" ("Liki tvorehestva"). The semantic and compositional identity of the two portraits speak of a single Remizov's "face of creativity", created by Voloshin spouses, which corresponds to the ideas of "younger symbolists" about the synthesis of the arts and the collective ("cathedral") creativity.

Portrait, symbolism, Viacheslav Ivanov's salon, stylization, collective creativity, arts synthesis.

Ю.Н. Драчёва

Вологодский государственный университет

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ТРАДИЦИОННОЙ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИКАХ

В статье идет речь о том, как современное возрождение традиционной народной культуры в России отражается в языке, причем особое внимание уделяется дискурсу массмедиа. Рассматриваются различные аспекты изучения языка народной культуры в современных дискурсивных практиках и то, каким образом они были освещены в научных трудах сотрудников Вологодского государственного университета в 2014–2016 гг.

Лингвокультурология, язык традиционной народной культуры, дискурс.

Современная Россия переживает период возрождения традиционной народной культуры. Как культурологические, так и лингвистические аспекты этого явления в настоящее время находятся под пристальным вниманием исследователей. Разрыв с предшествующей традицией в течение советского времени и сегодняшнее «возвращение» к ней в поисках истоков народного духа позволяют проследить то, каким образом в обществе и языке происходит становление новой традиции – неизбежно новой, поскольку изменилась и окружающая действительность, и общество, и сама народная культура. Если бы народная культура возрождалась в той же форме, какой мы ее представляем по этнографическим записям и исследованиям XIX – начала XX века, то мы бы говорили скорее о реконструкции, восстановлении утраченного, что можно было бы сравнить с восстановлением разрушенного храма – его стен, куполов, крестов. Однако наблюдается стремление возродить именно *дух* традиционной народной культуры (ее *содержание*) при максимально бережном сохранении ее *формы*, к которой можно в равной мере отнести и материальные культурные артефакты, и вербальное воплощение знаков этой культуры.

В данной статье основное внимание уделяется описанию проблем изучения языка традиционной народной культуры, описываются тематически близкие научно-методические разработки, выполненные в 2016 г. сотрудниками Вологодского государственного университета (результаты работы в 2015 описаны ранее [15]), а также обозначаются перспективы изысканий в этом направлении.

Важным представляется вопрос о том, какая среда, какой дискурс окажется наиболее информативным, для того чтобы наблюдать реализацию этого нового этапа в развитии традиционной народной культуры в России. Несмотря на важность общей картины и необходимость целостного восприятия данно-

го явления, представляется возможным сфокусировать внимание исследователей на двух типах дискурса. Во-первых, изучение языка традиционной народной культуры может (и должно) вестись на материале устной народной речи. Узкое понимание последней отражает преимущественно диалектную речь; в более же широкой интерпретации сюда можно отнести фольклор, народные песни, городское просторечие и т.д. Во-вторых, современная форма распространения традиционной народной культуры предполагает обращение к массмедийной практике и успешно реализуется в ней в виде тематических публикаций, потому дискурс средств массовой информации является важным источником материала для изучения развития языка традиционной народной культуры в современных реалиях.

Многие исследователи говорят о необходимости изучать новые явления, которые появляются в культурном пространстве современной России и имеют отношение к традиционной народной культуре (см. [2]), но при этом, как правило, возникают вопросы, связанные с неоднозначностью трактовки таких понятий, как «традиция», «традиционная культура». А.В. Захаров выделяет бытовое, этнографическое, философское и социологическое значение понятия «традиция». Так, бытовое значение слова «традиция» в обиходной речи сводится к «обычаю», «ритуалу», «тому, что принято людьми», потому давно устоялось и вызывает исключительно положительную оценку. В этнографическом значении «традиционный» обозначает «народный, фольклорный», а само понятие «традиция» связывается с дописьменной семиотической системой, аграрным обществом. Философское понимание традиции сводится к «явлению социальной коммуникации» с подчеркиванием значимости межпоколенной трансляции культуры. Традиция же как «способ социально-культурной коммуникации» отличается устойчивостью, многозначно-

стью, авторитарностью, повторяемостью, действительностью. Важным представляется также то, что в социологическом плане различаются субстанциональный подход к традиции, то есть прямое указание на то, «какие элементы, образцы, произведения культуры относятся к традиции», и функциональный подход, то есть восприятие традиции как способа трансляции культуры [13].

Наиболее полный обзор подходов к понятию традиционной культуры предлагается в работе А.В. Костиной (см. [16]). Исследователь выделяет философско-социологический подход, в рамках которого традиционная культура определяется как «механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом» [18, с. 253]. Происходит трансляция «апробированных» культурных норм прошлого между поколениями и внутри одного поколения [16]. В рамках социологической парадигмы разрабатывается субкультурный подход, который реализуется в работах С.Ю. Неклюдова (например исследования городского фольклора), К.Б. Соколова (теория субкультурной стратификации) и других исследователей фольклора и постфольклора. «Социогуманитарный» подход к традиционной народной культуре получил выражение в коллективной монографии «Народная культура в современных условиях» [17], в которой разрабатываются понятия культурного текста как важнейшей составляющей традиционной культуры, социального носителя как субъекта культуры, социальные механизмы трансмиссии культуры. Анализируя подходы к традиционной культуре в фольклористике, А.В. Костина также указывает на некоторое сближение терминов «народная культура», «традиционная культура» и «фольклор» [16]. На необходимость четкого разведения этих понятий и разделения отдельных парадигм исследования указывают и А.В. Костина, и А.В. Захаров [13; 16].

Описываемая проблематика и широкий круг связанных с ней вопросов изучались в Вологодском государственном университете на протяжении двух последних лет в рамках выполнения работ по гранту Президента Российской Федерации для молодых кандидатов наук (проект МК 5977.2015.6 на тему «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона»). Научный коллектив гранта в составе доцента Драчевой Ю.Н. (руководитель гранта), доцента Громыко С.А., аспиранта Ганичевой С.А., магистранта Черняевой М.И. (соисполнители гранта) в своих исследованиях попытался расширить круг источников для изучения языка традиционной народной культуры за счет устных форм массовой коммуникации, например в условиях проведения массового народного (или псевдонародного) праздника (ярмарки, фестиваля и проч.), а также способствовал более активному изучению письменных форм массовой коммуникации в аспекте представления традиционной народной культуры.

Основные достижения коллектива гранта в контексте изучения языка традиционной народной культуры связаны с разработкой понятия языковой транс-

миссии. Это понятие возникает по аналогии с термином «культурная трансмиссия», употребляемом в биологии, медицине, нейробиологии, психологии, социологии, когнитивистике, экономике, антропологии, культурологии и т.д. Термином «культурная трансмиссия» обозначается передача и сохранение определенных качеств от предшествующего поколения к последующему, термин же «языковая трансмиссия» используется преимущественно в работах, анализирующих социокультурные процессы межпоколенческого культурного обмена. В публикациях по проблематике проекта обосновывается терминологическое употребление этого понятия, под которым понимается механизм сохранения и передачи воплощенных в языке культурных ценностей. Обращение к понятию языковой трансмиссии позволяет исследовать динамику языка в процессе трансляции культуры. Данный термин соотносится с мультидисциплинарным термином «культурная трансмиссия» в одном из его значений: как способ сохранения и передачи духовных ценностей. Однако расплывчатость и многоаспектность понятия культурной трансмиссии позволяет употреблять словосочетание «языковая трансмиссия» в терминологическом значении и использовать его в работах по изучению лингвистических механизмов культурной трансмиссии.

Понятие языковой трансмиссии стало ключевым в исследовании трансмиссии языка традиционной культуры Русского Севера на материале региональных текстов различного характера.

В монографическом исследовании Ю.Н. Драчевой «Трансмиссия языка традиционной народной культуры Русского Севера» [8] описывается трансляция традиционных культурных ценностей русского народа в современной массовой коммуникации. Механизм языковой трансмиссии исследуется на материале современных региональных средств массовой информации Вологодского края, а также записей, выполненных во время массовых народных праздников, ярмарок и фестивалей. Для сравнительного анализа также привлекаются материалы местной печати XIX века и этнографические описания праздников этого времени. С лингвистической точки зрения описывается включение вербальных элементов традиционной народной культуры (например языка фольклора) в дискурс массовой коммуникации. С лингвокультурологической точки зрения рассматривается возможность комплексного анализа извода традиционной народной культуры в дискурсе региональных средств массовой коммуникации. В качестве основного носителя «региональных культурных смыслов» признается так называемый «региональный текст». Таким образом, основным источником изучения языковой трансмиссии народной культуры служит «вологодский текст», к которому относятся литературные произведения, выражающие культурную специфику региона, а также местные средства массовой информации как пространство функционирования и возрождения народного слова. Среди лингвистических механизмов осуществления трансмиссии языка традиционной народной культуры в современной массовой коммуникации отмечается использование конкретной, предметной лексики как основы включения народного языка в

публицистические материалы и повышенная частота употребления пословиц и поговорок как способ осмысления и освоения нового извода традиционной народной культуры в СМИ. Определенную ценность монографии представляет широкое использование в качестве источников региональных средств массовой информации Вологодской области. Это областные газеты «Красный Север», «Премьер – новости за неделю», литературно-художественный журнал «Вологодский лад», районные газеты Вологодской области – «Маяк» (Вологодский р-н), «Тотемские вести», «Наша жизнь» (Бабаевская районная газета), «Северная новь» (газета Усть-Кубинского р-на), «Звезда» (газета Шекснинского р-на), «Борьба» (газета Вожегодского р-на), «Новый день» (газета Нюксенского р-на) и др.

Многочисленные статьи членов коллектива гранта Президента Российской Федерации представляют результаты осмысления процессов трансмиссии языка народной культуры в различных дискурсах и с разных точек зрения. Так, в публикациях С.А. Ганичевой представлены результаты изучения живой народной речи в структурно-семантическом [3; 4; 6; 7] и лингвоперсонологическом аспектах [5]; в статьях Ю.Н. Драчевой, С.А. Ганичевой, М.И. Черняевой (в том числе в соавторстве с другими исследователями) проанализированы отдельные аспекты региональной идентичности жителей Русского Севера [10; 11; 19] и образа региона [1; 14].

Помимо собственно рассмотрения теоретических проблем изучения языковой трансмиссии культуры в рамках лингвокультурологической парадигмы [9; 12] и их анализа в конкретных дискурсах, коллектив гранта разрабатывал научно-методические аспекты актуализации региональной идентичности через систему региональных текстов в ходе воспитательной и образовательной деятельности педагога [11; 14; 19]. Были предложены разработки системы уроков или планов проведения кружков по лингвистическому краеведению в средней школе, проанализированы отдельные аспекты лингвокраеведческих дисциплин в вузовском обучении, а также рассмотрены особенности региональной идентичности студентов Вологодского университета. В рамках научно-методических исследований коллектив гранта приходит к выводу о том, что формирование региональной идентичности на основе искусственно сконструированного и стереотипизированного образа региональной народной культуры в современной массовой коммуникации в сочетании с подчас неоправданной эклектичностью и некачественным отбором языковых средств, утратой региональной отнесенности народного слова может представлять опасность для духовной культуры подрастающего поколения.

Обратимся к описанию академического контекста проекта. Благодаря гранту Президента Российской Федерации удалось существенно расширить круг научных контактов сотрудников и аспирантов кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета (помимо основных исполнителей гранта в проекте, его обсуждении и реализации участвовали практически все члены кафедры). В проекте также приняли участие сотрудники кафедры французского языка –

кандидат филологических наук доцент Е.В. Опахина и старший преподаватель А.В. Буланов; педагог дополнительного и раннего образования Т.Г. Комиссарова, выступившая волонтером и консультантом в ряде исследований, связанных с анализом педагогической практики на разных этапах реализации проекта; кандидат филологических наук начальник научного отдела Управления науки и инноваций Вологодского государственного университета И.Е. Колесова.

Результаты проекта «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона» были апробированы в 2016 г. на конференциях различного уровня: всероссийских (например во время XXXII Всероссийского диалектологического совещания «Лексический атлас русских народных говоров – 2016», проводившемся 2–3 февраля 2016 г. в Санкт-Петербурге Русским географическим обществом и Институтом лингвистических исследований РАН) и международных (например в ходе Международной научно-практической конференции «Русское культурное пространство», которая проходила 21 апреля 2016 г. в Институте русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова; на V Конгрессе РОПРЯЛ «Динамика языковых и культурных процессов в современной России», проходившем с 4 по 8 октября 2016 г. в Казани).

Важным направлением работы стало проведение мероприятий по привлечению внимания студентов, магистрантов и широкой общественности к проблематике проекта «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона». Во-первых, вышел сборник работ молодых исследователей «Филология смотрит в будущее» (научные редакторы С.А. Громыко, Ю.Н. Драчева), в котором на региональном материале рассмотрены многие актуальные проблемы региональной словесности и культуры. Во-вторых, в течение 2016 года проводились научно-практические и научно-методические мероприятия, привлекающие внимание как начинающих исследователей-лингвистов, так и журналистов, работников культуры, учителей. В течение 2016 проходила работа школы-семинара молодых ученых по проблематике проекта. Так, были проведены заседания регионального научно-методического семинара «Филология смотрит в будущее» на темы «Образ Вологды в массмедиа» (Вологда, 16 марта 2016 г., Вологодский государственный университет), «Культурное пространство партворка» (Вологда, 18 мая 2016 г. Вологодская областная универсальная научная библиотека). С.А. Ганичева провела лекцию «Картографирование русских глагольных зоофонов как лингвистическая проблема» в рамках Школы молодых лексикографов и лингвогеографов (Санкт-Петербург, 4 ноября 2016 г., Институт лингвистических исследований РАН). Под руководством Ю.Н. Драчевой и Э.Л. Трикоз прошел региональный круглый стол на тему «Культурно-просветительская журналистика Вологодской области в XXI веке» (Вологда, 28 апреля 2016 г., Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник), в рамках которого к обсуждению

проблематики проекта присоединились студенты – будущие журналисты, а также представители профессиональной журналистики Вологодской области в лице А.Ю. Сальникова (Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Вологда»), Е.М. Легчановой (Сетевое издание «Культура в Вологодской области») и научного сообщества в лице кандидата филологических наук литературоведа Е.В. Титовой, заведующего художественным отделом Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника А.А. Глебовой, кандидата культурологии Л.А. Якушевой, киноведа Т.Н. Кануновой.

В течение 2016 г. участники проекта показали существенный прогресс в выполнении индивидуальных программ обучения в магистратуре, аспирантуре и докторантуре Вологодского государственного университета и Лестерского университета (Великобритания). Состоялась защита магистерской диссертации М.И. Черняевой на тему «Региональная идентичность в сфере изучения диалектной речи» (научный руководитель – доктор филологических наук профессор Е.Н. Ильина). Также 14 июня 2016 г. состоялась защита диссертации С.А. Ганичевой на соискание степени кандидата филологических наук на тему «Русские глаголы-зоофоны в структурно-семантическом и лингвогеографическом аспектах» (научный руководитель – доктор филологических наук профессор Е.Н. Ильина). Ю.Н. Драчева защитила проект «Education and mass media as fields of communicative interaction» (научный руководитель – доктор Васэл Кэйклэр (Wasyl Sajkler)) в качестве магистранта Лестерского университета. С сентября 2016 г. Ю.Н. Драчева является докторантом Вологодского государственного университета и готовит диссертацию на соискание степени доктора филологических наук на тему «Языковая трансмиссия (извод) традиционной народной культуры Русского Севера в текстах массовой коммуникации» (научный руководитель – доктор филологических наук профессор Е.Н. Ильина).

Под руководством членов научного коллектива гранта были выполнены выпускные квалификационные работы студентов Вологодского государственного университета, тематика которых опосредованно связана с проблематикой проекта. Научными руководителями выступили С.А. Громыко (дипломная работа А.Ю. Литвиновой на тему «Детские журналы и их влияние на развитие ребенка») и Ю.Н. Драчева (дипломные работы В.А. Гринина на тему «Партворк «Властелин колец. Шахматы»: лингвистические особенности и дидактический потенциал» и А.В. Мискив на тему «Особенности перевода на английский язык текстов туристического дискурса (на примере памятников деревянного зодчества г. Вологды)»).

Завершение проекта «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона» в 2016 году не означает прекращения исследований в этой сфере участниками гранта, практически каждый из которых вышел на новый уровень реализации уже собственных проектов. С.А. Ганичева продолжает исследование региональной идентичности в сфере диалектного текста в

лингвоперсонологическом направлении в рамках государственного научного гранта Вологодской области и разрабатывает электронный тематический словарь языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области (см. [5]). С.А. Громыко в ходе исследования лингвистических особенностей региональной идентичности и отражения особенностей брендинга региона в массовой коммуникации вышел на тему риторики русского национализма в политическом дискурсе России в начале XX века и далее продолжит эту работу в рамках гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-34-01050). Ю.Н. Драчева работает над проблематикой образовательных стратегий в СМИ в рамках обучения в магистратуре в Великобритании по гранту программы «Глобальное образование» (оператором программы является Московская школа управления СКОЛКОВО).

Таким образом, проект «Лингвистические аспекты представления традиционной народной культуры в современных дискурсивных практиках: война смыслов и образ региона» способствовал углубленному изучению регионального массмедийного «извода» народной культуры, а также того, каким образом культура региона представлена во «внешних» по отношению к региону дискурсах. Благодаря проекту удалось осуществить разработку и внедрение регионально ориентированных методик знакомства с народной культурой и привлечь внимание широкой общественности к современным проблемам ее функционирования. Феномен языковой трансмиссии традиционной народной культуры еще требует своего глубокого осмысления и дальнейшего описания, однако уже сейчас очевидно, что язык традиционной народной культуры Русского Севера является важнейшим источником культурного и духовного возрождения нашего региона.

Литература

1. Буланов, А.В. Медиаобраз Вологодской области в европейских СМИ / А.В. Буланов, Ю.Н. Драчева, Е.В. Опахина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 49–57.
2. Вторая жизнь традиционной народной культуры в России эпохи перемен / под. ред. Н.Г. Михайловой. – Москва: НБ-Медиа, 2011. – 180 с.
3. Ганичева, С.А. Глаголы, обозначающие вокализации словья в русских народных говорах / С.А. Ганичева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 60–63.
4. Ганичева, С.А. Диалектные аффиксальные парадигмы глаголов-зоофонов (на материале «Лексического атласа русских народных говоров») / С.А. Ганичева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – № 3 (35). – С. 13–19.
5. Ганичева, С.А. Опыт речевого портрета уроженца Вологодской области / С.А. Ганичева // Вестник Вологодского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 61–64.
6. Ганичева, С.А. Семантическая система глаголов-зоофонов в русских говорах / С.А. Ганичева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 29–32.
7. Ганичева, С.А. Фонематическое варьирование корневых морфем в глаголах-зоофонах (на материалах картотеки «Лексического атласа русских народных говоров») /

С.А. Ганичева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 80–83.

8. Драчева Ю.Н. Трансмиссия языка традиционной народной культуры в массовой коммуникации: монография / Ю.Н. Драчева. – Вологда: ИП Киселев А.В., 2016. – 240 с.

9. Драчева, Ю.Н. «Лингвистический код» современных народных гуляний / Ю.Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 74–78.

10. Драчева, Ю.Н. «О» в Вологде / Ю.Н. Драчева, Е.Н. Ильина // Русская речь. – 2016. – № 2. – С. 107–110.

11. Драчева, Ю.Н. Проблемы региональной идентичности в сфере изучения диалектной речи / Ю.Н. Драчева, М.И. Черняева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 83–87.

12. Драчева, Ю.Н. Феномен языковой трансмиссии и принципы его изучения / Ю.Н. Драчева // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 78–82.

13. Захаров, А. В. Традиционная культура в современном обществе / А.В. Захаров // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – С. 105–115.

14. Колесова, И.Е. Образ Вологды в языковой картине мира студентов и школьников / И.Е. Колесова, С.А. Ганичева // Актуальные проблемы обучения русскому языку XII. – Brno: Masarykova univerzita, 2016. – С. 179–184.

15. Колесова, И.Е. Отчет о выполнении работ по грантам Президента Российской Федерации в 2015 году / И.Е. Колесова // Вестник Вологодского государственного университета. – 2016. – № 1. – С. 116–119.

16. Костина, А.В. Традиционная культура: к проблеме определения понятия / А.В. Костина // Информационный гуманитарный портал Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 4. – С. 16–22.

17. Народная культура в современных условиях / отв. ред. Н.Г. Михайлова. – Москва: Российский институт культурологии, 2000. – 219 с.

18. Философский энциклопедический словарь. – Москва: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

19. Черняева, М.И. «Лингвистический код региона» и проблемы его освоения на занятиях по развитию речи / М.И. Черняева, Т.Г. Комиссарова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2016. – № 6. – С. 120–124.

Yu.N. Dracheva

STUDY OF TRADITIONAL FOLK CULTURE LANGUAGE IN MODERN DISCURSIVE PRACTICES

The paper describes how present-day revival of Russian traditional folk culture is reflected in the Russian language transmission, in which connection to a mass media discourse is especially emphasized. The paper considers different aspects of studying the language of traditional folk culture in modern discourses and how this research is developed in the academic studies in Vologda State University in 2014–2016.

Cultural linguistics, language of traditional folk culture, discourse.

УДК 811.161.1

Н.Н. Зубова

Вологодский государственный университет

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ И ЕЁ ОТРАЖЕНИЕ В ПРОЗЕ АЛЕКСАНДРА ЯШИНА

Статья подготовлена при финансовой поддержке ВРО РГО

(проект «Народная речь Вологодского края: опыт функционально-типологического исследования»)

В статье исследуется стилистическая дифференциация диалектной речи и ее отражение в прозе А.Я. Яшина. В качестве объекта анализа выступают рассказы «Вологодская свадьба», «Подруженька», «Высочка», повести «Слуга народа», «Баба Яга». В речи персонажей А. Яшина обнаруживаются черты нескольких стилистических разновидностей диалектной речи: обиходно-бытовой, народно-поэтической, профессионально-технической. Они определяются особенностями коммуникативной ситуации, в которую вовлечены персонажи художественного текста, и характеризуются собственными языковыми маркерами лексического и грамматического уровней.

Стилистическая дифференциация говоров, художественная стилизация, региональная проза, Александр Яшин.

Изучение стилистической дифференциации диалектной речи составляет одну из сложных и недостаточно изученных проблем отечественной диалектологии [11; 9; др.]. Решение этой проблемы, с одной сто-

роны, затрудняет узуральный характер диалектной нормы, а с другой – сложность и многообразие речевых ситуаций, в которых используется народный говор, отсутствие четких критериев, по которым эти

ситуации – и соответственно обслуживающие их разновидности говора – могут быть дифференцированы [16]. Материалом для наблюдений в исследованиях по стилистике говоров, как правило, служит лексика [1; 16; 7; др.], значительно реже в поле зрения исследователей попадают явления других лингвистических ярусов [10; др.]. В данной статье проблема стилистической дифференциации диалектной речи рассматривается через призму региональной прозы: мы хотели бы выяснить, как в процессе художественной стилизации прозы писателя-вологоджанина Александра Яшина учитываются функционально-стилистические различия диалектной речи.

Александр Яковлевич Яшин (Попов) (1913–1968) отразил в своем творчестве социально-бытовые и культурно-нравственные проблемы жителей Русского Севера. Пользуясь словами К.Г. Паустовского, можно сказать, что «писательство – это не профессия, а жизненное призвание» Александра Яшина [15, с. 4]. Творчество писателя вошло яркой страницей в историю нашей литературы, во многом воплощая в ней типологические черты регионального – вологодского – текста. Можно сказать, что в художественной прозе Александра Яшина нашла свое проявление локальная языковая личность автора: как в речи повествователя, так и в персонажной речи. Использование термина «языковая личность» здесь можно считать вполне правомерным, так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками [8, с. 18].

Вопросу использования локально ограниченных ресурсов языка в пространстве литературного произведения и связанной с этим вопросом проблеме стилизации художественной речи были посвящены исследования многих ученых, в том числе обращавших свое внимание на творчество писателей-северян второй половины XX века – Ф.А. Абрамова, В.П. Астафьева, В.И. Белова, В.П. Распутина, В.М. Шукшина и др. [13; 3; 4; 6; 5; 17; 19; 12; др.]. Художественное своеобразие их творчества во многом обусловлено мастерским использованием ресурсов родного говора в процессе репрезентации языковой личности повествователя и персонажей [2]. Причем это касается не только очевидного в подобном случае использования лексико-фразеологического фонда территориальных диалектов. Авторы региональной прозы – и Александр Яшин в их числе – создают целостные, коммуникативно обусловленные, стилистически однородные речевые иллюстрации, каждая из которых репрезентирует тот или иной функционально-стилистический вариант диалектной речи.

Коммуникация в диалектной среде характеризуется узальным закреплением приемлемых вариантов кодирования объекта речи, а также разнообразием условий информационного обмена, возрастной или какой-либо иной дифференциацией коммуникантов, спецификой их владения различными формами национального языка и многими другими чертами [8, с. 221–222]. Но вместе с тем, по мнению Л.Л. Касаткина, в говорах достаточно устойчиво обнаруживаются черты нескольких функциональных разновидностей: обиходно-бытовой, народно-поэтической, публичной,

профессионально-технической и официально-деловой [9]. Рассмотрим, как они реконструируются в персонажной речи произведений А.Я. Яшина.

Чаще всего писатель воссоздает образцы обиходно-бытового диалога. В обиходно-бытовой речи используется не только нейтральная, но и экспрессивно-оценочная и эмоциональная лексика. Это зависит от того, представляет ли речь спокойный рассказ, эмоциональный диалог, разговор в конкретной ситуации.

В качестве примера обиходно-бытового диалога можно привести дискуссию двоюродных братьев – героев повести «Вологодская свадьба» шофера Василия Прокопьевича и пильщика-моториста Ленки. Василий Прокопьевич – «бунтарь по натуре», любит поддерживать разговор на тему беспорядков в лесу, при этом его лицо бледнеет, глаза блестят, и он хочет получить ответы на все вопросы сразу. Ленка – веселый, легкомысленный человек, очень жизнерадостный, любит пошутить и посмеяться. Дискуссия разворачивается во время празднования свадьбы Галины и Петра Петровича за общим столом во второй половине вечера, после проведения всех необходимых обрядовых действий. Василий Прокопьевич неосторожно обвиняет плакальщицу Наталью Семеновну в воровстве колхозного имущества: *Бояры-бояры, а сама тянет из колхоза все, что плохо лежит – то лен, то сено охапками, то ржаные снопы. Прижмут ее – она в слезы: плакальщица ведь, артистка!* Речь Василия Прокопьевича нетороплива, отличается использованием лексических повторов, местоимений (*сама* – определительное, *ее, она* – личные), повторяющихся союзов «*то*» для придания значения перечисления при однородных членах, союза «*ведь*» для указания на причину поступка. В процессе диалога Василий Прокопьевич настаивает на своей неоспоримой правоте, но при этом не приводит конкретных доказательств: *Я не видел, другие видели!*

– *Брось обижать старуху!* – вступился за Наталью Семеновну Ленка. – *Наговоры одни, да еще и заглазно.*

– *Я и при ней скажу.*

– *Чего скажешь, коли сам не видел.*

– *Я не видел, другие видели.*

– *Никто ничего не видал.*

Оппонент Василия Прокопьевича Ленка защищает Наталью Семеновну, убеждая брата в том, что все доводы являются неоправданной клеветой. Особенностью речи Ленки является употребление наречий качественно-обстоятельного значения с разговорно-сниженной окраской (*заглазно*), устаревшего неизменяемого союза *коли* в значении «если», переходного глагола «видать», употребляющегося в разговорном стиле, со значением неоднократного действия. В представленном диалоге нас интересует, прежде всего, иллюкутивные цели представленного акта. Защитник Ленка использует повелительное наклонение глагола («брось») с целью требования к действию. В данном отрывке в высказываниях героев преобладают глаголы настоящего и прошедшего времени для придания выразительности речи, живости и разговорности.

На фоне обиходно-бытовых диалогов обращают на себя внимание примеры стилизации народно-

поэтической разновидности локальной речи. Во-первых, их появление обусловлено коммуникативной ситуацией – обращением к устному народному творчеству своих земляков. Во-вторых, в народно-поэтической речи проявляются особые фонетико-интонационные, лексико-фразеологические и грамматические черты, свойственные языку фольклора. Таковы, например, «волокнустые» песни Натальи Семеновны («Вологодская свадьба»): здесь мы можем наблюдать дактилический размер стихосложения (*И да не ком снегу бросило, / да не искры рассыпались, / И да не искры рассыпались, / да во весь высок терем*). В данном отрывке мы можем отметить употребление архаизмов для стилизации поэтического звучания, межстилевой лексики (*снег, искры, рассыпались, др.*), соединительного союза (*и да, и да*), служащего для усиления эмоционального воздействия и привлечения внимания слушателей. Для народно-поэтической речи характерно употребление слов книжного стиля: *высок, терем*.

Обращают на себя внимание также фрагменты профессионально-технической речи персонажей локальной прозы Александра Яшина. Ситуация использования этого варианта речи связана с ситуацией информационного обмена в сфере традиционных локальных промыслов и ремесел: это сельское производство, пряже и ткачество, изготовление деревянной посуды, ловля рыбы, гончарное производство и многие другие виды традиционных занятий северян. Профессионально-технический стиль диалектной речи мы находим в диалогах мужских персонажей повести Василия Прокопьевича и Михаила Кузьмича при описании работы на льнозаводе: *Ваши приемщики колхозы грабят, номера тресты занижают. Вы калымики, вот вы кто!, Ладно, треста трестой, а вы скажите, долго ли у нас в лесу щепки будут лететь?* Герой Александр из повести «Сирота» также при разговоре с директором употребляет профессионализмы: *Что ж говорить? Вам звеньевая уже сказала. На такой лен пустить машину – одни убытки будут. Да и машина тоже – только название от нее осталось: мнет, путает, елозит. Разве это механизация?!* Главный герой повести «Старый валенок» Лупп Егорович, обращаясь к коту, произносит: *Вот говорю я председателю: поставь меня на насеку, не губи ее! Пасеку похерили – пчелы, видишь ли, невыгодны...*

Специальная и обиходно-бытовая лексика, несмотря на свои кажущиеся различия, не изолированы друг от друга, а находятся в постоянном взаимодействии и взаимопроникновении. В качестве примера можно обратиться к высказыванию Александра из повести «Сирота». В его речи встречаются профессионализмы: *звеньевая, механизация, калымики*. Главной особенностью речи героев является неподготовленность к диалогу, импровизация. По этой причине в диалогах персонажей мы можем встретить употребление частиц с выделительно-ограничительным (*только*), с вопросительным (*ли*), с усилительным значением (*ж*), употребление личных местоимений 1 и 2 лица (*я, меня, Вам*), обращений (*Вы калымики, вот вы кто!*), риторических вопросов (*Что ж говорить? Разве это механизация?!*), лексических повторов (*треста трестой*). Наличие вопроситель-

ных и восклицательных предложений, просторечной лексики (*занижают, убытки*) в речи персонажей свидетельствует о принадлежности к обиходно-бытовому стилю речи.

Элементы публичной речи характеризуются стремлением носителя диалекта употреблять книжные, литературные слова и обороты. Например, в повести «Высочка» в монологах Елены Ивановны Смолкиной употреблены выражения: *Если бы не помощь, если бы не поддержка... – то и дело повторяла Смолкина. – Если бы председатель колхоза вовремя не подбросил кормов, если бы весь колхоз не был повернут лицом... не было бы у меня высоких показателей и не видать бы мне рекордов... как не видать своих ушей*.

Л.Л. Касаткин отмечает, что в публичных выступлениях диалектоносители употребляют литературные слова вместо диалектных (*помощь, поддержка, высокие показатели, рекорды*). При этом следует отметить использование элементов разговорного стиля в речи, направленной на широкое внимание публики: употребление стилистически сниженных фразеологических оборотов (*как не видать своих ушей*), суффикса «а» в глаголах II спряжения (*видать*), длительные паузы в речи. В домашней обстановке эти же герои употребляют диалектные слова. В качестве примера можно привести цитаты Елены Ивановны Смолкиной: *Бывало, охапку дров сожжешь, а воды горячей и пару на пятерых хватает. Воду-то мы камнями кипятили: как только покраснеют, мы их кидаем вилошечками в кадушку с водой*.

Речь Елены Ивановны Смолкиной изложена с опорой на неопровержимые факты (*не было бы у меня высоких показателей и не видать бы мне рекордов... как не видать своих ушей*). Использование диалектизмов и сниженной лексики направлено на специфика аудитории – простых деревенских жителей.

Таким образом, при использовании диалектных и диалектно-просторечных лексем наиболее ярко проявляется стилистический синкретизм лексики. Л.М. Орлов выделяет данные черты в III средний или переходный, в котором сочетаются элементы диалекта и литературного языка на всех уровнях. Этот тип представляют лица всех возрастных групп, кроме младшей. Из этого следует, что имеет место явление функциональных переключений. Например, глаголы чаще других частей речи являются предметом морфологической адаптации в кодовом переключении. В качестве примера можно привести употребление просторечного глагола *елозит* в тексте профессионально-технической речи. Функциональными маркерами являются эмоции, при которых кодовое переключение происходит в зависимости от настроения говорящего: Наталья Семеновна после продолжительных песен, характерных для народно-поэтической речи, легко перестраивает ход диалога в обиходно-разговорном стиле (*На свадьбе надо волокнустые песни петь*). Источниками кодового переключения, по мнению Р. Якобсона, являются: межличностные отношения (Петр Петрович, пытаюсь доказать свою правоту, обращается к молодой жене: *Я Чапай! Ясно?*), тема беседы (например профессионально-технический стиль употребляется при разговоре о работе). Получается, что положение говорящего в

определенном речевом коллективе накладывает на него ограничения, которые он волен принять, сделав немаркированный выбор языковых средств, либо пренебречь ими, используя маркированный выбор.

Анализ текстов художественной прозы писателя вологжанина А.Я. Яшина также позволяет выявить в речи повествователя и персонажей его произведений ряд стилистических особенностей: сочетание разных стилей в речи одного персонажа, употребление общо-бытовой речи с народно-поэтическими вставками. Изобилие слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами способствует формированию креативной диалектной языковой личности персонажа. Язык произведений А. Яшина очень ярок и богат, автор бережно вплетает в ткань произведения диалектную лексику, это создает представление о нем как об уроженце Вологодского края.

Литература

1. Баранникова, Л.И. Современные процессы в русских народных говорах: монография / Л.И. Баранникова. – Саратов: СГУ, 1991. – 140 с.
2. Болотнова, Н.С. Коммуникативная стилистика художественного текста: лексическая структура и идиостиль: коллективная монография / Н.С. Болотнова, И.И. Бабенко, А.А. Васильева и др. – Томск: ТГУ, 2001. – 400 с.
3. Бугрий, Е.П. Лексические и фразеологические диалектизмы в прозе В.И. Белова (способы семантизации): автореф. дис... канд. филол. наук / Бугрий Е.П. – Ленинград: ЛГУ, 1986. – 18 с.
4. Ваулина, С.С. Лексические диалектизмы в произведениях В. Распутина / С.С. Ваулина // Материалы по русско-славянскому языкознанию: сб. науч. тр. – Воронеж: Воронежский пединститут, 1982. – С. 31–35.
5. Воробьева, И.А. Словарь диалектизмов в произведениях В.М. Шукшина / И.А. Воробьева. – Барнаул, 2002. – 109 с.
6. Елистратов, В.П. Словарь языка Василия Шукшина / В.П. Елистратов. – Москва: Азбуковник, Русские словари, 2001. – 432 с.
7. Загоровская, О.В. Проблемы общей и диалектной семасиологии и лексикографии: монография / О.В. Загоровская. – Воронеж: Научная книга, 2011. – 383 с.
8. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность: монография / Ю.Н. Караулов. – Москва: Наука, 1987. – 264 с.
9. Касаткин, Л.Л. Русская диалектология: учебник для студентов филологических факультетов высших учебных заведений / С.В. Бромлей, Л.Н. Булатова, О.Г. Гецова и др.; под ред. Л.Л. Касаткина. – Москва: Академия, 2005. – 288 с.
10. Маркова, В.А. Стилистическая дифференциация фонетической системы диалекта: на материалах трех архангельских говоров: автореф. дис... канд. филол. наук / Маркова В.А. – Москва: МГУ, 1998. – 24 с.
11. Орлов, Л.М. Социальная и функционально-стилистическая дифференциация в современных русских территориальных говорах: дис. д-ра филол. наук / Л.М. Орлов. – Москва, 1970. – 320 с.
12. Падерина, Л.Н. Диалектизмы в языке «Царь-рыбы» как особенности идиостиля В.П. Астафьева: дис... канд. филол. наук / Падерина Л.Н. – Красноярск, 2008. – 227 с.
13. Попов, И.А. Областная лексика и ее функционально-стилевая роль в романе Ф. Абрамова «Братья и сестры» / И.А. Попов // Поэтика и стилистика русской литературы: сборник памяти академика В.В. Виноградова. – Ленинград: Наука, 1971. – С. 365–372.
14. Пятницкий, В.Д. Лексические диалектизмы в прозе В. Белова / В.Д. Пятницкий // Русская лексика в литературно-художественной и профессионально-терминологической сфере. – Владимир: Изд-во Владимирского ГУ, 1978. – С. 73–95.
15. Рулева, А.С. Александр Яшин: Личность. Поэт. Прозаик: монография / А.С. Рулева. – Ленинград: Художественная литература, 1980. – 200 с.
16. Свиридова, Г.Ф. Социально-стилистическая дифференциация лексики современных русских народных говоров (на материале говора села Александровка Хохольского р-на Воронежской обл.): дис... канд. филол. наук / Свиридова Г.Ф. – Воронеж, 2001. – 162 с.
17. Серикова, Л.В. Портрет персонажа в прозе В.М. Шукшина: системное лексико-семантическое моделирование: дис... канд. филол. наук / Серикова Л.В. – Бийск, 2004. – 153 с.
18. Яшин, А.Я. Собрание сочинений: в 3 т. / предисл. Ф. Кузнецова. – Москва: Художественная литература, 1984–1986. – Т. 1. – 639 с.; Т. 2. – 671 с.; Т. 3. – 415 с.
19. Яцкевич, Л.Г. Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь / Л.Г. Яцкевич. – Вологда: ВГПУ, 2004. – 240 с.

N.N. Zubova

STYLISTIC DIFFERENTIATION OF DIALECT SPEECH AND ITS REFLECTION IN THE PROSE OF ALEXANDER YASHIN

The article examines the stylistic differentiation of dialect speech and its reflection in the prose by A. Y. Yashin. The stories “Vologda Wedding” (“Vologodskaya svad’ba”), “Friend” (“Podruchhen’ka”) “Upstart” (“Vyskochka”), the narratives “Servant of the People” (“Sluga naroda”), and “The Witch Baba Yaga” (“Baba Yaga”) are the objects of the analysis. In the speech of Yashin’s characters, the stylistic features of several varieties of dialectal speech are observed: everyday speech, folk poetry speech, professional and technical speech. These stylistic features are determined by the peculiarities of a communicative situation, in which the characters of a literary text are involved, and are characterized by their own linguistic markers at lexical and grammatical language levels.

Stylistic differentiation of dialects, artistic stylization, regional prose, Alexander Yashin.

Л.А. Нуралиева
Вологодский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТИПЫ ФОЛЬКЛОРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ В ПОЭЗИИ Н.А. КЛЮЕВА

Данная статья посвящена исследованию функциональных типов фольклоризмов в поэзии Н.А. Клюева. Кроме собственно фольклорных персонажей, в статье рассматриваются прецедентные имена и общеупотребительные одушевленные существительные, получившие в текстах поэта фольклорное осмысление. Для определения фольклорного кода слова используется методика сопоставления авторского и фольклорного текстов, контекстуальный анализ. В статье представлен краткий обзор основных исследований, посвященных изучению фольклорных основ творчества Н.А. Клюева, предпринята попытка определить основные функциональные типы фольклоризмов с учетом результатов классификации фольклорной лексики в работе Л.Г. Яцкевич, а также частично затрагивается вопрос о том, считать ли творчество Н.А. Клюева результатом стилизации.

Н.А. Клюев, поэтический текст, функциональные типы фольклоризмов, фольклорные персонажи, антропони́мы, мифологический код, стилизация, символизация.

Данная статья посвящена рассмотрению фольклорных персонажей в поэзии Н.А. Клюева. Основной целью нашего исследования является выявление их функциональных типов и определение их стилистического назначения в произведениях поэта. Актуальность поставленной цели обусловлена тем, что значительную часть словаря Н.А. Клюева занимают *фольклоризмы* – лексические образования, характерные для языка фольклора, которые в поэтической речи приобретают новое образное осмысление, активно участвуют в художественном построении произведений Н.А. Клюева и выражают его поэтическое мировоззрение. По нашим данным, поэтический словарь Н.А. Клюева [13] насчитывает более 900 фольклоризмов, в том числе 286 лексем – имен и названий фольклорных персонажей.

Фольклорные основы творчества Н.А. Клюева исследовали многие литературоведы (К.М. Азадовский, В.Г. Базанов, Е.И. Маркова, Э.Б. Мэкш, Х.М. Юхименко). В меньшей мере описаны фольклоризмы в его поэтическом языке в лингвопоэтическом аспекте, однако основы такого изучения уже заложены. Так, ряд работ посвящен фольклорным персонажам в творчестве Клюева [10; 11; 8; 17; 16; 14; 18]. Наибольший научный интерес в этой сфере представляют работы С.Н. Смольникова. В статье «Метаморфозы красоты: женские имена в поэзии Н. Клюева» автор подчеркивает народно-поэтическую значимость женских образов в творчестве поэта [17, с. 224–239]. К проблеме функционирования в фольклорном ключе прецедентного имени в поэтическом тексте он обращается в статье «Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева» [16, с. 32–55]. Особенности концептуализации фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н.А. Клюева рассматриваются в его

последней статье [15]. Автор считает, что *Садко* это – константа поэтического мира Клюева, значимая для его интерпретации. Она связана с центральной идеей клюевского творчества – идеей глубинной русской Красоты.

Попытка сравнить образы *домового* в текстах Клюева и в быличках вытеговцев предпринимается в статье А.Н. Мартюговой [11]. Сравнение образов *медведя* в творчестве Н. Клюева и в волшебной сказке представлено в статье А.С. Лызловой [8]. Эпизод встречи героини Парасковьи в поэме «Песнь о Великой Матери» автор сопоставляет с типичным сказочным сюжетом, в котором *медведь* становится похитителем женщин. Е.И. Маркова выявляла фольклорные истоки образов любимых в народе святых Николая Чудотворца и Егория (Георгия Победоносца) в поэзии Н.А. Клюева [10]. Л.Г. Яцкевич исследовала символизацию в его поэзии мифологического образа *Китоврас*. Для поэта этот мифоним является символом сказочной крестьянской Руси, Китежа и ее певцов (Есенина и Клюева) [14, с. 203–219].

Особенности функционирования терминов родства в поэзии Н. Клюева рассматриваются в кандидатской диссертации С.Х. Головкиной («Термины родства в поэзии Н. Клюева», 1999). Ключевыми в организации системы родства являются слова *мать, сын, брат, дед, отец, жених, невеста* [3]. Нужно отметить, что термины родства являются важной частью фольклорной картины мира. Фольклорный сюжет разворачивается вокруг родственных отношений. Представления о роде, о семье являются архетипичными.

Фольклоризмы – многозначный термин. В данной работе этот термин обозначает «лексические образования, значения или формы которых указывают на их принадлежность языку фольклора как подуровню общенародного языка» [7].

В данной статье рассматриваются функциональные типы фольклорных персонажей в поэзии Н.А. Клюева. При этом учитываются результаты классификации фольклорной лексики в работе Л.Г. Яцкевич [18].

1. Собственно фольклорные антропонимы

В творчестве Н.А. Клюева данный тип фольклоризмов представлен следующими лексическими группами: имена сказочных персонажей (*Аленушка*, *Алибаба*, *Елисей*, *Кащей* и др.), имена собственные былинных персонажей (*Вольга*, *Добрыня*, *Мамёйфа Тимофеевна*, *Поток* и др.), балладные имена собственные (*Кудеяр*, *Снафида*), архаичные фольклорные мифонимы (*Баян*, *Велес*, *Сири* и др.). В качестве примера рассмотрим особенности употребления отдельных фольклорных антропонимов.

Аленушка – одно из ключевых женских имен в поэтических текстах Н.А. Клюева, в основе использования которого лежат фольклорные прототипы. В текстах поэта имя *Аленушка* подвергается переосмыслению и становится символом русской культуры, святости и красоты. В произведениях поэта этот персонаж участвует в развитии поэтического мотива гибели Красоты: в первую очередь гибели старой веры, святости, чистоты [14, с. 167]:

*Наша русская правда загибла,
Как Алёнушка в чарой сказке...
Забодало железное быдло
Коляду, душегрейку, салазки*

[6, с. 543–545].

Нередко фольклорные антропонимы в текстах Клюева включены в один лексический ряд на основе единой концептуальной функции. Например:

*Горыныч, Сири, Царь Кащей, —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая*

[6, с. 226].

В данном случае *Царь Кащей*, включаясь в поэтическую текстовую парадигму вместе с именами *Горыныч* и *Сири*, подвергается символизации: становится символом сказочной, таинственной Руси. Другими словами, в клюевском тексте этот персонаж сохраняет в качестве культурного фона предварительную информацию – фольклорную функциональную характеристику, но в поэтическом тексте он претерпевает трансформацию и получает новую функцию применительно к поэтическому сюжету.

Рассмотрим особенности методики выявления и описания собственно фольклорных антропонимов в поэзии Н.А. Клюева. Этот тип фольклоризмов существует в фольклорной системе. Их можно найти в фольклорных словарях. В нашей работе, чтобы установить принадлежность конкретного слова из поэтического словаря Н.А. Клюева к фольклорному материалу, мы использовали результаты исследований курских лингвофольклористов, в частности данные составленных ими словарей языка фольклора [2; 1]. Кроме того, мы обращались к фольклорным текстам, чтобы выявить типичные персонажные характеристи-

ки. В качестве примера рассмотрим фольклорный антропоним **Еруслан**:

*Певучей думой обуян,
Дремлю под жестокою дерюгой.
Я – королевич Еруслан
В пути за пленницей-подругой.
Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката*

[6, с. 179].

Еруслан – богатырь, герой сказки «Еруслан Лазаревич». В авторском тексте характеристика *Еруслана* совпадает со сказочной: королевич – *Был некий царь Картаус (Киркоус), а у него дядя князь Лазарь Лазаревич; у того Лазаря родился сын Еруслан Лазаревич* [12, с. 352–365]; богатырь (богатырские атрибуты) – *Мой конь под алым чепраком, / На мне серебряные латы...* – отправляется спасать невесту (пленницу-подругу) – *Приезжает он в индейское государство, а там беда приключилась: стало выходить из озера чудо (змеи) о трех головах и емлет всякой день по человеку: уже дошла очередь до царевны. Еруслан вызвался зацеловать ее от чуда, а царь обещал отдать ему за то дочь в супружество и с ней половину царства* [12, с. 352–365]. В тексте Клюева сохраняются и фольклорные мотивы: мотив добывания невесты/мотив похищения невесты; мотив сна. Лирическому герою снится сон, в котором он становится богатырем *Ерусланом*. Характеристики фольклорного персонажа переосмысляются и переносятся на самого лирического героя. Древний мотив сна служит соединением былого и настоящего. Через сон прослеживается мистическая связь человека с прошлым. О течении времени напоминает жужжащее веретено. Появляется образ матери-пряхи, имеющий мифологические корни и фольклорные традиции.

2. Антропоморфные мифологические персонажи

Лексический состав данного типа фольклоризмов разнообразен в словаре Клюева: *водяник 3, водяница 5, водяной 4; дед-дворовик 1; дед-мороз 1; домовиха 1, домовый 8; лесовик 5, дед-лесовой 1, лесовой 1; юдо 3 и др.* Однако стилистические функции данных фольклорных персонажей в его поэтических текстах в основном связаны с образным выражением темы сокровенной, древней тайны русского народа, противоположной современному техническому прогрессу. В стихотворении «Мне революция – не мать...» Клюев иносказательно эту мысль выражает:

*Мы – щуры, нежити, русалки –
Глядим из лазов дупел, тьмы
В густую пестроту народов
И электрических восходов,
Как новь румяных корнеплодов
Дождемся в маревах зимы*

[6, с. 557].

3. Прецедентные имена в качестве имен фольклорных персонажей

Прецедентные имена, которые функционируют в качестве имен фольклорных персонажей, представле-

ны в произведениях Клюева несколькими тематическими группами. Во-первых, это персонажи народной духовной поэзии, легендарных и сакральных текстов, соотносительных с православной традицией: имена Бога, Богородицы, имена библейских персонажей (*Человечий бренный род / Согрешил в Адаме, – / Мы омыты вместо вод / Крестными кровями; / Просиял за дальним пряслом / Бабий ангел Гавриил, / Животворным росным маслом / Вечер жнивье окропил*), имена христианских святых (*Изба засыпает. С узорной божницы / Взирает Микола и сестры Седмицы, / На матице ожила карлиц гурьба, / Топтыгин с козой и избяная резьба*). В текстах Клюева эти сакральные имена нередко включены в один лексический ряд – поэтическую парадигму, которая символизирует или тему Рая (*Там Митрий Солунский, с Миколою Влас / Святых обряжают в камлот и атлас, / Креститель Иван с ендовы расписной / Их поит живой иорданской водой*), или тему Святой Руси (*...Святыни русские вспарили, / Все в лалах, яхонтах, берилле: / Егорий ладожский, София, / Спас на Бору, Антоний с Сици / И с Верхотурья Симеон... Святая Русь отходит к славам...*).

Во-вторых, Клюев использует в фольклорном ключе прецедентные имена известных исторических лиц, ставших в устном народном творчестве фольклорными персонажами (*Борис Годунов, царевич Димитрий, Ермак, Петр Великий, царь Алексей Тишайший, Степан Разин* и др.). Так, персонаж народных песен *Степан Разин* появляется в стихотворениях поэта в 1917–1918 гг., воспевающих революцию и бунтующую народную стихию, например:

*В желтухе Царьград, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцем лопарского юга
Сердца врачевать и молебственный хрип.
К Кронштадтскому молу причаляли струги, –
То Разин бурунный с персидской красой...
Отмерили год циферблатные круги,
Как Лев обручился с родимой землей.
Русские юноши, девушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиную красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту-Россию!*

[6, с. 343]

4. Общеупотребительные одушевленные имена существительные в качестве названий фольклорных персонажей

Это многочисленный по лексическому составу тип фольклоризмов, представленных в поэтическом словаре Н. Клюева. К ним относятся следующие лексические группы слов, отражающих систему персонажей в фольклорных произведениях: номинация фольклорных персонажей по признаку родства (*брат, матушка, сын, вдова, теща и др.*), номинация фольклорных персонажей по их возрасту (*бабка, девица, молодец, старичок* и др.), номинация фольклорных персонажей по их социальному статусу (*боярин, царица, кузнец, пастух, разбойник и др.*), номинация фольклорных персонажей по их межличностным отношениям (*враг, гость, ладушка и др.*), фольклорные персонажи-зоонимы (*волк, медведь, кот, ястреб и др.*).

Рассмотрим, например, любимый Клюевым фольклорный персонаж – *медведя*. Образ медведя является архетипичным. В древности это тотемное животное считалось покровителем северного народа. Согласно народным поверьям, медведь был прежде человеком. Память о первопредке закреплена на гербах многих поселений. Два медведя изображены на гербе города Вытегры [10, с. 47]. Именно поэтому поэт ощущает связь с медведем. В следующем тексте медведь становится символом поэта и его творчества:

*Дремлю с медведем в обнимку,
Щекою на доброй лапе...
Дозорит леший заимку
Верхом на черном арапе...
И видят: поэт медведя
Питает кровью словесной...
Потомок счастливый Федя
Упьется сказкой чудесной...*

[6, с. 507]

Поэт-посланник медведя доносит до людей древнее слово. Как в древности приносили жертву тотемным животным, так и поэт *питает словесной кровью* медведя. Подобно колдуну, поэту доступна таинственная архаичная сторона жизни: *Слывя колдуном в округе, / Я – пестун красного клада*. Леший, медведь и сказка – символы древнего первозданного мира, словесного таинства, доступного лишь поэту. В стихотворении развивается мотив особой роли, исключительности поэта.

5. Мифотворчество Н.А. Клюева и его персонажи-мифонимы

В произведениях Клюева выстраивается традиционная, мифопоэтическая картина мира, присущая сознанию русского крестьянства и сочетающая в себе элементы языческих верований и христианского мировоззрения. Именно поэтому в текстах поэта даже совершенно нетипичный для народного творчества персонаж нередко представлен поэтом в фольклорном стилистическом ключе. Таким образом, следует говорить о фольклоризмах еще одного функционального типа: *функциональных фольклоризмах* – прецедентных именах, получивших фольклорное осмысление только в произведениях Н.А. Клюева. Следуя фольклорной и мифопоэтической традициям, поэт создает, например, образы своих современников – Есенина, Распутина, Ленина и свой автопортрет.

Трудность выявления подобных фольклоризмов объясняется тем, что мифологический код присваивается прецедентному имени. У слова появляется денотативная неопределенность: оно полностью или частично перестает соотноситься с конкретным предметом реального мира. Исследование того, как прецедентное имя приобретает фольклорное и мифопоэтическое значение, дано в статье С.Н. Смольникова «Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева» [16, с. 32–56]. Автор статьи замечает, что имя собственное *Ленин* в поэзии Клюева претерпевает ассоциативное и концептуальное осложнение значения. Поэт мифологизирует образ *вождя*, используя традиционные мифопоэтические мотивы и сюжеты (мотив священного брака, мо-

тив разрушения вселенной, мотив биологического зачатия мира и др.). Н.А. Клюев создает космогонический миф, в котором Ленин является вождем-демиургом революционного мира [16].

«В Песне о Великой Матери» поэт творит и собственное генеалогическое предание, в котором используется характерный для преданий мотив происхождения от мифического или мифолого-эпического персонажа (*воина-исполина*):

*По ранне-синим половодьям,
К сѣмужьим плѣсам и угодьям
Пристала крытая ладья.
И вышел воин исполин
На материк в шеломе – клювом,
И лопь прозвала гостя **Клюев** –
Чудесной шапке на помин!
Вот от кого мой род и корень...*

[6, с. 701]

Творчество Н. Клюева является уникальным явлением русской культуры. Тексты поэта, впитавшие в себя ценности древней славянской культуры, близки по своей поэтике и словарю к фольклорным текстам. Именно поэтому некоторые исследователи ошибочно считают, что поэтическое творчество Н. Клюева является примером удачной стилизации [5; 9]. Неоспорим тот факт, что поэты и писатели Серебрянного века прибегали к стилизации. Удачные фольклорные стилизации можно найти у К. Бальмонта («Заклинание», «Заговор от двенадцати девиц», «Наговор на недруга»), раннего С. Городецкого (сборник «Ярь»), А. Блока (цикл «Пузыри земли») и др. Тяга к стилизации – к использованию стилистических приемов другого времени, обращение к «чужим» авторским стилям, стилизация элементов формы другого искусства – была явлением, в значительной степени определившим своеобразие литературно-художественного процесса рубежа веков. В этот период через стилизацию искусство ищет новые художественные средства для отражения новой действительности, пытается обрести новый, «свой» стиль [4].

Однако существует и иная точка зрения на фольклоризм поэтики Н.А. Клюева. Мы вслед за Н.М. Солнцевой и Е.И. Марковой, известными исследователями его творчества, считаем, что поэтические тексты Клюева не являются результатом стилизации. Поэт использует фольклорные образы и персонажи не для воспроизведения типичных фольклорных сюжетов, а для изображения современной поэту эпохи. В соответствии с художественным замыслом фольклорные персонажи в произведениях Н. Клюева подвергаются индивидуально-авторской концептуализации и выступают как культурные символы, отражающие специфику осмысления действительности поэтом.

Литература

1. Бобунова, М.А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2006.

2. Бобунова, М.А. Словарь языка русского фольклора: Лексика былины / М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. – Курск: Издательство Курского государственного университета, 2001.

3. Головкина, С.Х. Термины родства в поэзии Н. Клюева: автореф. дис... канд. филол. наук / Головкина С.Х. – Вологда, 1999.

4. Журавлева, Н.В. Художественные функции стилизации в романе серебряного века: автореф. дис... канд. филол. наук / Журавлева Н.В. – Воронеж, 2004.

5. Казаркин А.П. Стилизация и мифотворчество: этапы творческой эволюции Н.А. Клюева / А.П. Казаркин // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 368. – С. 11–15.

6. Клюев, Н.А. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н.А. Клюев. – Санкт-Петербург: Русский гуманитарный христианский институт, 1999.

7. Костина, А.Г. Фольклорные элементы в лексической структуре художественных текстов Валентина Распутина: к истокам российской ментальности: автореф. дис... канд. филол. наук / Костина А.Г. – Санкт-Петербург, 2011.

8. Лызлова, А.С. Волшебнo-сказочный образ медведя в контексте поэзии Н.А. Клюева / А.С. Лызлова // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 254–269.

9. Мануковская, Т.В. Эволюция фольклорно-мифологических образов и мотивов в поэзии Николая Клюева: дис. ... канд. филол. наук / Мануковская Т.В. – Воронеж, 2007.

10. Маркова, Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте севернорусского словесного искусства / Е.И. Маркова. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997.

11. Мартюгова А.Н. Сравнительная характеристика образа «хозяина дома» в творчестве Н.А. Клюева и в быличках вытегоров / А.Н. Мартюгова // XXI век на пути к Клюеву. Материалы Международной конференции «Олонецкие страницы жизни и творчества Николая Клюева и проблемы этнопоэтики». – Петрозаводск, 2006. – С. 256–263.

12. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: в 3 т. – Москва: Наука, 1984–1985.

13. Поэтический словарь Николая Клюева / сост. М.В. Богданова, С.Б. Виноградова, С.Х. Головкина, С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2007. – Выпуск 1: Частотные словоуказатели.

14. Смольников, С.Н. На золотом пороге немеркнувших времен: Поэтика имен собственных в произведениях Н. Клюева / С.Н. Смольников, Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

15. Смольников, С.Н. Концептуализация фольклорного антропонима Садко в поэтическом языке Н. А. Клюева / С.Н. Смольников // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира: сб. науч. тр. / отв. ред. Т.В. Симашко. – Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова, 2013. – Вып. 6. – С. 335–343.

16. Смольников, С.Н. Ленин: пресуппозиции и актуальная семантика антропонима в поэзии Н. Клюева / С.Н. Смольников // Клюевский сборник. – Вологда: Легия, 2002. – Выпуск III. – С. 32–56.

17. Смольников, С.Н. Метаморфозы красоты: женские имена в поэзии Н. Клюева / С.Н. Смольников // Вытегра: краеведческий альманах. – Вологда: Легия, 2000. – Вып. 2. – С. 224–239.

18. Яцкевич, Л.Г. Фольклоризмы в поэзии Н.А. Клюева / Л.Г. Яцкевич // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В.Я. Проппа. – Петрозаводск, 2015.

FUNCIONAL TYPES OF FOLKLORE CHARACTERS IN NIKOLAY KLYUEV'S POETRY

This article presents the study of functional types of 'folklorisms' in N.A. Klyuev's poetry. Besides folklore characters, the article explores the precedent names and commonly used animate nouns which are given through a folklore understanding in the texts of the poet. To determine folklore code of the words, a comparative method of Klyuev's texts with folklore texts and context analysis is employed. The article provides a brief overview of some basic research on folklore foundations of N. Klyuev's creativity, an attempt to define the main functional types of folklorisms on the base of the folklore vocabulary classification by L.G. Yatskevich, and partially the question whether the N. Klyuev's poetry can be considered as a result of stylization.

N.A. Klyuev, poetic text, functional types of folklorisms, folklore characters, anthroponomy, mythological code, stylization, symbolization.

УДК 811.134.2

А.А. Терещук
Университет Барселоны

ФЕНОМЕН «SESEO» В РЕЧИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ В КАТАЛОНИИ

В статье рассматриваются некоторые особенности произношения представителей русскоязычной диаспоры в Испании, в автономном сообществе Каталония. Обращается внимание на распространенность феномена «seseo» в речи переселенцев из России, проживающих в Каталонии и относящихся к первому поколению эмигрантов. Уточняется понятие «seseo», уделяется внимание присутствию данного явления в испанском дискурсе некоторых жителей Каталонии. Отмечается влияние каталанского языка, а также говоров Андалусии и Эстремадуры на испанский язык в Каталонии. Затрагивается проблема выбора произносительной нормы испанского языка, которая может быть использована в процессе изучения испанского как иностранного. Данный выбор связывается с распространением «seseo» в различных регионах Испании и Латинской Америки. Рассматривается несколько точек зрения на выбор в пользу «seseo» или дифференциации [θ] и [s] для носителей русского языка, изучающих испанский. Данная статья основывается на результатах опроса, в котором приняло участие 40 информантов, относящихся к исследуемой категории эмигрантов. Анализ произношения информантов строится на изучении аудиозаписей чтения вслух заданного отрывка текста (476 слов) и разговора на свободную тему на испанском языке. Средняя продолжительность каждой беседы составила около 60 минут. Отмечаются различия в речевом поведении информантов между чтением вслух и разговором. Наблюдается тенденция к увеличению доли реализаций с «seseo» в процессе перехода от чтения вслух к разговору. Выявляются различия между произношением мужчин и женщин, показывается, что феномен «seseo» более характерен для мужской речи, чем для женской. Анализируется влияние уровня образования на появление в речи явления «seseo». Наблюдается преобладание «seseo» в речи информантов, не имеющих высшего образования; в то же время значительный процент информантов с высшим образованием дифференцируют [θ] и [s].

«Seseo», язык русских эмигрантов, преподавание испанского языка, испанский язык в Каталонии.

Феномен «seseo» («сесео»¹), то есть «замена звука [θ] (с, z) на [s]»² [17, с. 94], является характерной чертой испанского языка в Латинской Америке и в некоторых регионах Испании. В то время как дифферен-

циация (distinción) [θ] и [s] наблюдается в речи приблизительно у 10% носителей испанского языка [21, с. 329], произношение остальных 90% отмечено отсутствием фонемы [θ]. Даже в регионах, уроженцы которых традиционно склоняются к дифференциации, существуют группы населения, в речи которых встречается «seseo». Эти группы могут состоять из мигрантов (носителей испанского языка, говорящих с «seseo», или иностранцев, для которых испанский является вторым языком) или принадлежать к тем или иным социальным слоям, чье произношение отличается от нормы, характерной для данной территории. В качестве примера подобной группы населения

¹ В данной статье представляется оправданным следовать традиции большинства русскоязычных работ и в дальнейшем использовать написание термина «seseo» в испанской орфографии (см., например, [5, с. 182]). Написание «сесео» кириллицей может привести к путанице с явлением «сесео» (исп.), характерной черты консонантизма некоторых говоров на юге Испании. «Сесео» заключается в замене фонемы /s/ на /θ/, то есть речь идет о процессе, противоположном «seseo».

² Здесь и далее перевод наш – А. Т.

можно привести существующую в Мадриде латиноамериканскую диаспору, чьи представители сохраняют «seseo» несмотря на то, что живут в дифференцирующем окружении (см., например, диссертационное исследование М. Санчо Паскуаль [19]).

Если переселенцам из Латинской Америки для интеграции в испанское общество нет необходимости изучать новый язык или отказываться от особенностей своего произношения, то для эмигрантов, для которых испанский язык не является родным, языковой вопрос приобретает особое значение. Одним из первых шагов в изучении иностранного языка является работа над фонетикой. Изучающие испанский язык уже на первых занятиях сталкиваются с необходимостью научиться правильно артикулировать фонему /θ/.

В фонологической системе русского языка отсутствует глухой интердентальный фриктивный согласный /θ/. И. Алексеева относит его ко второй категории (средней сложности) испанских согласных по степени трудности для произношения для носителей русского языка; артикуляция этой фонемы «вступает в конфликт с привычками родного языка, и их преодоление требует усилий» [6, с. 5]. Замена [θ] на [s] представляется более простым путем для русских, изучающих испанский язык. Тот факт, что, как уже было показано, большая часть испаноязычного мира говорит с «seseo», для многих может являться аргументом в пользу непроизношения [θ].

В научной литературе высказываются разные мнения относительно выбора между дифференциацией и «seseo» и, если смотреть более широко, нормы языка при изучении испанского как иностранного. А. Торрес замечает, что «еще несколько десятилетий назад... кастильская разновидность испанского считалась образцом правильного использования языка» [22, с. 208]. Т. Наварро Томас в своем «Учебнике испанского произношения», изданном впервые еще в 1918 году, указывал в качестве фонетической нормы те особенности, которые отмечаются «в Кастилии, в речи образованных людей» [17, с. 8]. В свою очередь, язык латиноамериканцев или жителей других регионов Испании, помимо Кастилии, воспринимался им как «неправильный». В середине прошлого века это отношение начало меняться. В 1956 году Д. Алонсо выразил идею о равенстве различных вариантов языка, предложив формировать языковую норму на основе того, как говорят образованные слои общества каждой из испаноязычных стран [7, с. 45]. В настоящее время Ассоциация академий испанского языка оперирует понятием *плюрицентризма*, признавая, что у испанского языка нет единого стандарта, но допустимыми являются языковые нормы в разных испаноязычных странах и регионах Испании, то есть испанский язык сохраняет свое единство, но становится плюрицентрическим [18].

Подобный характер испанского позволяет иностранцу выбрать любой из вариантов языка для изучения. При этом, как отмечает А.А. Фахардо, в современном испанском «отсутствует единая плюрицентрическая норма, вместо которой есть ряд национальных норм; узус является плюрицентрическим, однако общей для всех норм, которая имела бы одно название... и была бы супранациональной, нет» [11, с. 67]. Ввиду отсутствия нормы, о которой пишет А.А. Фа-

хардо, на выбор варианта языка для изучения может оказать влияние целый ряд факторов: цель занятий испанским, происхождение преподавателя, языковое окружение, используемые дидактические материалы и т. д. Ф. Морено Фернандес отмечает «противоречивую тенденцию» в процессе обучения языку: «С одной стороны – общепризнанный авторитет Королевской академии испанского языка... с другой стороны, изучение иностранных языков, как правило, ориентируется в первую очередь на реальный узус языка (иногда определенный объективно, иногда с большей долей субъективности), а не на академическую норму» [15, с. 216].

Преподавание испанского языка в России традиционно ориентировалось на норму кастильского произношения (то есть дифференцирование [θ] и [s]), которое признавалось за образец правильной испанской речи. Любопытно, что вплоть до 1977 года между Испанией и Советским Союзом не поддерживались дипломатические отношения; в то же время в Новом Свете было несколько стран с просоветскими режимами. Тем не менее в СССР преподавался кастильский испанский, а не кубинский или чилийский. Традиция преподавать кастильский испанский до сих пор сохраняется в отечественной педагогике, причем фактор существования испанского в Латинской Америке иногда даже не принимается во внимание. Так, например, В. Бенчик [9, с. 11–14] показывает, что даже в специализированных испанских школах в России американским национальным вариантам испанского языка уделяется недостаточное внимание.

Учебники испанского для носителей русского языка, как правило, предлагают кастильскую норму произношения. Например, И.А. Дышлевая [1, с. 5] характеризует «кастильский диалект» как «универсальный»; Е.И. Родригес-Данилевская *et al.* [3, с. 6–7] советует на начальном этапе изучения языка освоить кастильскую норму, которая позволяет работать в любой испаноязычной стране, а Г.А. Нуждин *et al.* [2, 2007], отдавая предпочтение кастильскому, в своем учебнике все же вводит некоторое количество латиноамериканских слов и выражений³.

В отечественной научной литературе в выборе между «seseo» и дифференциацией в процессе обучения испанскому, безусловно, отдается предпочтение дифференциации. Е. Савчук [21, с. 329] считает, что нельзя позволять ученикам использовать «seseo», однако на занятиях необходимо затрагивать вопрос о существовании данного феномена. О. Мурашкина [16, с. 258–259] высказывает мнение о недостаточном внимании к отработке правильного произношения со стороны большинства преподавателей испанского языка; «правильной», по ее мнению, является кастильская норма и дифференциация [θ] и [s].

Х.М. Сауссол [20, с. 505] выражает точку зрения, которую можно охарактеризовать как «менее радикальную». По его мнению, оба варианта произношения приемлемы в процессе обучения, однако преподаватель, если он склоняется к «seseo», должен показать возможность дифференциации, а если он различает [θ] и [s], то обязан упомянуть на занятиях о существовании «seseo».

³ Естественно, что обзор всех учебных пособий для русскоговорящих выходит за рамки данной статьи; автором была отмечена определенная тенденция, проиллюстрированная несколькими примерами.

В пользу дифференциации [θ] и [s], во всяком случае, на начальном этапе обучения языку, можно привести тот аргумент, что выработанная привычка дифференцировать упрощает запоминание лексики, так как позволяет избежать появления омофонов, появляющихся при «seseo» (например *sima* «пропасть» – *cima* «вершина», *caza* «охота» – *casa* «дом»). Кроме того, очевидно, что кастильское произношение облегчает обучение испанской орфографии: ученик, артикулирующий /θ/, не будет сомневаться в написании слов типа *zanahoria* / **sanahoria* «морковь» или *alzar* / **alsar* «поднимать». В итоге всегда можно перейти от дифференциации к «seseo», приложив сравнительно небольшие усилия; переход в обратную сторону будет намного сложнее, так как потребует введения в речь новой фонемы.

Несмотря на все аргументы в пользу дифференциации, многие эмигранты испытывают влияние произношения, являющегося нормой в том регионе, где они живут. Феномен «seseo» распространен в части Андалусии, на Канарских островах, в отдельных населенных пунктах в Мурсии и Эстремадуре и во всей Латинской Америке⁴ [10]. Отдельно стоит обратить внимание на «seseo» в Каталонии.

В данном регионе испанский язык сосуществует с каталанским, который является родным для 31% населения Каталонии [13]. В каталанском языке отсутствует фонема /θ/, поэтому для тех каталонцев, которые говорят на испанском как на втором языке, ее артикуляция может представлять определенные трудности. С другой стороны, во второй половине XX века был отмечен миграционный поток с юга Испании в Каталонию; мигранты из Андалусии и Эстремадуры принесли с собой на север особенности своих говоров, и характерной чертой некоторых из них является «seseo». В связи с этим необходимо различать «seseo» в речи каталонцев и «seseo» в речи мигрантов с юга.

А.М. Бадиа-и-Маргарит [8, с. 148] отмечал «seseo» как одну из особенностей испанского языка в Каталонии. Некоторые исследователи пишут о «seseo» в Каталонии как о характеристике языка представителей низших социальных слоев, в то время как средний и высший классы каталонского общества обычно склоняются к дифференциации [17, с. 94], [14, с. 100], [10]. А. Веш, чьими информантами были преимущественно жители Барселоны с высоким уровнем образования, не регистрирует «seseo» в их речи [23, с. 297–298].

Исходя из вышесказанного, можно прийти к заключению, что русские эмигранты в Каталонии проживают в языковом окружении, в котором встречаются как дифференциация, так и «seseo». Их выбор в пользу одного из двух вариантов произношения зависит от экстралингвистических факторов.

В рамках исследования, посвященного языку русской диаспоры в Каталонии, автор уделит особое внимание феномену «seseo» в испанском дискурсе русскоязычных эмигрантов. Было опрошено 40 информантов, принадлежащих к первому поколению эмигрантов и владеющих испанским как вторым языком. Соотношение мужчины–женщины (16–24) среди информантов соответствует средней пропорции соот-

ношения русских эмигрантов мужского и женского пола по Каталонии (34% – 66%) [13]. Возраст информантов – от 17 до 65 лет. Все они переселились в Испанию в постсоветскую эпоху; подавляющее большинство относится к миграции XXI века (только 3 человека эмигрировали из России до 2000 года, все трое – в 1999 году).

Беседа с каждым из информантов состояла из разговора на русском и испанском языках и чтения вслух текста на испанском языке; средняя продолжительность каждой беседы составила около 60 минут. Предложенный для чтения текст являлся фрагментом романа К.Р. Сафона «Тень ветра» (476 слов). Беседа и чтение текста записывались на iPad при помощи программы «AudioMemos».

Буквы *z* и *c* перед *e*, *i*, то есть позиции, в которых у читающего есть выбор между «seseo» и дифференциацией, появляются в тексте 38 раз. В то же время не все участники опроса прочитали текст полностью. Информантам с невысоким уровнем владения языком предлагалось прочитать только половину текста⁵, поэтому простой подсчет всех реализаций с «seseo» или с дифференциацией не будет отражать реальное соотношение двух вариантов произношения. У некоторых информантов, прочитавших только половину текста, отмечается «seseo»; при подсчете общего количества реализаций «seseo» оказалось бы представлено меньшим числом реализаций, чем в случае, если бы все информанты смогли дочитать текст до конца. В связи с этим при анализе результатов беседы в расчет принималась общая тенденция в речи информанта.

Было выделено 4 тенденции в речи информантов:

- 1) «seseo»;
- 2) смешение двух норм произношения (с преобладанием «seseo»);
- 3) смешение (с преобладанием дифференциации [θ] и [s]);
- 4) дифференциация [θ] и [s].

Информанты с тенденцией различать [θ] и [s], у которых одна из реализаций (38) была с «seseo», относились к категории «дифференциация», а единичное отклонение от нормы воспринималось как *lapsus linguae*; в случае, если наблюдалось два и более отклонений от основной тенденции, информант относился к категории «смешение». Анализ строился в первую очередь на результатах чтения текста, который был для всех одинаковым. Выявленная тенденция произношения сравнивалась с артикуляцией [θ] и [s] в ходе свободной беседы. Стоит заметить, что у некоторых информантов тенденции произношения в процессе чтения текста и в процессе разговора менялись.

В процессе чтения 16 информантов (40%) склонялись к «seseo»; к этому числу можно добавить еще 10 человек (25%) с тенденцией к смешению (с преобладанием «seseo»). 9 участников опроса (22,5%) дифференцировали, а 5 (12,5%) – смешивали два варианта с преобладанием дифференциации. Таким образом, если разделить всех информантов на две большие группы, получится, что для 26 человек (65%) свойственен «seseo», а для 14 (35%) – различение [θ] и [s].

⁴ Хотя Г.В. Степанов [4, с. 125] отмечал, что в некоторых горных районах Перу наблюдается дифференциация [θ] и [s].

⁵ В силу того что они быстро уставали от чтения вслух, концовку текста им пришлось бы читать на фоне сильной усталости и потери концентрации, что неизбежно повлияло бы на результаты.

Если принять во внимание тенденции произношения, отмеченные в рамках свободных бесед, то количество информантов, которые не различают [θ] и [s] увеличится. Среди тех, кто при чтении текста относился к категории «чистых» «seseo» и дифференциации, никто не изменил свои языковые привычки в свободной беседе. Однако у 6 человек, которые смешивали оба варианта произношения при чтении, в разговоре был отмечен «seseo» в чистом виде. Можно предположить, что это связано с тем, что они воспринимают «seseo» как негативное явление и в более «официальном» контексте (запись чтения текста) стараются от него избавиться. Одна из информантов (26 лет, с высшим образованием) во время беседы не различала [θ] и [s]⁶, однако при чтении текста она перешла к тенденции «смешение (с преобладанием дифференциации)» (27 реализаций дифференциации и 11 – «seseo»). Кроме того, в 7 случаях у нее был отмечен «сесео», замена /s/ на /θ/. В данном случае «сесео» можно рассматривать как случай гиперкоррекции, вызванной желанием говорить на кастильском варианте испанского, противопоставленном в ее языковом сознании языку мужа и его семьи.

Изменения в свободной беседе по сравнению с чтением текста всегда наблюдаются в сторону увеличения доли «seseo». Принимая во внимание тенденции произношения в разговоре, можно отметить, что число информантов с «seseo» и со смешением (с преобладанием «seseo») возросло до 28 человек (70%).

При введении переменной «пол» выясняется, что «seseo» является характерным прежде всего для мужской речи. В процессе чтения «seseo» был отмечен у 10 информантов мужского пола (62,5% от участвовавших в опросе мужчин) и 6 информантов женского (25%). 3 участника опроса мужского пола склонялись к смешению с преобладанием «seseo», то есть «seseo» характерен для 13 мужчин (81%) и для 13 женщин (6+7), которые, при этом, составляют всего 54% от всех участников опроса женского пола. В то же время «чистая» дифференциация характерна всего для 2 мужчин (12,5%) и для 7 женщин (29%).

В свободной беседе возрастает количество информантов женского пола с «seseo». Если у мужчин изменения незначительны (11 человек, 68%), то среди женщин 5 участниц опроса изменили свои языковые привычки по сравнению с чтением текста (всего – 11 человек, 45%, вместе с теми, у кого наблюдается тенденция к смешению с преобладанием «seseo» – 15 человек, 62,5%).

Введя переменную «уровень образования», можно разделить информантов на две категории: с высшим образованием (30 человек) и со средним (средним профессиональным) (10 человек). К категории лиц со средним образованием также были отнесены 3 информанта-студента университета (с формальной точки зрения, у них еще нет диплома о высшем образовании).

Информанты с высшим образованием равномерно распределяются по всем 4 категориям (по результатам чтения): «seseo» (10 человек, 33% от тех, у кого есть высшее образование), смешение с преобладанием

«seseo» (7 человек, 23%), смешение с преобладанием дифференциации (5, 17%) и дифференциация (8, 27%), то есть 56% склоняются к «seseo», 44% – к дифференциации.

В свободной беседе «seseo» проявляется с большей частотой: в «чистом виде» он отмечается у 13 информантов с высшим образованием (43%), в то время как в общем 19 человек (63%) склоняются к «seseo».

Феномен «seseo» может быть отмечен как характерная черта участников опроса со средним образованием; при чтении он проявляется в «чистом виде» у 6 человек (60%), 3 (30%) смешивают с преобладанием «seseo», только один информант дифференцирует (10%). Еще более очевидной эта закономерность становится в разговоре: у 9 человек (90%) отмечается «чистый» «seseo», и только 1 (10%) сохраняет дифференциацию. Стоит заметить, что единственным дифференцирующим информантом из этой категории является студентка 19 лет, которая живет в Барселоне на протяжении 5 лет и имеет высокий уровень языковой компетенции в испанском.

Можно прийти к заключению, что уровень образования является ключевым фактором, определяющим особенности произношения информанта. Эта переменная связана с владением иностранными языками: 7 информантов со средним образованием (не принимая во внимание студентов) не говорят ни на каком иностранном языке, кроме испанского. Для их речи характерен «seseo». В то же время все участники опроса с высшим образованием указали, что обладают компетенцией в нескольких иностранных языках (чаще всего это испанский, каталанский и английский); 44% информантов этой категории дифференцируют [θ] и [s], то есть для них более характерно желание следовать кастильским нормам произношения.

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно отметить следующие закономерности:

1. Феномен «seseo» является одной из характерных черт испанского языка русскоязычных эмигрантов в Каталонии. Это явление проявляется в речи 70% участников опроса; только 22,5% информантов дифференцируют [θ] и [s] во всех коммуникативных ситуациях.

2. Речевое поведение некоторых информантов изменяется в зависимости от коммуникативной ситуации. Наблюдается тенденция к переходу от «seseo» к дифференциации [θ] и [s] в более «официальном» контексте.

3. Феномен «seseo» чаще встречается в мужской речи, чем в женской: он отмечен у 81% мужчин и только у 62,5% женщин. Такую же тенденцию наблюдает и Ф. Химено Менендес [12, с. 358].

4. «Seseo» чаще встречается в речи эмигрантов, не имеющих высшего образования: это явление отмечается у 90% информантов из этой категории. Среди участников опроса с высшим образованием «seseo» проявляется у 63% опрошенных, при этом 27% эмигрантов с высшим образованием всегда дифференцируют [θ] и [s].

Литература

1. Дышлевая, А.И. Курс испанского языка для начинающих / А.И. Дышлевая. – Санкт-Петербург: Перспектива, 2010. – 390 с.

⁶ Стоит заметить, что она замужем за боливийцем, и в ее речи наблюдается ряд черт, характерных для испанского языка Латинской Америки.

2. Нуждин, Г.А. Español en vivo. Учебник современного испанского языка / Г.А. Нуждин, К.М. Эстемера, Р.М. Лора-Тамайо. – Москва: Айрис Пресс, 2007. – 521 с.
3. Родригес-Данилевская, Е.И. Учебник испанского языка / Е.И. Родригес-Данилевская, А.И. Патрушев, И.Л. Степунина. – Москва: Черо, 2007. – 416 с.
4. Степанов, Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки / Г.В. Степанов. – Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1963. – 202 с.
5. Шишмарев, В.Ф. Очерки по истории языков Испании / В.Ф. Шишмарев. – Москва: Издательство ЛКИ, 2016. – 344 с.
6. Alexeeva, I. Curso inicial de fonética española para estudiantes rusos [Электронный ресурс] / I. Alexeeva // Actas del I Congreso internacional: El español, lengua del futuro. – Toledo, 20-23/03-2005. – Pp. 1-8. – Режим доступа: http://www.mecd.gob.es/dctm/redele/Material-RedEle/Numeros_%20Especiales/2005_ESP_05_ActasFIAPE/Comunicaciones/2005_ESP_05_12Alexeeva.pdf?documentId=0901e72b80e4cfac (дата обращения: 10.11.2016).
7. Alonso, D. Unidad y defensa del idioma / D. Alonso // Memoria del Segundo Congreso de Academias de la Lengua Española. – Madrid, 1956. – Pp. 33–48.
8. Badia i Margarit, A.M. Notes sobre el castellà parlat per catalans / A.M. Badia i Margarit // Llengua i cultura als Països Catalans. – Barcelona: Edicions 62, 1964. – Pp. 145–153.
9. Běnchik, V. De la escuela a la Universidad: continuidad en la enseñanza de las variedades diatópicas del español en Rusia [Электронный ресурс] / V. Běnchik // Actas de FIAPE. V Congreso internacional: ¿Qué español enseñar y cómo? Variedades del español y su enseñanza. – Cuenca, 2014. – Режим доступа: <http://www.mecd.gob.es/dctm/redele/Material-RedEle/Numeros%20Especiales/2015-v-congreso-fiape/comunicaciones/5.-de-la-escuela-a-la-universidad--benchikvioletta.pdf?documentId=0901e72b81ec6047> (дата обращения: 11.10.2016).
10. Diccionario panhispánico de dudas [Электронный ресурс] / Real Academia Española, 2005. – Режим доступа: <http://www.rae.es/diccionario-panhispanico-de-dudas> (дата обращения: 20.09.2016).
11. Fajardo, A. A. La norma lingüística del español desde una perspectiva lexicográfica: norma nacional versus norma panhispánica [Электронный ресурс] / A.A. Fajardo // Normas. Revista de Estudios Lingüísticos Hispánicos. – 2011. – № 1. – Pp. 53–70. – Режим доступа: https://www.uv.es/normas/2011/Fajardo_2011.pdf (дата обращения: 27.10.2016).
12. Gimeno Menéndez, F. El «seseo» valenciano de la comunidad de habla alicantina / F. Gimeno Menéndez // Anales de Literatura Española. – 1990. – № 1. – Pp. 345–362.
13. Institut d'Estadística de Catalunya [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.idescat.cat/es/> (дата обращения: 22.10.2016).
14. Marsá, G.F. Sobre concurrencia lingüística en Cataluña / G.F. Marsá // El castellano actual en las comunidades bilingües de España. – Salamanca: Junta de Castilla y León, 1986. – Pp. 93–104.
15. Moreno Fernández, F. Uso y reglas en ELE [Электронный ресурс] / F. Moreno Fernández // MarcoELE. – 2009. – № 9. – Pp. 213–219. – Режим доступа: http://marcoele.com/descargas/expolingua_1999.moreno-francisco.pdf (дата обращения: 27.10.2016).
16. Muráshkina, O. Problemas fonológicos en la enseñanza del idioma español para rusohablantes [Электронный ресурс] / O. Muráshkina // Cuadernos Iberoamericanos. – Moscú: MGIMO. – 2014. – № 2 (4). – Pp. 255–259. – Режим доступа: <http://mgimo.ru/upload/docs2/Murashkina.pdf> (дата обращения: 18.10.2016).
17. Navarro Tomás, T. Manual de pronunciación española / T. Navarro Tomás. – Madrid: Consejo superior de investigaciones científicas, 2004. – 326 p.
18. Reunión plenaria de Academias de la Lengua Española [Электронный ресурс] / En torno al Diccionario académico de americanismos, Sevilla, 2-6 marzo de 2009. – Режим доступа: http://www.rae.es/sites/default/files/Dossier_Diccionario_Americanismos.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
19. Sancho Pascual, M. Integración sociolingüística de los ecuatorianos en Madrid / M. Sancho Pascual. – Alcalá de Henares: Universidad de Alcalá, 2013. – 358 p.
20. Saussol, J.M. El «seseo»-«ceceo» hispánico y su enfoque en lingüística aplicada / J.M. Saussol // Studi in ricordo di Carmen Sánchez Montero. – Trieste: EUT Edizioni Università di Trieste, vol. 2, 2006. – Pp. 495–510.
21. Savchuk, E. Algunas reflexiones sobre qué español enseñar [Электронный ресурс] / E. Savchuk // Actas de la IV conferencia científica internacional de hispanistas (Moscú 2010). – Moscú: MGIMO, 2010. – Pp. 329–331. – Режим доступа: <http://mgimo.ru/upload/iblock/ebe/ebe36cfe83de1e98b8fab97a8943d733.pdf> (дата обращения: 23.10.2016).
22. Torres, A. Del castellano de 'un pequeño rincón' al español internacional / A. Torres // Normas: revista de estudios lingüísticos hispánicos. – 2013. – № 3. – Pp. 205–224.
23. Wesch, A. El castellano hablado de Barcelona y el influjo del catalán. Esbozo de un programa de investigación / A. Wesch // Verba, vol. 24, 1997. – Pp. 287–312.

A.A. Tereshchuk

THE PHENOMENON OF «SESEO» IN THE SPEECH OF THE MEMBERS OF THE RUSSIAN-SPEAKING EMIGRANTS IN CATALONIA

The article studies some characteristic features of pronunciation of the members of the Russian-speaking diaspora in Spain, in the autonomous community of Catalonia. Attention is paid to the occurrence of the phenomenon of «seseo» in the speech of the Russian emigrants of the first generation in Catalonia. The notion of «seseo» is specified and is also demonstrated as an example of Spanish discourse in some inhabitants of Catalonia. The impact of the Catalan language and dialects of Andalusia and Extremadura on the Spanish language in Catalonia is shown. The article gives consideration to the problem of pronunciation variety of Spanish when learnt as a foreign language by Russian students. It is established that there is a relation between this choice and the distribution of «seseo» in Spain and in Latin America. The article reviews different points of view concerning the choice between «seseo» and the differentiation of [θ] and [s] sounds during the process of learning Spanish as a foreign language. The research is based on the results of an inquiry in which 40 informants from the target group of Russian emigrants participated. The study of the pronunciation rests on the analysis of the audio recording of reading aloud a given text and of free theme conversations in Spanish. The tendency of the increase of the realizations of «seseo» in the free conversation is observed in comparison with the reading aloud. The results of the research show that «seseo» is a characteristic mostly of the man's speech than that of the women's. The influence of the education level on the frequency of realizations of «seseo» is also studied. It is shown that the speech of informants, who do not have university education, reveals domination of «seseo» while considerable amount of informants with university education differentiates using [θ] and [s] sounds.

«Seseo», language of Russian emigrants, teaching of Spanish language, Spanish language in Catalonia.

УДК 37.01

О.Л. Гузакова

Вологодский государственный университет

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА РУКОВОДИТЕЛЕЙ КАК УСЛОВИЕ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Изменение требований к образовательным организациям повышает значение управленческой культуры их руководителей. В статье рассмотрены основные составляющие управленческой культуры, их характеристики и роль в осуществлении деятельности организации. Определено место управленческой культуры руководителей в структуре организационной культуры образовательных учреждений. Охарактеризован процесс формирования управленческой культуры в системе профессионального образования, приведены другие способы ее развития.

Управленческая культура, правовая культура, экономическая культура, информационная культура, коммуникативная культура.

Российская экономика характеризуется постоянными преобразованиями в различных сферах деятельности, что приводит к росту неопределенности условий, в которых функционируют организации. Ведущую роль в обеспечении стабильного развития и повышении конкурентоспособности образовательного учреждения играет его руководство, которое в непрерывно изменяющихся условиях должно использовать различные возможности, предоставляемые внешней средой, выявлять риски и управлять ими для повышения эффективности деятельности. Усиление влияния факторов внешней среды, перенос ответственности за качество образования непосредственно на образовательную организацию, вызывают потребность развития у ее руководителей управленческой культуры, под которой понимаются условия и традиции управления, совокупность ценностей, норм, точек зрения и идей, формирующих определенный тип поведения менеджера [6]. Управленческая культура представляет собой способ выражения взглядов руководителя в разнообразных видах управленческой деятельности.

Рассматриваемая категория является сложным, многоаспектным понятием, что приводит к выделению учеными в структуре управленческой культуры различных составляющих.

Так, В.А. Сластенин в состав управленческой культуры включает аксиологический, технологический и личностно-творческий компоненты [13]. По его мнению, аксиологический аспект представлен совокупностью управленческих ценностей, в которые входят усвоенные руководителем идеи и концепции управления, востребованные в процессе управления. Технологический компонент содержит принципы, функции и методы управления образовательным учреждением. Личностно-творческий компонент управленческой культуры менеджера раскрывает творческую составляющую управления организацией, опре-

деляемую как личностными особенностями руководителя, так и спецификой объекта управления. Такая группировка, на наш взгляд, разносторонне характеризует различные аспекты управленческой культуры, но является очень общей и требует дополнительной детализации.

Подробную градацию компонентов управленческой культуры руководителей образовательной организации провела Н.Н. Агапова, включив в их состав:

- 1) успешность в реализации административно-управленческих функций;
- 2) культуру принятия управленческого решения;
- 3) развитие инновационной деятельности, управление;
- 4) профессионально-педагогическую культуру руководителя;
- 5) социально-психологическую культуру руководителя (создание творческого педагогического коллектива);
- 6) мотивирование коллектива;
- 7) создание благоприятного психологического климата в коллективе;
- 8) культуру общения руководителя;
- 9) деловые и личностные качества руководителя [1].

При этом в число элементов управленческой культуры оказались включены как различные управленческие функции, выполняемые руководителем (пп. 3, 6 и 7), виды культуры (пп. 2, 4, 5 и 8), так и характеристики личности самого руководителя (пп. 1 и 9). Во избежание смешения понятий целесообразно выделить разные уровни детализации рассматриваемой категории, проведя соответствующую группировку элементов.

На наш взгляд, целесообразно охарактеризовать управленческую культуру как совокупность различных форм, таких как правовая, экономическая, информационная, коммуникативная культура и некото-

рые другие, наличие которых у специалистов и руководителей организаций обеспечивает целостность их мировоззрения и системность управления. Рассмотрим подробнее эти формы.

Правовая культура личности состоит не только в знании законов и умении пользоваться ими в практической деятельности, но и в уважении правовых норм и неукоснительном их соблюдении. Руководителю необходимо быть в курсе всех изменений законодательства в сфере образования для своевременной разработки и обновления базы локальных нормативных актов образовательной организации, а также для контроля их исполнения.

Экономическую культуру можно охарактеризовать как систему ценностей и мотивов хозяйственной деятельности, совокупность социальных институтов, обеспечивающих воспроизводство экономической жизни общества. Экономическая культура определяет особенности трудовой и предпринимательской деятельности, формирует модели экономического поведения различных субъектов. Она включает в себя экономическую грамотность, предполагающую знание основных категорий и закономерностей, умение анализировать информацию о процессах, протекающих в народном хозяйстве страны, способность ориентироваться в современной экономической ситуации, а также определять возможные последствия реализации принятых решений в условиях ограниченности ресурсов, необходимости их эффективного использования. Экономические знания позволяют выявлять потребности и мотивы различных участников экономических отношений: сотрудников организации, партнеров, конкурентов и др. Экономическая культура формирует понимание свободы как возможности выбора в сочетании с ответственностью личности за результаты принятого решения, что является основой одного из важнейших принципов менеджмента: власть в сочетании с ответственностью.

Под информационной культурой понимают оптимальные способы обращения со знаками, данными, информацией и представление их заинтересованному потребителю для решения теоретических и практических задач; механизмы совершенствования технических средств производства, хранения и передачи информации; развитие системы обучения, подготовки человека к эффективному использованию информационных средств и информации [5]. Информационная культура руководителя включает владение информационными технологиями, умение работать с документами, находить, обрабатывать и анализировать информацию, создавать эффективную систему документооборота в организации, в т.ч. электронного.

Большое значение для менеджера имеет уровень развития коммуникативной культуры, которая влияет на стиль его общения с подчиненными, определяет эффективность взаимодействия между руководителем и другими сотрудниками организации, а также представителями других организаций и органов власти; оказывает значительное влияние на оценку его личности окружающими, смягчая или обостряя проблемы взаимоотношений.

Культура организации труда менеджера включает соблюдение норм и правил, определяющих структуру и порядок деятельности организации, распределение обязанностей и полномочий между сотрудниками и функциональными подразделениями. К организационным умениям и навыкам относятся: осуществление кадровой политики, постановка задач и доведение их до исполнителей, контроль исполнения решений и др. Существенную роль играет умение руководителя эффективно организовать свою собственную деятельность, планировать личную работу, сформировать систему самоконтроля. Наличие у менеджера указанных навыков позволяет ему эффективнее использовать собственные ресурсы и больше времени уделять функциональным обязанностям.

Личная культура руководителя включает в себя уровень квалификации, этические нормы, внешний вид, форму обращения к подчиненным, стиль управления и т.п.

Любое предприятие или учреждение, существующее достаточно продолжительный срок, обладает собственной организационной культурой, которая охватывает совокупность обычаев, традиций, норм и правил поведения, сложившихся в данной организации. Важной составляющей корпоративной культуры современного образовательного учреждения является инклюзивная культура, подразумевающая успешную интеграцию разнообразных людей в трудовую и учебную деятельность на основе уважения, равенства и позитивного признания различий, что способствует сотрудничеству всех участников для достижения общих целей [14], повышая эффективность их взаимодействия. В обязанности руководителя входит распределение заданий между подчиненными, контроль трудовой дисциплины, обеспечение повышения производительности труда и т.д. Эта деятельность может вступать в противоречие с интересами сотрудников или их групп, что приводит к появлению конфликтов, скрытому или явному сопротивлению работников проводимым изменениям. Поэтому управленческая культура руководителей играет важную роль в формировании и развитии организационной культуры, в значительной степени определяя состояние последней.

Изменение значения управленческой культуры «от служебного элемента корпоративной и организационной культуры – к признанию ее доминирующей роли» [3, с. 169] связано с процессами, происходящими в мировой экономике и современном российском обществе, с усилением неопределенности в развитии образовательной организации, обострением конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг. Рост уровня образования работников, являющийся основой для повышения уровня их квалификации, профессиональной мобильности, качества труда [8, с. 61] и демократизации управления, ориентация на конечные результаты деятельности организации и достижение стратегических целей способствуют трансформации управленческой культуры. Ее изменение заключается в переходе от ориентированности менеджеров на функциональную структуру к управлению, основанному на принципах процессного и проектного подходов, командной работе.

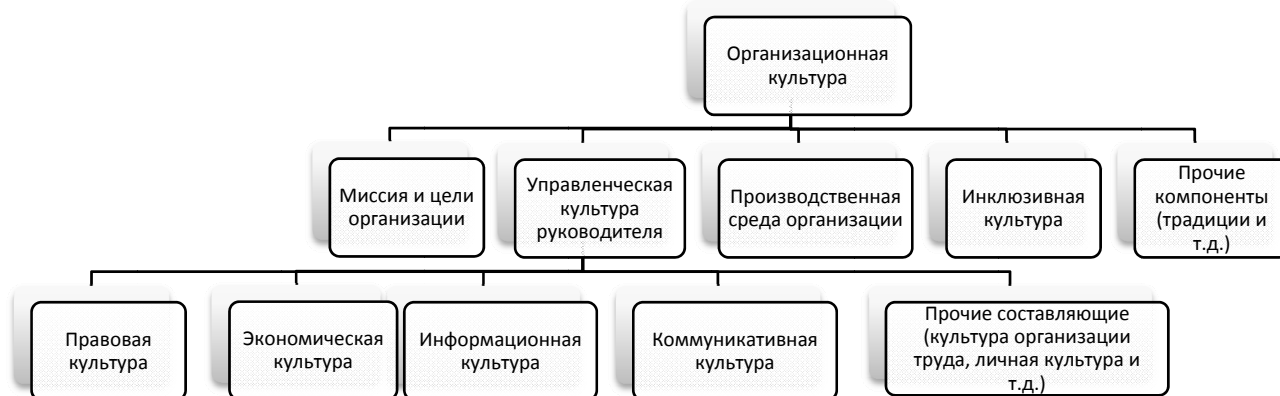

Рис. Взаимосвязь управленческой культуры руководителя с другими компонентами культуры образовательной организации

Все шире среди руководителей образовательных организаций распространяется инновационный тип управленческой культуры, ориентированный на восприятие и внедрение нововведений, экономическую эффективность, понимание социальной роли организации, создание условий для развития и самореализации сотрудников в рамках строго структурированной управленческой системы [4].

Управленческая культура взаимосвязана с другими элементами производственной культуры. Представленная на рисунке схема определяет место управленческой культуры руководителей в общей системе культуры организации, не претендуя на полноту охвата взаимосвязей.

Новые тенденции в развитии сферы образования, включающие обострение конкуренции на рынке образовательных услуг, глобализацию, способствующую сближению национальных образовательных систем разных стран, усиление внимания государства и общества к качеству образования, повышение финансовой самостоятельности образовательных организаций различных уровней, изменение структуры профессионального образования, коммерциализацию результатов научной деятельности и пр. [7; 15] предъявляют повышенные требования к уровню развития управленческой культуры руководителей образовательных организаций. От квалификации менеджеров зависят как устойчивость функционирования, так и перспективы роста возглавляемых ими организаций, поэтому управленческую культуру можно рассматривать как один из факторов повышения эффективности деятельности и конкурентоспособности образовательной организации.

Формирование управленческих компетенций и отдельных составляющих управленческой культуры является результатом совокупного воздействия различных видов, форм и методов работы, включая общественную деятельность, проведение различных конкурсов, конференций, получение производственного опыта непосредственно на предприятии, например, в процессе делегирования полномочий вышестоящими руководителями и самостоятельного выполнения специалистами управленческих задач. Ведущую роль в становлении руководителя играет система профессионального образования, сочетающая

образовательный процесс, научные исследования [12], другие виды внеучебной деятельности, что позволяет создать в образовательной организации благоприятные условия для целенаправленного формирования управленческой культуры.

Использование компетентностного подхода способствует переходу от запоминания теоретических основ менеджмента к формированию способности и готовности на практике реализовать полученные знания в области эффективных коммуникаций, управления персоналом, проектного менеджмента, психологии и конфликтологии, правового и экономического обеспечения деятельности образовательной организации и т.п. Методика преподавания большинства управленческих дисциплин состоит в сочетании традиционных и активных (интерактивных) методов обучения, таких как тренинги, разбор деловых ситуаций (кейс-метод), разработка комплекта управленческой документации, подготовка и презентация проектов. Использование указанных методов позволяет обеспечить индивидуализацию обучения, предполагающую «организацию учебного процесса, основанную на индивидуальных особенностях педагога и обучающегося, обеспечивающую формирование системы знаний, умений и навыков, овладение которыми будет способствовать всестороннему развитию личности студента, а также приобретению им профессиональной квалификации в соответствии с потребностями рынка труда» [2, с. 133]. Внедрение в образовательный процесс дистанционных технологий позволяет получить «квалифицированного специалиста, готового к работе в корпоративных информационных сетях и онлайн-библиотеках, не требующего дополнительного времени на переподготовку и доучивание» [11], а также заложить основу формирования информационной культуры будущего руководителя.

Дальнейшее развитие управленческой культуры происходит в процессе практической деятельности специалистов на различных руководящих должностях, требующих применения тех или иных управленческих навыков, при прохождении дополнительного профессионального образования, в том числе в результате самообразования. Не случайно в квалификационных характеристиках должностей работников образования, а также руководителей и специалистов

высшего профессионального и дополнительного профессионального образования указано на необходимость наличия у руководителей образовательных организаций различного уровня высшего профессионального образования по направлениям подготовки «Государственное и муниципальное управление», «Менеджмент», «Управление персоналом» (или высшего и дополнительного профессионального образования в области государственного и муниципального управления, управления персоналом, управления проектами, менеджмента и экономики) и стажа работы на педагогических (руководящих) должностях не менее 5 лет [9; 10].

Таким образом, управленческая культура руководителей представляет собой совокупность различных форм, являющихся составными элементами мировоззрения менеджеров. Управленческая культура не является чем-то застывшим и неизменным, в настоящее время она динамично развивается под влиянием как непрерывных изменений внешней и внутренней среды образовательных организаций, так и инноваций в процессе профессионального основного и дополнительного образования.

Литература

1. Агапова, Н.Н. Управленческая культура руководителя дошкольной организации [Электронный ресурс] / Н.Н. Агапова. – URL: <http://nsportal.ru/detskiy-sad/upravlenicdou/2014/06/20/upravlencheskaya-kultura-rukovoditelya-doshkolnoy-organizatsii> (дата обращения: 19.09.2016).
2. Боровая, С.Л. Проблемы индивидуализации обучения в российских вузах / С.Л. Боровая // Образовательная среда сегодня: стратегии развития. – 2016. – № 1 (5). – С. 133–135.
3. Васьков, М.А. Современные тенденции трансформации управленческой культуры крупных коммерческих организаций юга России в контексте региональной социокультурной специфики / М.А. Васьков // Вестник института социологии. – 2012. – № 2 (5). – С. 164–178.
4. Васьков, М.А. Эволюция и современное состояние управленческой культуры российского менеджмента [Электронный ресурс] / М.А. Васьков // Современный менеджмент: опыт прошлого и перспективы будущего: монография / [авт. кол. : Васьков М.А., Фадеева И.Г., Сапицкая И.К. и др.]. – URL: <http://www.sworld.com.ua/simpoz4/138.pdf> (дата обращения 19.09.2016).
5. Взгляд в информационное общество [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.fio.vrn.ru/2005/6/4.htm> (дата обращения: 03.05.2016).
6. Веденеева, А.Н. Управленческая культура государственных и муниципальных служащих как условие эффективности муниципального управления [Электронный ресурс] / А.Н. Веденеева, Т.Г. Чемерская // Современные научные исследования и инновации. – 2012. – № 2. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2012/02/7678> (дата обращения: 31.03.2016).
7. Гузакова, О.Л. Тенденции развития высшего профессионального образования в Российской Федерации / О.Л. Гузакова // Интеграция в формате Союзного государства как основной инструмент реализации стратегии безопасности России и Беларуси: материалы IX заседания Межакадемического совета России и Беларуси по проблемам развития Союзного государства: в 2 ч. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. – С. 558–566.
8. Гузакова, О.Л. Уровень образования и предпринимательская активность домохозяйств как факторы экономического роста: монография / О.Л. Гузакова, С.Н. Фурсик. – Вологда: ВГПУ, 2008. – 99 с.
9. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников образования» [Электронный ресурс]: утв. приказом Минздравсоцразвития РФ от 26.08.2010 № 761н (ред. от 31.05.2011). – Режим доступа: справ.-правовая система «Консультант-Плюс».
10. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей руководителей и специалистов высшего профессионального и дополнительного профессионального образования» [Электронный ресурс]: утв. приказом Минздравсоцразвития РФ от 11.01.2011 № 1н. – Режим доступа: справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
11. Кубракова, А.А. Разработка системы организации дистанционного обучения в высшем учебном заведении / А.А. Кубракова // Петербургский экономический журнал. – 2016. – № 1. – С. 54–60.
12. Оботурова, Г.Н. Образование через науку как инновационная модель формирования креативной личности общества знания / Г.Н. Оботурова, Н.А. Ястреб, В.А. Оботуров, М.В. Гузакова // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – № 11 (2). – С. 82–89.
13. Сластенин, В.А. Педагогика: учебник по дисциплине «Педагогика» для вузов по педагогическим специальностям / В.А. Сластенин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластенина. – Москва: Академия, 2008. – 576 с.
14. Тихомирова, Е.Л. Ценности инклюзивной культуры школы как гетерогенной организации / Е.Л. Тихомирова, Е.В. Шадрова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21. – № 4. – С. 10–15.
15. Тулина, Т.М. Направления коммерциализации деятельности в вузе / Т.М. Тулина // Ученые записки ИУО РАО. – 2016. – № 59. – С. 142–146.

O.L. Guzakova

MANAGEMENT CULTURE OF ADMINISTRATORS AS A CONDITION OF INCREASING ACTIVITY EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Changes in requirements for educational institutions increase the importance of management culture among their heads. The article deals with the basic components of management culture, their characteristics and role in activity of institutions. The author identifies the place of management culture in the structure of the organizational culture of educational institutions, emphasizes the formation process of management culture in the professional education system and represents other ways of its development.

Management culture, legal culture, economic culture, information culture, communicative culture.

О.Л. Леханова, А.В. Селина
Череповецкий государственный университет

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С ЗАДЕРЖКОЙ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье представлены методические рекомендации по формированию социальных компетенций детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития. Определены цели, направления, этапы, принципы работы. Раскрыты организационные и содержательные аспекты работы по формированию социальной компетентности на специальных занятиях. Описана структура специальных занятий. В статье доказывается, что коррекционно-педагогическая деятельность должна носить комплексный характер и осуществляться не только на специальных занятиях, но и в ходе организации повседневной жизни ребенка в ДОУ и в семье. Предложен общий план мероприятий по формированию социальных компетенций у дошкольников с задержкой психического развития. В качестве выводов определено, что организация непосредственной деятельности детей является одним из способов решения задачи, обозначенной в федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования как формирование общей культуры личности, в том числе и формирование социальных компетенций дошкольников.

Социальная компетентность, дошкольный возраст, задержка психического развития.

Одним из приоритетных направлений модернизации специального образования признан компетентностный подход к построению инклюзивной модели образования для детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Компетентностный подход предполагает переход от знаниевой модели передачи опыта к практико-ориентированной, поведенческой. Идея ориентации на подготовку детей с ОВЗ к жизни в социуме и взаимодействию с ним, особенно в системе инклюзивного образования, предъявляет особые требования к уровню социальных компетенций [1].

В результате проведенного исследования мы установили, что старшие дошкольники с задержкой психического развития (ЗПР) в большинстве (67%) не способны к эмпатии, просоциальному поведению, не имеют навыков распознавания эмоциональных состояний другого человека. Вместе с тем для детей с ЗПР накопление эмоциональных образов, а в старшем дошкольном возрасте – развитие эмоционального контроля – являются важнейшей предпосылкой компенсации имеющихся у них отклонений.

Результаты констатирующего эксперимента и данные, полученные в ходе анализа психолого-педагогической литературы, позволили определить цель работы по формированию социальных компетенций у старших дошкольников с ЗПР.

Целью методических рекомендаций для детей старшего дошкольного возраста с ЗПР явилось формирование у них основных компонентов социальной компетентности. Исходя из результатов констатирующего исследования и данных психолого-педагогической литературы, были определены три взаимосвязанных направления коррекционно-развива-

ющей работы: формирование когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов социальной компетентности.

Процесс целенаправленного формирования социальной компетентности, на наш взгляд, должен носить комплексный характер. В этой связи указанные направления могут быть реализованы только при осуществлении всестороннего взаимодействия с ребенком. Коррекционно-педагогическая работа должна проходить и на специальных занятиях, направленных на формирование социальной компетентности, и в ходе занятий, предусмотренных основной программой, и в процессе повседневной жизни ребенка в ДОУ и в семье.

При подготовке методических рекомендаций мы использовали существующие в современной литературе методические разработки [2, 3, 4, 9].

Главными принципами, которые должны соблюдаться при работе с детьми с ЗПР при формировании социальных компетенций, являются следующие: проектирование ситуаций успеха, представление ребенку права выбора, права на ошибку, права на ежедневную радость.

Проектирование ситуаций успеха. Основной задачей взрослых должна стать всесторонняя помощь детям в раскрытии их потенциальных возможностей. Важно способствовать достижениям детей, создавая ситуации успеха в разных видах деятельности, и проживать победу с каждым ребенком. От этого зависит эффективность воспитания и обучения.

Представление ребенку права выбора. Необходимо предоставлять максимально полную возможность выбора жизненного «сценария» через раскрытие перед ребенком мира человеческих отношений во всей сложно-

сти и противоречивости, выделение из взаимодействий между людьми тех, которые ведут к успеху.

Право на ошибку. Традиционная система российского образования держится на страхе перед ошибками. Ребенку стоит разъяснить, что через ошибки приходит опыт и знания. Ошибок не нужно бояться.

Право на ежедневную радость: дети ожидают ярких, радостных событий. Нужно обеспечить детям возможность интересно и радостно проживать каждый день со сверстниками и взрослыми, наполнить время пребывания в объединении любимыми видами детской деятельности.

Специальные занятия, нацеленные на формирование социальной компетентности, должны проводиться психологом 1–2 раза в неделю. Психолого-педагогические условия формирования социальной компетентности предполагают, что, во-первых, необходима частая смена видов деятельности на занятии для профилактики переутомления. Во-вторых, в ходе занятий нужно использовать как можно больше наглядности, яркий по своей форме дидактический материал с целью привлечения внимания ребенка. Также следует понимать, что игровой мотив остается ведущим для старшего дошкольника с ЗПР, это обуславливает необходимость использования игровых методов и приемов в процессе формирования социальной компетентности.

Атмосфера доброжелательности, вера в силы ребенка, индивидуальный подход, создание каждой ситуации успеха необходимы для их нормального психологического состояния.

Формирование социальной компетентности на специальных занятиях включает три этапа: подготовительный, основной, заключительный. На каждом этапе ставится свой блок задач.

Задачи *подготовительного этапа* ориентированы на создание безопасной атмосферы психологического комфорта, формирование мотивации на участие в занятиях.

Задачи *основного этапа* связаны с формированием всех компонентов социальной компетентности (когнитивного, эмоционального, поведенческого); при этом необходимо обращать внимание на развитие тех умений, которые недостаточно сформированы у детей с ЗПР [5,7].

Когнитивный компонент:

- формирование способности к адекватной оценке своих возможностей и своего поведения;
- развитие способности понимания и оценки поведения других людей;
- формирование способности ориентироваться в проблемной ситуации и искать конструктивные пути выхода из нее.

Эмоциональный компонент:

- эмоциональное развитие ребенка (формирование умения распознавать чувства и эмоции собственные и других людей);
- формирование навыков просоциального поведения.

Поведенческий компонент:

- формирование способности выбирать линию поведения, соответствующую принятым в обществе нормам и правилам;

- формирование способности к регуляции поведения, подчинение его общественно значимым мотивам.

Задачи *заключительного этапа* связаны с закреплением полученных в ходе работы знаний, умений, навыков.

Предлагаемая коррекционно-развивающая работа по формированию социальной компетентности дает возможность формировать у детей знания о социальных нормах, нормах поведения; интенсивно развивать способность ребенка осознавать собственные чувства и эмоции, чувства и эмоции других людей; формировать способность адекватно реагировать в сложных ситуациях; использовать эффективные формы взаимодействия с окружающими и т.д.

На наш взгляд, целесообразно проводить коррекционные занятия, включающие 4–6 игр и заданий для детей. Занятия могут иметь следующую структуру.

Вводная часть – приветствие, обязательный тактильный контакт, ободряющая улыбка, упражнения на мышечную релаксацию. Детям сообщается, чему будет посвящено занятие.

Основная часть занимает 3/4 времени занятия. Как правило, это 2–3 игровых упражнения. Обязательно должно учитываться общее состояние детей. Не следует оставлять без внимания проявления повышенной утомляемости.

Заключительная часть – подведение итогов занятия, рефлексия на то, что было на занятии, и обеспечение плавного перехода из мира фантазий и игры в мир реальности и обязанностей. На этом этапе занятия также обязательны тактильный контакт, визуальный контакт «глаза в глаза», коммуникация с ребенком. Заключительная часть занятия играет важную роль в формировании позитивной системы «взрослый – ребенок» и, прежде всего, отношений доверия и взаимопонимания.

Рассмотрим более подробно содержание коррекционно-развивающей работы в соответствии с выделенными этапами и направлениями работы.

1 этап работы – *подготовительный* – создание у детей эмоционально-положительного отношения к занятиям, формирование мотивации на участие в занятиях.

Эмоционально-положительное отношение детей к занятиям – необходимое условие эффективности работы по формированию социальной компетентности. По отношению к детям с ЗПР это положение особенно актуально.

В ходе решения задач данного этапа происходит формирование мотивации детей с ЗПР на дальнейшую работу.

2 этап работы – *основной* – формирование социальной компетентности.

В связи с тем, что практический аспект проблемы формирования у детей социальной компетентности остается слабо разработанным в настоящее время, мы предлагаем работать по следующим направлениям:

- формирование когнитивного компонента социальной компетентности;
- формирование эмоционального компонента социальной компетентности;
- формирование поведенческого компонента социальной компетентности.

1 направление работы – формирование когнитивного компонента социальной компетентности.

Социальная компетентность не может существовать без соответствующих знаний ребенка о самом себе, собственных возможностях, об обществе, о правилах поведения и социальных нормах. Ребенку необходимо быть способным к всестороннему анализу складывающихся в процессе жизнедеятельности ситуаций, уметь «видеть» внутренние причины поступков и отношений людей.

Как нам удалось установить в ходе анализа литературы и в результате экспериментального исследования, у детей с ЗПР недостаточно сформированы знания и представления о социальных нормах, они не могут адекватно оценить собственные возможности, проанализировать сложившуюся ситуацию и выбрать конструктивный способ решения.

В связи с этим, на наш взгляд, в рамках данного направления необходимо:

1. формирование представлений детей о самом себе, развитие у них способности к адекватной самооценке;
2. формирование знаний и представлений в сфере социальных отношений;
3. формирование знаний норм и правил поведения, способности оценить собственные поступки и поступки других с точки зрения социальной нормы.

Можно сказать, что основной целью формирования когнитивного компонента социальной компетентности должно стать формирование у ребенка с ЗПР определенных знаний, которые в дальнейшем лягут в основу его поведения в социуме.

2 направление работы – формирование эмоционального компонента социальной компетентности.

Вовлечение эмоций в деятельность – необходимое условие успешной жизни ребенка в обществе. Благодаря умению распознавать собственные эмоции и эмоции других людей, создается возможность поиска наиболее эффективных форм взаимодействия с окружающими, развивается способность к эмпатии, формируются предпосылки для умения встать на сторону партнера по взаимодействию, посмотреть на ситуацию его глазами.

Исходя из вышесказанного, в формировании эмоционального компонента социальной компетентности необходимо:

1. Эмоциональное развитие ребенка с ЗПР, которое включает в себя:

- способность распознавать собственные эмоции и эмоции других людей;
- способность выражать собственные эмоции;
- способность адекватно реагировать на эмоции других людей.

2. Формирование навыков просоциального поведения, а именно навыков действий в пользу другого, основанных на способности к вчувствованию, состраданию, сопереживанию, эмпатии.

3 направление работы – формирование поведенческого компонента социальной компетентности.

Поведение является внешним проявлением социальной компетентности ребенка. Оно отражает степень осознанности социальных знаний и позволяет судить о том, насколько эти знания влияют на деятельность ребенка.

Поведение должно отвечать социальным нормам, не причинять неудобств окружающим, содержать в себе эффективные способы общения с другими людьми и способствовать удовлетворению собственных потребностей.

3-й этап работы – **заключительный** – закрепление полученных знаний и умений.

Полученные в ходе психолого-педагогической работы знания и умения ребенок должен научиться использовать в процессе своей жизнедеятельности. Это обуславливает целесообразность проведения нескольких занятий, закрепляющих полученные знания и умения.

Рекомендации для педагогов, работающих с детьми (дефектологов и воспитателей)

Процесс формирования социальной компетентности должен носить всесторонний характер. В связи с этим, психолого-педагогическая работа должна осуществляться не только на специальных занятиях, но и в ходе занятий, предусмотренных основной программой, в ходе повседневной жизни ребенка в ДОУ.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что режим детского сада, должен быть наполнен содержательной деятельностью и общением. Это способствует развитию духовного мира ребенка. Решая данную задачу, педагог создает благоприятную почву для формирования положительных черт характера и нравственных качеств личности. Необходимо сочетание методов нравственного воспитания с игровыми приемами.

Используя нравственно направленные методы воспитания, педагог формирует этически понятную культуру поведения в общественных местах, культуру взаимоотношений, культуру речи, культуру внешнего вида. Игровые приемы, используемые воспитателем и вызывающие у детей положительные эмоции, обеспечивают более высокую восприимчивость ребенком нравственных правил поведения. Педагог ненавязчиво вырабатывает интеллектуально-эмоциональное отношение детей к конкретным правилам общественного поведения, закрепляет их в опыте, побуждает ребенка к доброжелательным действиям.

Необходимо стремиться использовать методы, дающие место для творчества, что позволяет включать эмоции в процесс социального развития и делать процесс формирования социальной компетентности более продуктивным.

У детей старшей группы необходимо активно и последовательно формировать дружеские взаимоотношения, привычку играть и заниматься сообща, умение подчиняться требованиям, в своих поступках следовать примеру хороших людей, положительным, героическим персонажам известных художественных произведений.

Необходимо создавать и поддерживать социокультурную предметно-пространственную развивающую среду, которая бы включала предметы, вещи, образы, знаки, символы, отражающие культуру поколений разных народов и опыт, знания и умения, накопленные человечеством, а также отношение личности к ценностям, труду, творчеству, миру в целом.

Педагогам необходимо постоянно повышать собственную профессиональную подготовленность в области формирования социальной компетентности детей.

Необходимым условием эффективности процесса формирования социальной компетентности у дошкольников с ЗПР является участие семьи.

Литература

1. Селина, А.В. Результаты эмпирического исследования сформированности уровня социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития / А.В. Селина // *Общественные науки: Всероссийский научный журнал*. – Москва. – 2011. – № 4. – С. 195–201.
2. Денисова, О.А. Социальное развитие детей с ограниченными возможностями здоровья: угрозы и перспективы решения в региональном контексте [Электронный ресурс] / О.А. Денисова, О.Л. Леханова // *Научный электронный архив*. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-puti-prognozirovaniya-ugroz-sotsialnogo-razvitiya-detey-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya> (дата обращения: 11.10.2016).
3. Леханова, О.Л. Проект диагностики сформированности социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с нарушением в развитии / О.Л. Леханова, А.В. Селина // *Воспитание и обучение детей младшего возраста: материалы V Международной научно-практической конференции*. – Москва, 2015.
4. Малофеев, Н.Н. Специальный федеральный государственный стандарт общего образования детей с ограниченными возможностями здоровья: основные положения концепции / Н.Н. Малофеев, Е.Л. Гончарова, О.С. Никольская, О.И. Кукушкина // *Дефектология*. – 2009. – № 1. – С. 5–18.
5. Проект исследования формирования социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования / А.В. Селина, О.Л. Леханова // *Череповецкие научные чтения – 2015: материалы VII Всероссийской научно-практической конференции*. – Череповец, 2015.
6. Селина, А.В. Методологическое обоснование проблемы формирования социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования [Электронный ресурс] / А.В. Селина // *Студенческий научный форум: материалы VIII Международной студенческой электронной научной конференции*. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/1623/21284> (дата обращения: 11.10.2016).
7. Селина, А.В. Формирование социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития на занятиях по физической культуре как условие успешного включения в инклюзивное пространство [Электронный ресурс] / А.В. Селина, О.Л. Леханова. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/19444.pdf> (дата обращения: 11.10.2016).
8. Селина, А.В. Актуальность формирования социальных компетенций детей старшего дошкольного возраста с задержкой психического развития в аспекте инклюзивного образования / А.В. Селина // *Актуальные проблемы коррекционной педагогики и специальной психологии: материалы IX Международной научно-практической конференции*, 26–27 ноября, 2015 г. – Череповец, 2015.
9. Селина, А.В. Проект диагностики сформированности социальных компетенций у детей старшего дошкольного возраста с нарушением в развитии / А.В. Селина // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. – 2016. – Т. 11.
10. Селина, А.В. Специальное дошкольное образовательное учреждение для детей с задержкой психического развития как ресурсный центр по реализации программы подготовки к инклюзивному образованию в массовой общеобразовательной школе / А.В. Селина. – Казань, 2016.

O.L. Lekhanova, A.V. Selina

METHODICAL RECOMMENDATIONS ON SOCIAL COMPETENCE FORMATION OF PRESCHOOL CHILDREN WITH MENTAL DEVELOPMENTAL DELAYS

The article presents methodical recommendations on the formation of the social competence of preschool children with mental developmental delays. The goals, directions, stages, and principles of this work are defined. The organizational and substantial aspects of the work on formation of social competence in special classes are shown, as well as the structure of special classes. This article argues that the correctional-pedagogical activity needs to be integrated and to be implemented not only in special classes but also in the everyday life of the child in preschool educational institutions and in the family. The general schedule of activity on formation of social competence in preschool children with mental developmental delay is given in the article. In conclusion, it was determined that the organization of the activity with these children is a way of solving the problem indicated in the Russian Federal State Educational Standard of Preschool Education as the formation of general culture of personality, including the formation of social competence of preschool children.

Social competence, preschool age, mental retardation.

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

**«ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ПЕШКОВСКОГО В ЮНОСТИ.
ТЕМА ОЧЕНЬ БЛАГОДАРНАЯ...»
(ОПЫТ ВОССОЗДАНИЯ ПОРТРЕТА ИЗВЕСТНОГО УЧЕНОГО)**

В статье на основе новых данных и архивных материалов раскрывается биография первых десятилетий жизни и деятельности известного российского лингвиста и методиста А.М. Пешковского (1878–1933), когда начинающий ученый занимался поисками своего духовного пути и профессионального предназначения, проходил через личные испытания в противоречивых обстоятельствах жизни страны конца 1890-х гг. По воспоминаниям и записям его гимназического друга М.А. Волошина описываются детские годы А.М. Пешковского, мы воссоздаем атмосферу, царившую в то время, его увлечения, особенности характера и психологии формирующейся личности, в которой уже в молодые годы было много неординарного. Раскрываются также обстоятельства, связанные с отчислением А.М. Пешковского из Императорского Московского университета, и его дальнейшая судьба. В данной статье биография А.М. Пешковского доводится до момента его возвращения из-за границы, куда он вынужден был уехать после участия в забастовке студентов в Москве. Эта часть его жизнеописания оставалась до последнего времени неизвестной читательской аудитории и была восстановлена по фактам, письмам, мемуарам и редким документальным свидетельствам современников А.М. Пешковского.

История науки, языковая личность, биография, психологизм, культура и образование в дореволюционной России.

Об Александре Матвеевиче Пешковском – незаурядном филологе и педагоге – написано немало работ (см., напр., [1; 4; 5; 6]), а его методические эксперименты, осуществленные на заре «лингвистического века», уже давно стали частью нашей истории – филологической т р а д и ц и е й. В жизни и трудах ученого есть немало общего: он одинаково долго, не без личных переживаний и раздумий, шел к своей цели в науке и весь жизненный опыт пытался реализовать в педагогическом творчестве; он был верен традициям Московской школы, и человеческая практика подсказывала ему, как следует жить в науке, каких критериев придерживаться, чему и кому служить. С ранних лет А.М. Пешковский находился под перекрестным огнем то обстоятельств, которые заставили его в юношеские годы немало скитаться по Европе, то – позднее – критики. Он не принадлежал только XIX веку, когда происходило становление его личности, и к XX столетию с его бесконечными шатаниями, поисками и идеологическими штампами – он нашел свой подход, выделился из вереницы канувших в лету педагогов и методистов.

Как происходило становление удивительной и неповторимой личности А.М. Пешковского? В каких баталиях закалялся его характер? Каков был человеческий облик будущего ученого в самые ранние годы? Эти и некоторые другие вопросы ставит автор в данной статье, открывающей во многом новые факты биографии А.М. Пешковского.

* * *

Сквозь сеть алмазную зазеленел восток.
Вдаль по земле таинственной и строгой
Лучатся тысячи тропинок и дорог.
О, если б нам пройти чрез мир одной дорогой!
М. Волошин (1914 г.)

Александр Матвеевич Пешковский родился в Томске 23 августа 1878 г. и принадлежал к тому редкому поколению русских ученых, чье филологическое мировоззрение сформировалось на рубеже XIX–XX вв. – времени всплеска новых научных идей, обра-

зования литературных и лингвистических обществ и в целом смены приоритетов в культурной жизни страны. Все это не могло не отразиться на его творческом ремесле, к которому он шел дорогой нелегких скитаний и поиска своей системы жизненных ценностей.

Детские и юношеские годы А.М. Пешковского прошли в Томске, а затем в Ялте, где он учился в прогимназии, и позже в Феодосии, – в мужской гимназии. В Ялте была дача матери Анны Николаевны Пешковской (близ устья реки Учан-Су). Но именно в Феодосии произошли первые важные события в его жизни:

знакомство с будущим поэтом, художником и философом Максимилианом Волошиным в 1893 г., поиски собственного пути, романтические чувства...

Об этом времени мы знаем совсем немного и только благодаря сохранившимся записям М.А. Волошина, где он подробно рассказывал о своем окружении и происходивших событиях. В дневнике 13 марта 1932 г. он так вспоминал о знакомстве с А.М. Пешковским:

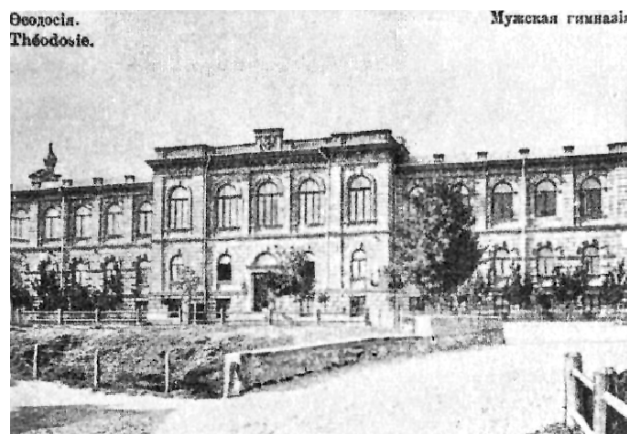
«В тот же первый год моей Феодосийской гимназии я инстинктивно понял, что среди товарищей-одноклассников мне необходимо себе выбрать приятеля и сожителя по своему вкусу. Выбор мой, естественно, остановился на Пешковском. Это был еврей маленького роста, с огромным лбом Боклевского склада, очень серьезный, очень рассеянный, очень преисполненный чувством долга. Он в то время очень мучился тем, что он не еврей, а христианин: когда он был ребенком, его с братом отец (первоначально бывший ортодоксальным евреем, но потом сошедший с ума и от еврейства отступивший) неожиданно, не спрашивая его мнения или согласия, перевел в христианство (сделал лютеранином). И вот эта-то пугливость и настороженность совести мне в нем очень понравилась. Он тоже жил на неудачной квартире, куда его определила мать, привозившая его из Ялты: он год тому назад кончил Ялтинскую прогимназию и теперь перешел в Феодосийскую гимназию. Семья Пешковских предварительно жила в Томске, и Саша учился в тамошней гимназии. Потом его отец купил дачу в Ялте, переехал туда [со] всей семьей, скоро сошел с ума и умер, а сыновья – Александр и Артур, его старший брат, – учились в Ялтинской <про>гимназии. В одно из ближайших лет я ездил в Ялту и гостил у Пешковского. От него я узнал о бесправном положении евреев в России. Впервые среди моих товарищей-гимназистов я узнал [в] Феодосии много евреев и, так как они все были значительно образованнее, чем другие гимназисты из “восточных людей” – караимы, армяне, греки – довольно тупые, то они мне показались и симпатичными, и интересными. Неприязни же и юдофобства я совсем не знал по семейным взглядам и традициям. Моя мать и по типу, и по складу характера принадлежала к поколению русских женщин 70-х годов и до старости сохраняла этот тип, трагический, красивый [...]» [2, с. 365].

В письме Е.С. Ляминой 3 мая 1895 г. из Феодосии М.А. Волошин сообщал: «Я с ним единственно только и сошелся очень быстро тут в Феодосии из гимназистов. Он еврей, страшный оригинал, феноменально рассеян, очень умен, очень симпатичен, а главное [–] обладает замечательно мягким и добрым характером» [3, с. 15].

Как зародился интерес Александра Пешковского к русскому языку? Безусловно, первым, на кого он обратил внимание, еще и не подозревая тогда, что станет филологом, был учитель русского языка феодосийской гимназии Юрий Андреевич Галабутский. О нем очень тепло вспоминал впоследствии М.А. Волошин, учившийся вместе с А.М. Пешковским в одном классе: «Это единственный человек, единственная светлая точка между всеми педагогами русского классического болота, которую я встретил за все свое

долголетнее странствование по русским гимназиям. Я думаю, не один из его учеников обязан ему своим “спасением” от классической гимназии. Это единственный умный и толковый педагог, которого я знал и который умел возбудить интерес к русскому языку и к русской литературе в таких идеальных оболтусках, какими сверкала в мое время Феодосийская гимназия» [3, с. 696].

Эти «оболтусы» в Феодосии были заметным явлением и скоро стали известны многим в городе благодаря их театральным талантам: М.А. Волошин и А.М. Пешковский играли в гимназическом спектакле «Ревизор», получившем большой успех. А.М. Пешковский исполнял роль Бобчинского! (Из письма матери Е.О. Кириенко-Волошиной 4 февраля 1896 г. Феодосия) [3, с. 22].

*Мужская гимназия г. Феодосии,
где учился А.М. Пешковский*

Кроме того, они думали издавать «художественно-литературный и научно-популярный журнал» под названием «Слово». М.А. Волошин так сформулировал задачу этого, к сожалению, не состоявшегося издания: «дать умственный толчок всей гимназии». «Помимо стихов, Макс планирует поместить там статью под названием “Злое начало в человеке”, Пешковского интересуется другая тема: “Современный еврей в психологическом отношении”» (см. подробнее: [7]).

Дружба с М.А. Волошиным сохранялась на протяжении всей его жизни, и человек «пустынного затвора» стал в какой-то мере ориентиром для А.М. Пешковского, самым близким собеседником, человеком, посвященным во все тайны...

В те годы М.А. Волошин и А.М. Пешковский квартировали в Феодосии у Петровых. Александра Михайловна, преподаватель женской гимназии, хозяйка дома, очень тонкая и понимающая искусство, живая и непосредственная, стала объектом их обожания, а позднее – просто советчиком и другом «на перепутьях духовных исканий» (сохранились много писем к ней). По воспоминаниям М.А. Волошина, она «любила очень музыку и играла Бетховена. Отсюда их бесконечные разговоры с Пешковским. Он часто по утрам ей играл в соседней комнате – в гостиной, чтобы разбудить ее звуками Бетховена. Иногда они играли в 4 руки» [2, с. 373].

Уже по тем немногим осколкам ранней биографии А.М. Пешковского можно понять, что перед нами

Группа в ателье. Слева направо: А.М. Пешковский, В.Л. Гауфлер, М.А. Волошин, А.М. Петрова.
Феодосия, 1897 г.

(Из собрания Дома-музея М.А. Волошина в Коктебеле)

неординарная творческая личность. Вот что сообщал в письме А.М. Петровой из Ялты 10 июня 1896 г. М.А. Волошин: «Мы довольно много тут гуляем. В остальное же время Саша расстраивает нервные системы обитателей дачи своими музыкальными упражнениями. Родные его удивляются, почему это тот флигель, в котором они живут, последнее время пустует. Есть чему удивляться! Говорят даже, что количество нервных больных в Ялте увеличилось. Ужасно странно! Затем он очень усердно занимается ботаникой, а неделю тому назад с тем же усердием занимался поисками учебника ботаники. Для этого даже сидел в засаде в саду три дня и подстерегал одну даму, которую он сильно подозревал в обладании такого учебника. И, наконец, третье его занятие это немецкий язык. Теперь он получил Гейне и зачитывается» [3, с. 31].

О молодом А.М. Пешковском в своих мемуарах М.А. Волошин повествовал очень мягко, по-дружески, с легкой иронией подмечал черты неподражаемой личности и уже формирующиеся грани характера. В дневнике, датированном 25 марта 1932 г., он так описал своего друга-гимназиста: «Пешковский уже тогда отличался феноменальной рассеянностью.

Помню, как он, подходя к самовару, наливал себе чай – что было обычаем у Петровых – себе перекладывал в чашку весь сахар из стакана Алекс<андры> Мих<айловны> и наливал себе, а мы все, умолкнувши, внимательно и изумленно следили за его действиями.

Он, когда открывал случай собственной рассеянности, всегда изумлялся в три приема: “А! АА! ААА!!!”

В то же время, как ученик, он поражал преподавателей редкой добросовестностью и исполнительно-

стью и основательным и образцовым проникновением в глубь предмета.

Особенно это сказывалось в русских сочинениях, которые всегда поражали своею основательностью, мерой и тщательностью» [2, с. 374–375].

А вот тоже показательное наблюдение молодой дамы, которая испытывала в те годы романтические чувства к А.М. Пешковскому (в пересказе М.А. Волошина): «Он казался ей необыкновенным персонажем из Теодора Гофмана – поэта, которого она обожала. П<ешковский> ей представлялся не имеющим никаких человеческих привычек, и, когда он однажды у них обедал, она была потрясена: он *ест*!» [2, с. 375].

В один из майских дней 1897 г. М.А. Волошин и А.М. Пешковский были у знаменитого художника-мариниста И. К. Айвазовского.

Гимназию в Феодосии он окончил с золотой медалью и в 1897 г. поступил в Императорский Московский университет на естественное отделение физико-математического факультета. Одновременно с ним был зачислен и М.А. Волошин, но на юридический факультет. Друзья снова оказались вместе. А.М. Пешковский продолжал изумлять своего однокашника удивительными «выходками»: «Тоска моя, – делился в письме А.М. Петровой 11 сентября 1897 г. М.А. Волошин, – продолжалась до приезда Саши, а дальше не выдержал. Да еще бы! Приехал он и отправился, первым делом, представляться; и вместо того, чтобы войти в дверь к инспектору, вошел в книжный шкаф, выскочил и попал в другой шкаф и тогда уж, наконец, вошел в надлежашую дверь. Водил я его по Москве. Мука! Перед каждым переулком он останавливается и

удостоверяется по плану, существует ли действительно такой переулок. А план свой он разрезал на мелкие кусочки «для удобства». Можете же себе представить, что бывает, когда он посреди улицы ищет данного кусочка, а ветер разносит остальные. На уличных мальчишек это производит неотразимое впечатление. Подходим к Новым Рядам. “Макс”! погоди: я сосчитаю, сколько шагов в длину”. – Саша! Да зачем? Ну, я не буду тебя ждать. – “Ну хорошо – я сам потом сюда приду и сосчитаю”. В Историческом музее опять анекдот: мы разошлись. Саша ищет меня по залам и, наконец, подходит к большой каменной бабе, привезенной из Херсонской губернии, с вопросом: “Макс, а где же тут фрески Семирадского?” Ну, да всего и не расскажешь» [3, с. 69–70].

А.М. Пешковский. Фото конца 1890-х гг.

О поразительной рассеянности А.М. Пешковского М.А. Волошин не раз замечал. Из письма матери Е.О. Кириенко-Волошиной от 28 октября 1897 г.: «Гостил тут у него в Москве брат. Однажды этот последний знакомит его с каким-то своим знакомым, – Саша очень вежливо снимает фуражку, раскланивается, рекомендует и подает руку своему брату. Бывают такие случаи, что он приходит на квартиру к знакомому студенту и, будучи уверен, что он пришел к себе домой, ищет своего пейсне (так в тексте. – О. Н.) в его тужурке, висящей на стене. Бывает, что встречается он с кем-нибудь из студентов, бывших феоодсийцев, с которым он был хорошо знаком, долго разговаривает с ним, а потом спрашивает меня: “С кем это я говорил?”» [3, с. 83].

Из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 2 ноября 1897 г.: «Как-то раз пришел Саша к Биркенгофу (он живет тут же рядом с нами) и, будучи в полной уверенности, что пришел к себе домой, искал все своего носового платка в его тужурке. Да, вот! читали вы в “Русских Ведомостях” фельетон Джерома “Рассеянный человек”? – Это портрет Саши до мельчайших подробностей. Просто поразительно. И не только сам Саша похож, но и окружающие его тоже замечательно похожи...» [3, с. 92].

М.А. Волошин и А.М. Пешковский. Феодосия, 1897 г.

В те годы в среде студентов и молодых интеллигентов была такая мода – заполнять «Тургеневскую анкету», в которой содержались откровенные вопросы о жизни, любви, качествах человека, его духовном состоянии. Записал свои ответы 20 апреля 1898 г. и М.А. Волошин. На один из них: *Если бы вы не были вы, чем бы желали вы быть?* – он ответил: *Пешковским* [2, с. 281].

Из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 14–15 октября 1898 г.: «А я заходил-таки в химическую, но Саши не нашел, рабочие стену починяют. Неужели... Встречаю его потом на дворе. Бежит. “Саша! постой. Где ты живешь теперь?” – “А? Где живу? Ах да! В Палашевском переулке, дом... дом Тихомирова. Только вот квартиры не помню, там мастерская какая-то модная... И понимаешь, какая странность: я эту комнату вечером нанимал, так что темно было... ну и переехал тоже вечером. А вчера просыпаюсь – темно. Рано еще, очевидно. Смотрю на часы... Нет! Уже пора в университет. Иду – на улице светло. И ты знаешь: оказывается, что у меня комната совсем темная и окно в коридор выходит...” – “!!!!!!?” – “Ну что же, разве это рассеянность? Ведь я же вечером смотрел, ну и думал, что окно на улице”. – “Ну а мебель какая у тебя? Сколько стульев?” – “Стульев? Не-е-е помню. Когда я нанимал, кажется, ни одного не было. Ну да это, поставят, вероятно. Только тоже вот странно: умывальника нет”... И это вот всегда у него с квартирами» [3, с. 200–201].

А.М. Пешковский со всей горячностью, которая поразительным образом соединялась с его рассеянностью, принимается за учебу, «накачивается премудростью». М.А. Волошин писал А.М. Петровой 2 ноября 1897 г.: «Книги он пожирает, глотает, давится, и я нисколько не удивлюсь, если он когда-нибудь действительно подавится костью, и костью человеческой. У него их целая коллекция всегда на столе. Вдруг вместо хлеба кость возьмет. У него все перемешано. Настоящий кабинет Фауста – его комната. Он даже до того дошел, что недавно с самим Тимирязевым в научный спор вступил!» [3, с. 91–92].

А.М. Пешковский проучился в университете полтора года, когда в марте 1899 г. стала распространяться забастовка студентов, а занятия были прекращены. «Наконец совершилось... Московский университет закрыт, и все исключены. Я подавать прошения не буду, считая это со своей стороны подлостью» [3, с. 224], – писал М.А. Волошин матери 21 марта 1899 г. По примеру А.М. Пешковского он решил поступать в один из заграничных университетов. Но пока они снова оказались в родном Крыму, много беседовали, произошедшие события их сильно взволновали, можно сказать, перевернули всю жизнь. «Что же теперь будет? – Писал из Феодосии своему двоюродному брату Я.А. Глову М.А. Волошин 22 марта 1899 г. – Я согласен с Сашей, что вторых беспорядков не следовало начинать, но теперь, когда уже они начались и дали результаты, их ни в каком случае прекращать не следует, и если б я только был в Москве, то я агитировал бы за забастовку и против экзаменов – это единственный логичный исход из настоящего положения [...] Господи! и как это глупо вылететь в самом начале, сыграть роль пушечного мяса, первой жертвы и т. д. и потом не быть в состоянии действовать, когда хочется и когда надо сил. Ужасно глупо!» [3, с. 230].

О трагизме ситуации М.А. Волошин сообщал из Феодосии гимназическому приятелю В.Л. Гауфлеру 31 марта 1899 г.: «Я был в самом начале арестован и выслан на год в Феодосию. Теперь же я исключен без права поступления и выезд из Феодосии мне разрешен. Саша (только чудом) уцелел и сам уехал из Москвы, бросив совсем Московский университет», что бы ехать в Берлин» [3, с. 240].

Итак, Германия встретила М.А. Волошина и А.М. Пешковского благосклонно. Их первые впечатления радостные и полны оптимизма: «Жизнь тут дешева необыкновенно и замечательно удобна» [3, с. 288] (из берлинского письма М.А. Волошина А.М. Петровой 22 ноября / 4 декабря 1899 г.). Но и здесь Александр Матвеевич нередко попадал в казусные ситуации: «Пешковского мы застали огорченным. Он нам сказал, что он только что решился обратиться к одному господину на улице с вопросом “какое сегодня число?”. Тот же ему ответил, что это он обязан сам знать, а после прочел ему очень длинную нотацию, из которой он почти ничего не понял. Саша был совсем в недоумении. Гауфлер же ему сказал, что это так и должно быть, потому что в Берлине всякий знает, которое сегодня число» [3, с. 288].

Затем понемногу чувствуется охлаждение к увиденному, и тот восторженный пыл свободы, которой так не хватало в России, заменяется новыми впечатлениями: «О эти немцы! Они блещут все семейными положительными добродетелями, т. е. не блещут – это слишком энергичное слово для них, они мерцают внутренним, мягким, влажным, лунным сиянием, но, Боже мой! как они скучны. Мне кажется теперь, что я даже в русском провинциальном обществе не встречал такой отчаянной косности, узкости, таких невылазных болот предрассудков и таких крепких перегородок в мозгу. Гейне они ненавидят [...] А немецкие девицы!! Пешковский, приехавши в Берлин, поселился сперва в семействе, где было 10 девиц дочерей различного калибра.

Как-то он пришел ко мне и сказал: “Макс, пожалуйста, посмотри на них и скажи, что они – натуральны или нет? Я все смотрю на них и никак не могу решить этого”. Вот я и познакомился. Девицы оказались необыкновенно разговорчивые и моментально засыпали меня вопросами, от которых я совсем ошалел: “Правда ли, что в России ужасно много князей? Правда ли, что русские князья очень любят немецких “медьхен”? Нам наша подруга говорила, что они всегда влюбляются в приезжих барышень”. Хотя я и чувствовал, что мне нужно было ответить, что если б я был русским князем и увидел бы вас в России... Но я позорно воспользовался незнанием немецкого языка. “Правда ли, что русские женщины огненнее (feuerlicher), чем немецкие?” Тут уж мне пришлось прямо заявить, что я в этих вопросах совсем некомпетентен, а Саша начал что-то им объяснять по-немецки [...] Ах! не могу еще тоже не прибавить о нем следующей пикантной подробности – когда он искал себе квартиру, то некоторые хозяйки спрашивали его, “не китаец ли он?”. В настоящее время он занят тщетными попытками приучиться думать по-немецки» [3, с. 306–308] (из письма М.А. Волошина А.М. Петровой 9 января 1900 г.).

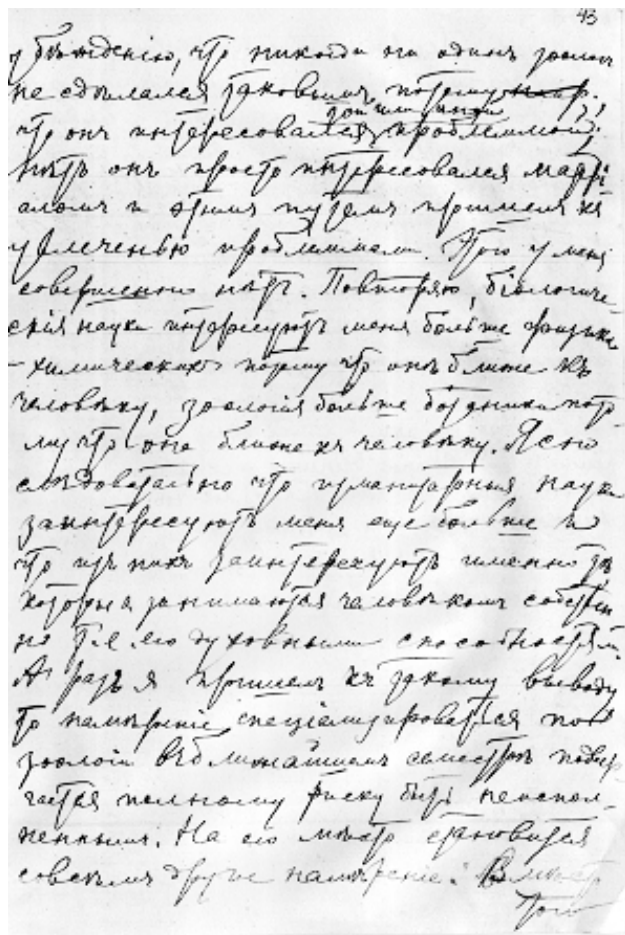
Но все же даже такая атмосфера им кажется более комфортной, чем в России: «Как ни скверно в Берлине, но возвращаться отсюда в Россию мне так же не хочется, как если б мне предложили снова поступить в гимназию [...] Теперь за границей мне иногда начинает казаться, что вся Россия одна сплошная классическая гимназия. Не понимаю, почему придумали такую страшную меру, – отдавать студентов в солдаты за участие в беспорядках: это не предотвратит их. Вот если бы решили студентов отдавать в гимназисты, то я ручаюсь, что больше бы беспорядков не было [...] Но ужасно не хочется возвращаться снова на юридический факультет; меня все теперь тоже привлекает мысль перейти на историко-филологический, потому что в сущности, как это мне выяснилось во время путешествия особенно ясно, меня история и история искусства интересуют больше всего, а мои юридические науки ни капельки» [3, с. 308–309].

Однако европейская обстановка со временем начинает угнетать и А.М. Пешковского, пытавшегося приспособиться к культурной Европе с ее особым менталитетом. М.А. Волошин замечал в письме из Москвы А.М. Петровой 7 апреля 1900 г.: «От Пешковского я все не имел никаких известий и только на днях получил громадное послание, в котором он жалуется на тоску и ругает немцев. Я ужасно рад, что даже и его в Берлине пробрало. Он раскаивается в своей прежней “изоляции”, жалеет, что так мало со мной тогда виделся, и жаждет русских разговоров и русских знакомств, и русских писем. Даже и он нашел, что все время заниматься невозможно, а нужно с кем-нибудь и поговорить, только просит не считать это за слабыхарактерность с его стороны [...]» [3, с. 344].

Думается, все же настоящей причиной скорого отъезда А.М. Пешковского из Берлина стала перемена в его взглядах на жизнь, на свое профессиональное призвание. Какая-то неведомая сила тянула его в сторону от всех этих естественно-научных опытов в лоно

живого общения, в иную культурную среду, где была бы возможность подлинного творчества и духовного развития, – в филологию! Уже в ранние годы он, увлеченный ботаникой и зоологией, находился в ином эстетическом окружении, во многом сформировавшем его как творческую личность.

Случаен ли такой поворот в его биографии? Думается, что нет.

Фрагмент письма А.М. Пешковского М.А. Волошину
конца 1890-х г. Автограф.
(ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 963. Л. 43)

Именно М.А. Волошину Александр Матвеевич доверял свои сокровенные тайны души, разрываемой внутренними противоречиями: как жить, по какому идти пути... В этих размышлениях, впервые публикуемых далее, перед нами иной Пешковский: его человеческий облик, скрытый за пеленой «методиста», находит выражение в философских размышлениях о жизни и бытии, о том правдоискательстве, к которому стремились все лучшие умы России – и в малом, таком, как личная судьба, и в большом – как общественное служение Родине.

«Я начинаю укреплаться во мнении, – писал он М.А. Волошину, – что и я-то сам лишь понимаю естественные науки, но не люблю их. Что я их понимаю, что мне нетрудно было усвоить основные факты и сделать их сферу немножко своею, что я увлекаюсь конечными выводами и загадками – это тебе известно. Но возьмем другую сторону медали. В детстве до поступления в гимназию я любил только литературу. Из

классиков я читал тогда только Пушкина и Лермонтова – остальные все из детской литературы. <...> В гимназии в 1-м классе я очень любил латинский язык, т. е. мне нравилась грамматика и процесс перевода (это, слава Богу, исчезло конечно). География тоже нравилась, но нужно прибавить, что учитель был совершенно исключительный по талантливости и оригинальности (за это его скоро удалили). ...что поступая собственно влечению характера, а не разума, я должен бы был собственно поступить на историко-филологический факультет. Поясню еще тебе свою мысль. В том, напр., что я увлекался поэзией, не было никакого противоречия с естествознанием, но в том, что я увлекался больше, чем эстетически, было противоречие. В сущности чтобы быть естественником, нужно быть человеком холодным или по крайней мере иметь особую камеру холода в мозгу. Естествознание имеет очень много общего с “чистым” искусством – отдаленность от ближнего (я говорю о теоретическом естествознании – прикладное же уж совсем не по мне, так как я все-таки теоретик). Ну-с затем университет, усердные занятия науками – и никакого влечения к какой-либо из них. Наконец я остановился на зоологии – но почему? Я должен сознаться, что в сущности это потому, что зоология ближе всего к человеку (здесь и далее выделено нами. – О. Н.). Присматриваясь к знакомым зоологам, я убеждаюсь, что у меня в сущности нет “зоологического пункта” в мозгу, если можно так выразиться. Под этим я разумею интерес к животным формам, интерес чисто органический, беспричинный, который единственно и побуждает человека идти (так у автора. – О. Н.) по этому пути. Я прихожу к такому убеждению, что никогда ни один зоолог не сделался таковым потому, что он интересовался той или иной проблемой; нет, он просто интересовался материалом и этим путем пришел к увлечению проблемами. Этого у меня совершенно нет. Повторяю, биологические науки интересуют меня больше физико-химических, потому что они ближе к человеку, зоология больше ботаники, потому что она ближе к человеку. Ясно, следовательно, что гуманитарные науки интересуют меня еще больше и что из них интересуют именно те, которые занимаются человеком собственно, т. е. его духовными способностями. А раз я пришел к такому выводу, то намерение специализироваться по зоологии в ближайшем семестре подвергается полному риску быть неисполненным. На его место становится совсем другое намерение. Вместо того чтобы заниматься всю зиму первую половину дня зоологией, а вторую анатомией, как я думал, – слушать из естественных наук только одну физиологию растений и животных, которая одна осталась для меня совершенно неизвестной из естественно-исторического курса – а остальное время слушать гуманитарные науки из самых различных областей, т. е. другими словами продолжать общее образование на почве естественно-исторической. Произошел этот переворот как раз в то время, когда я уже почти что успокоился на мысли о специализации и потому, можешь себе представить, какой сумбур у меня в голове. Конечно, совета я от тебя не ожидаю, потому что в таких делах, где должно решить собственное влечение – советы невозможны. Но ты мне

все-таки кое-что напишешь и все, что ты напишешь по этому поводу, я прочту с жадностью. Говорить мне об этом кроме тебя абсолютно не с кем» (ОР ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. Ед. хр. № 963. Лл. 42 об. – 43 об. Автограф без даты; есть основания полагать, что это письмо относится к концу 1890-х гг.).

Это смятение в душе молодого А.М. Пешковского, его переход от занятий естественной наукой в иную сферу, раскрывающую духовные способности человека, и стали тем отправным пунктом в судьбе будущего ученого, который на долгие годы определил его филологическое сознание. Поступи он по-другому – и мы не знали бы того Пешковского, какой теперь известен еще со студенческой скамьи. Это, быть может, самое философское сочинение показывает, где лежали его истинные интересы и что он считал для себя самым важным в профессиональной деятельности. Исповедь задушевному другу дает понять, насколько непростым был выбор и через какие душевные переживания он прошел. Главное для А.М. Пешковского – найти гармонию с самим собой, разобраться в причинах столь стремительных перемен, обосновать, наконец, такой неожиданный поворот от увлечения зоологией и математикой к филологии. Высказанные им мысли во многом приоткрывают завесу его творческой натуры, показывают ее психофизические свойства, неординарность характера – все то, что получило впоследствии выражение в трудах и педагогической деятельности ученого.

Но тернистый путь в науку пролегал у него особым образом, своими тропами он шел по жизни, постоянно удивляя знакомых невероятными приключениями и вечной рассеянностью. Еще до приезда в Москву А.М. Пешковский уговаривал М.А. Волошину съездить с ним... в Норвегию, но отправился он туда один. Вот еще одна замечательная «миниатюра», пересказанная М.А. Волошиным в письме А.М. Петровой из Ташкента 11 декабря 1900 г.:

«...У нас в номерах происходила следующая сцена. “Барыня, – говорил маме швейцар недоумевающим тоном, – там вас какой-то мужчина спрашивает”. – “Какой мужчина?!” – “Маленький, черный, с сумкой и ящиком”. – “С сумкой и ящиком?!... Чего ж ему надо?” – “Я спрашивал-с, он говорит – это, собственно, не ваше дело...” – “Ну, зовите его... Ах!!! Александр Матвеевич! Вот не ожидали, как я рада (и т. д.). Вы откуда?” – “С вокзала... то есть, нет – из Петербурга... ах! то есть, нет... я, собственно говоря, из Норвегии”. – “!???... Из Норвегии!?? А что вы там делали?” – “Пешком ходил...” – “А с кем?” – “Да я, собственно говоря... а-адин...” – “Один?! А где же ваши вещи?” – “Да вот – ранец и фотография”. – “И больше ничего? Точно Макс!” – “Ах да, кстати, а где же Макс?” – “Он (и т. д.)...” – “Правда! Что выговорите????!!!”» [3, с. 456].

М.А. Волошин же уехал в путешествие по Средней Азии, но не терял связи со своим гимназическим другом и на обратном пути хотел остановиться у него в Берлине. Уже тогда М.А. Волошин говорил о своеобразности А.М. Пешковского, его многогранном таланте, где собственно лингвистическая часть – есть лишь малая толика удивительной личности будущего знаменитого филолога. Свой душевный порыв М.А. Волошин передал в письме А.М. Петровой из Ташкента 12 февраля 1901 г.: «А этот берлинский период Сашиной жизни все-таки не останется вполне темным: я у него уж выведаю про его подвиги. Вот вам труд, кстати: **начните жизнеописание Пешковского в юности. Тема очень благодарная и, кроме того, впоследствии такой труд может и действительно оказаться неоцененным документом** (выделено нами. – О. Н.)» [3, с. 504].

Итак, эти штрихи к биографии юного А.М. Пешковского дополняют его классический, почти статичный портрет действительно новыми личностными характеристиками, а главное – рисуют нам *живого* человека, искреннего в своих порывах и мыслях, сомнениях и скитаниях, ищущего, открытого, благородного.

Источники

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы (Пушкинский Дом).

Литература

1. Апресян, Ю.Д. «Русский синтаксис в научном освещении» в контексте современной лингвистики / Ю.Д. Апресян // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 8-е изд., доп. – Москва, 2001. – С. III–XXXVIII.
2. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2008. – Т. 7, кн. 2. Дневники 1891–1932. Автобиографии. Анкеты. Воспоминания.
3. Волошин, М.А. Собрание сочинений / М.А. Волошин. – Москва, 2009. – Т. 8. Письма 1893–1902.
4. Клобуков, Е.В. «Русский синтаксис в научном освещении» А.М. Пешковского (о непреходящей актуальности грамматической классики) / Е.В. Клобуков // Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – Изд. 8-е. – Москва, 2001. – С. 3–18.
5. Никитин, О.В. Александр Матвеевич Пешковский / О.В. Никитин // Московский журнал. История государства Российского. – 2006. – № 1. – С. 20–28.
6. Никитин, О.В. Жизнь и труды Александра Матвеевича Пешковского в свете научной полемики его времени / О.В. Никитин // Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: избранные труды: учебное пособие / сост. и науч. редактор О.В. Никитин. – Москва, 2007. – С. 14–58. (Лингвистика XX в.)
7. Пинаев, С.М. Максимилиан Волошин, или Себя забывший бог / С.М. Пинаев. – Москва, 2005. (Жизнь замечательных людей). Здесь цитируется по: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.e-reading.mobi/bookeader.php/1013943/Pinaev_-_Maksimilian_Voloshin_ili_sebya_zabyvshiy_bog.html

**«PESHKOVSKY'S BIOGRAPHY IN HIS YOUTH. THE THEME IS VERY REWARDING...»
(THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF THE PORTRAIT OF THE FAMOUS SCIENTIST)**

The article, based on new data and archival materials, reveals the biography of the first decades of the life and work of the famous Russian linguist and methodologist A.M. Peshkovsky (1878–1933), when an aspiring scientist engaged in the search for his spiritual path and professional purpose, passed the personal test during controversial circumstances in the life of Russia in the late 1890s. From the memories and recordings of his gymnasium friend M.A. Voloshin, A.M. Peshkovsky's childhood is described, and the author recreates the atmosphere that prevailed at the time, his hobbies, personality and psychology of his evolving unique identity, which were unusual already in his younger years. The circumstances related to the dismissal of A.M. Peshkovsky from the Imperial Moscow University are also presented, as well as his future fate. In this article, the biography of A. M. Peshkovsky is brought to the moment of his return from abroad, where he was forced to leave after participating in the strike of students in Moscow. This part of his biography has recently remained unknown to the readership and was re-established on the facts, letters, memoirs and rare documentary evidence of A.M. Peshkovsky's contemporaries.

History of science, language personality, biography, psychologism, culture and education in pre-revolutionary Russia.

С.Э. Погожев, Е.Б. Якимова
Вологодский государственный университет

ЖИЗНЬ В ОБРАЗОВАНИИ (ПАМЯТИ А.П. ЛЕШУКОВА)

Статья посвящена ключевым моментам жизни и научного творчества профессора, доктора педагогических наук А.П. Лешукова.

История Педагогического института ВоГУ, физика, методика преподавания физики.

История жизни и педагогической деятельности.

Александр Павлович Лешуков родился 28 марта 1951 года в деревне Завариха Никольского района Вологодской области в многодетной крестьянской семье. Отец, Павел Иванович, и мать, Мария Кирилловна, работали в колхозе. Павел Иванович, являясь инвалидом Великой Отечественной войны, часто после колхозной работы был вынужден подрабатывать в леспромпхозе на погрузке леса, чтобы шестеро детей – четыре сына и две дочери не оставались голодными. В леспромпхозе платили деньги.

Завражская школа находилась в соседнем селе, и деревенский мальчишка, Саша Лешуков, ходил туда пешком, а зимой – на лыжах. Еще в школьные годы ему нравилась профессия учителя, а из предметов – физика, которую в будущем он и хотел преподавать. По его воспоминаниям, он даже сам придумывал физические задачи, а затем их решал.

Завражская средняя школа

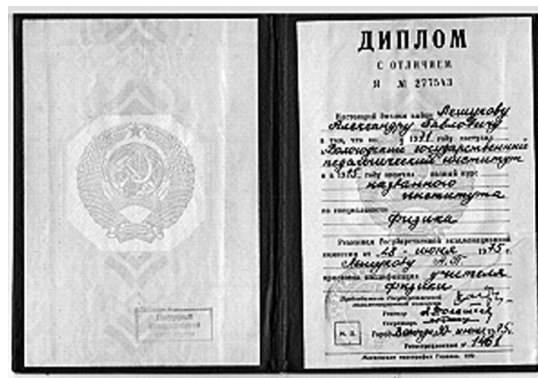
Незаурядные способности к физико-математическим наукам закономерно привели Александра Павловича в Вологодский государственный педагогический институт (ВГПИ). Блестяще выдержав вступительные испытания, он стал студентом физико-математического факультета. За успехи в учебе и студенческой науке в течение последних двух лет обучения получал Ленинскую стипендию.

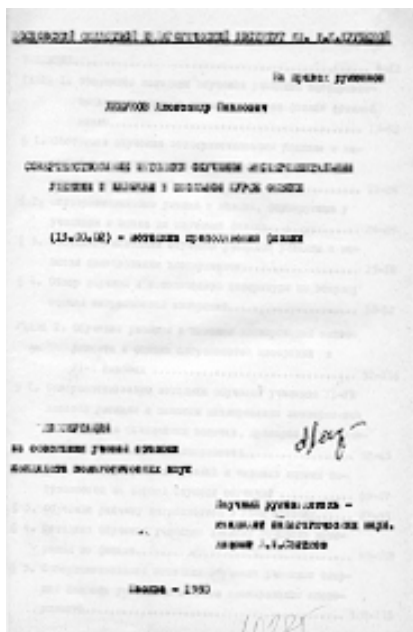
Закончил институт с «отличием» в 1975 году и по распределению был направлен в Слободскую среднюю школу Грязовецкого района. Два года преподавал физику в этой школе, а затем получил направление от ВГПИ для обучения в аспирантуре Московского областного педагогического института имени Н.К. Крупской на кафедре методики преподавания

*Лешуков Саша и Ширунов Вася
(в настоящее время его сын Ширунов Александр
известный российский аккордеонист), 1964 г.*

После окончания школы в 1968 году Александр по комсомольской путевке был направлен в г. Череповец на строительство доменной печи металлургического завода. Череповецким военным комиссариатом в 1969 году был призван в ряды Вооруженных сил СССР. Службу проходил на Северном флоте. Демобилизовался в 1971 году.

физики. Под руководством заведующего кафедрой Леонида Павловича Свиткова (выпускника физико-математического факультета ВГПИ) подготовил и успешно защитил в 1982 году диссертацию по теме «Совершенствование методики обучения экспериментальным умениям и навыкам в школьном курсе физики», представленную на соискание ученой степени кандидата педагогических наук.

С 1980 года вся трудовая деятельность Александра Павловича неразрывно связана с Вологодским го-

сударственным педагогическим институтом, в котором и происходило его становление как крупного деятеля в системе отечественного педагогического образования. В родном институте он стремительно прошел все ступени научно-педагогической и организационно-управленческой карьеры: ассистент кафедры теоретической физики, старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой теоретической физики (1983–1985), декан физико-математического факультета (1985–1988), с 1988 г. – ректор института (с 1995 г. – университета).

Александр Павлович – талантливый педагог, ученый-исследователь и великолепный организатор. Его преподавательская деятельность была направлена на внедрение новых подходов в организацию учебного процесса по фундаментальным курсам дисциплин общей, теоретической и прикладной физики, развитию межпредметных интеграционных связей для формирования научного представления о единстве мира.

Сфера научных интересов А.П. Лешукова охватывала широкий спектр проблем, связанных с разработкой теоретических и практических основ реализации мировоззренческого потенциала специальной подготовки будущих учителей физики в педагогическом вузе для формирования научного мировоззрения школьников. Результаты проведенных научных исследований позволили А.П. Лешукову в 2003 году блестяще защитить диссертацию «Концептуальные основы реализации мировоззренческого потенциала специальной подготовки будущих учителей физики в педагогическом вузе», представленную на соискание ученой степени доктора педагогических наук.

Преподаватели и сотрудники кафедры физики 1981 г.

*Слева-направо, первый ряд – Н.П. Виноградова, И.Е. Куприянова, А.С. Ломакина, Б.В. Берсенева, В.П. Томанов, М.А. Натариус;
второй ряд – Н.А. Тюнев, Н.А. Панькова, Б.М. Слепченко;
А.П. Лешуков, В.В. Кондрашин, В.В. Попов, О.Н. Виноградова*

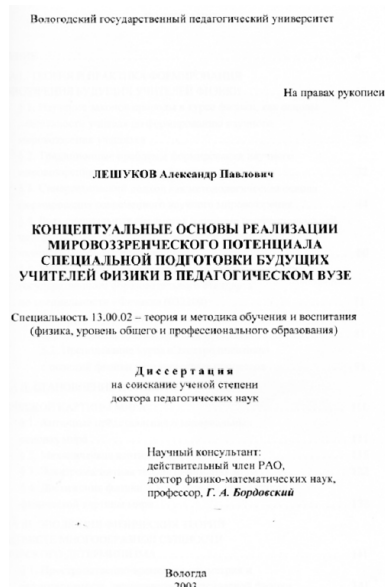
*А.П. Лешуков, декан
физико-математического факультета. 1987 г.*

В должности ректора института (университета). Широта кругозора и четкое видение перспектив, уверенность в своих силах и готовность довести начатое дело до логического завершения, реалистичность в подходах к решению проблем, принципиальность и порядочность, забота об окружающих и многие другие качества декана физико-математического факультета были отмечены трудовым коллективом института. В 1988 году Александр Павлович избирается на должность ректора (самый молодой среди всех ректоров вузов). Начало его ректорской деятельности совпало с тяжелейшим экономическим кризисом в стране, радикальными реформами системы образования, резким сокращением государственного финансирования образования. Несмотря на это, А.П. Лешукову, ценой невероятных усилий, удалось сохранить педагогический вуз, трудовой коллектив и превратить в 1995 году педагогический институт в университет – один из крупнейших на северо-западе образовательных, научных, методических и культурных центров. Благодаря его организаторской деятельности в вузе были открыты 6 новых факультетов и отделений. Спектр специальностей расширился с 11, реализуемых институтом в 1988 году, до 30 специальностей и направлений подготовки – в 2011 году. Приведем лишь немногие, но значимые моменты в его ректорской деятельности.

В 1990-е годы в связи с расширением использования информационных технологий во всех сферах деятельности, необходимостью внедрения систем защиты информации возникла острая нехватка квалифицированных специалистов в данной области. В 1995 году, благодаря личной настойчивости А.П. Лешукова и сформированному им в университете коллективу высококвалифицированных специалистов в области информационных технологий, на физико-математическом факультете было открыто отделение прикладной математики и компьютерных технологий (в то время – единственное в России в педагогическом вузе). В 2004 году отделение приобрело статус отдельного факультета прикладной математики и компьютерных технологий.

В 1995 году в связи с большой потребностью системы образования города и области в квалифицированных психологах и социальных педагогах для образовательных учреждений различных уровней

А.П. Лешуковым было принято решение об открытии в университете факультета социальной педагогики и психологии. Позднее, в 2000 году, для обеспечения потребности в кадрах социальной сферы города и области на этом факультете была открыта новая специальность – «Социальная работа».

С развитием малого бизнеса в конце 1990-х годов возникла необходимость в активном юридическом сопровождении деятельности малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, подготовке кадров, обладающих современными знаниями в области управления и менеджмента. Реакцией на эти потребности стало открытие в 1996 году юридического факультета, а в 1999 году – отделения менеджмента на историческом факультете.

А.П. Лешуков, ректор университета. 2010 г.

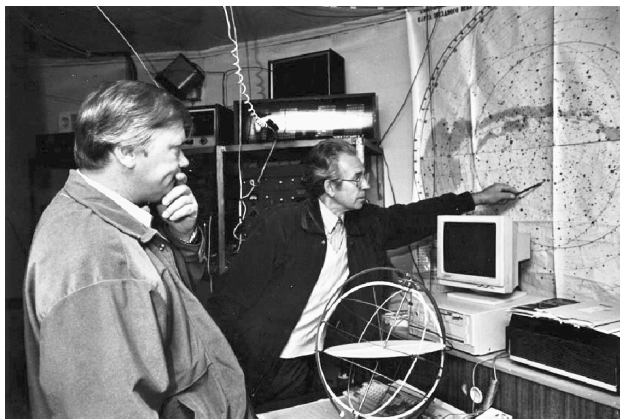
Развитие демократических процессов в обществе, расширение сфер влияния, возможностей и в то же время ответственности средств массовой информации потребовало прихода в эту сферу квалифицированных специалистов, имеющих соответствующее образование, повлекло за собой открытие отделения журналистики на филологическом факультете.

С целью изучения и распространения богатейшего культурно-исторического наследия Русского Севера и его жемчужины – города Вологды в 2001 году при активном участии Александра Павловича было открыто отделение культурологии. Впоследствии на базе этого отделения сформировалась региональная научная школа, особенностью которой является опора на широкий круг неизвестных прежде документальных источников и вычленение новых аспектов в познании духовных традиций русского народа. Для сохранения духовных и культурных традиций Русского Севера на музыкально-педагогическом факультете была открыта специальность «Этномузыкалогия».

Опираясь на результаты мониторинговых исследований о состоянии здоровья детей и подростков в городе Вологде, а также на потребности рынка труда социальной сферы в 2008 году А.П. Лешуков принял решение об открытии на факультете физического воспитания новой специальности «Физическая культура для лиц с отклонениями в состоянии здоровья (адаптивная физическая культура)».

Не оставлял без внимания Александр Павлович и кафедру физики, на которой работал в должности профессора. По его инициативе была открыта аспирантура по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (физика).

При поддержке и непосредственном участии Александра Павловича в 1992 году спроектирована и построена астрономическая обсерватория, оснащенная оригинальной оптической аппаратурой для фотоэлектрических наблюдений покрытий звезд и планет Луной, в основе которой – 40 см телескоп-рефлектор.

*А.П. Лешуков и В.В. Кондрашин,
директор астрономической обсерватории. 1993 г.*

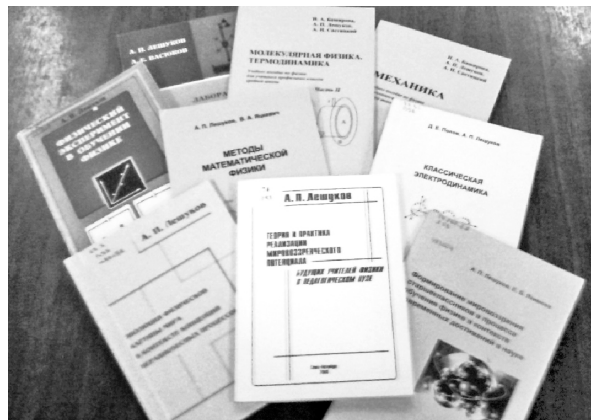
В 2003 году для проведения исследований и научно-технических разработок в области прикладной электродинамики, получения практически значимых результатов, пригодных для внедрения в различные области науки и техники, в промышленность и медицину, а также в учебный процесс была открыта научно-исследовательская лаборатория электродинамики сверхвысоких частот.

Александр Павлович как ректор особое внимание уделял научно-исследовательской деятельности вуза, выстраиванию взаимодействия университета в научной сфере с федеральными, региональными, муниципальными органами власти, научными фондами, общественными организациями, предприятиями и зару-

бежными партнерами, в результате чего университет приобрел высокий статус ведущего регионального научного центра.

Несмотря на большую загруженность административной и общественной работой, А.П. Лешуков как ученый находил время и для научных исследований.

Научно-исследовательская деятельность. Александр Павлович – автор более 100 научных и методических работ, в том числе 4 монографий, 5 учебников и учебных пособий. Он никогда не стоял на месте, постоянно совершенствовался и развивался.

В сферу его научных интересов входили вопросы философии и методологии науки, он много работал над осмыслением физики неравновесных процессов и синергетики. Он участвует вместе с профессором А.И. Зейфманом в работе XIX научного семинара по проблемам устойчивости стохастических моделей, пишет научные статьи, посвященные современной физической картине мира: «Эволюция представлений о картине мира» (2000); «Эволюция физической картины мира в контексте концепций неравновесных процессов» (2002). Под его научным руководством успешно защищены 4 диссертации, представленные на соискание ученой степени кандидата педагогических наук по специальности 13.00.02 – Теория и методика обучения и воспитания (физика): «Применение компьютерного моделирования в процессе обучения (на примере изучения молекулярной физики в средней общеобразовательной школе)», «Организационно-педагогические основы методической системы обучения физике в классах гуманитарного профиля», «Теоретизация знаний учащихся по физике на основе методологических принципов (полная средняя школа)», «Формирование эволюционно-экологического мировоззрения у старшеклассников в процессе обучения физике на основе синергетической концепции (на примере углубленного изучения тем “Термодинамика” и “Молекулярно-кинетическая теория”)». Его аспиранты с огромной теплотой и благодарностью вспоминают Александра Павловича и ту неоценимую помощь, которую он оказал при подготовке и защите кандидатских диссертаций.

Одной из важнейших задач педагогического вуза является формирование современного естественно-научного мировоззрения у студентов-педагогов. Ведь именно от них зависит, какой научный фундамент будет у школьников, а в конечном счете и научный потенциал страны. Без преувеличения можно утвер-

ждать, что вопросы формирования научной картины мира у учащихся адекватной современным естественнонаучным представлениям были ключевыми на протяжении всей научно-педагогической деятельности А.П. Лешукова. Он писал: «Одним из признаков кризиса традиционной системы образования, в том числе и в области физики, является отставание в изложении ее базисных, фундаментальных положений от современного уровня развития науки. Система школьного образования практически остается в рамках классического и неклассического этапов развития, не выходя на этап постнеклассического, синергетического уровня физики неравновесных процессов» [1, с. 5].

Стремясь встроить в учебные курсы основные элементы эволюционной физики (синергетики), динамического хаоса, самоорганизации, профессор А.П. Лешуков вышел на проблему необходимости методологического и методического поиска путей преодоления метафизичности и механистичности содержания курса физики в целом. Основы формирования естественнонаучного мировоззрения обучающихся заложены в работах выдающихся ученых в области методики физики (А.Е. Гуревича, В.Г. Разумовского, Ю.А. Саурова, Н.В. Шароновой и др.). Так, В.Г. Разумовский выделил роль, структуру, содержание физической теории, связи между фундаментальными теориями. Методологической компоненте в подготовке учителя физики посвящены труды Ю.А. Саурова и Н.В. Шароновой. Однако системного взгляда с позиций синтеза современной физики, философии науки и методики преподавания на построение курсов физики школы и вуза не было. Задача построения содержания курса физики с точки зрения диалектического понимания законов природы, объясняемых на основе концепций неравновесных процессов через выход на синергетическое понимание мира как единства порядка и хаоса, решалась в докторской диссертации А.П. Лешукова «Концептуальные основы реализации мировоззренческого потенциала специальной подготовки будущих учителей физики в педагогическом вузе» (2003 г.).

Поражает глубина проработанности проблемы детерминизма в понимании поведения динамических систем от античных представлений до современной теории квантового хаоса. В монографии [2] Александр Павлович писал: «В основе классификации естественнонаучных законов лежат многообразные формы детерминизма окружающего мира: порядок и хаос, сгущение и разряжение, структурирование и распад, устойчивость и изменчивость. Равновесие и изменение, что может быть отражено во взаимосвязи категориальной пары “постоянное – переменное” [2, с. 10]. Приведенная логика рассмотрения законов природы в контексте физики неравновесных процессов позволяет стереть линию, разделяющую в сознании учащихся не только различные законы естествознания, но и законы жизни и общественного развития» [2, с. 11].

Исследования автора в вопросах достижений и трудностей классического подхода к пониманию физических процессов и законов как обратимых, сводимых и интегрируемых позволили: указать путь разрешения противоречий и парадоксов классической фи-

зики на неклассическом, квантово-релятивистском этапе ее развития; выявить современные подходы к разрешению основных противоречий классической физики, связанных с физикой неравновесных процессов, закономерностями детерминированного хаоса, анализа диссипативных, сложных, взаимодействующих, открытых, необратимых, неустойчивых, вероятностных систем; обосновать необходимость целостного понимания законов природы как единства обратимости и необратимости, порядка и хаоса, энтропии и становления, развития, эволюции.

*Почетный профессор ВГПУ –
Александр Павлович Лешуков. 2011 г.*

Такой подход синтеза основных идей современной научной физической теории и традиционных, классических взглядов лег в основу разработанной методики преподавания курса физики, практическим приложением которой стал спецкурс «Эволюция физической картины мира в контексте концепций неравновесных процессов».

Этапными и взаимодополняющими друг друга являются написанные А.П. Лешуковым научные статьи и книги: «Формирование понятий “хаос” и “порядок” в курсе физики педвуза»; «Формирование понятий “пространство” и “время” в процессе рассмотрения эволюции физической картины мира»; «Формирование мировоззрения старшеклассников в процессе обучения физике в контексте современных достижений в науке»; «Формирование естественнонаучной картины мира при изучении физики в педагогическом вузе»; «Общенаучная парадигма и ее влияние на мировоззрение»; «Изучение методов научного познания в школьном курсе физики»; «Теория и практика реализации мировоззренческого потенциала будущих учителей физики в педагогическом вузе».

Образовательное значение последней работы трудно переоценить. Для общего представления приведем основные структурные элементы книги.

ГЛАВА I. ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ ФИЗИКИ

1. Изучение законов природы в курсе физики как основы деятельности учителя по формированию научного мировоззрения учащихся. 2. Традиционные

проблемы формирования научного мировоззрения при изучении физики. 3. Синергетический подход как методологическая основа формирования современного научного мировоззрения. 4. Роль специальных предметов в системе профессиональной подготовки учителя физики к работе по формированию научного мировоззрения учащихся. 5. Мировоззренческий анализ специальных дисциплин государственного образовательного стандарта по специальности «Физика» (032200). 5.1. Курс «Механики» в контексте физики неравновесных процессов. 5.2. Преподавание курса «Электродинамика» с позиций физики неравновесных процессов.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА

1. Античные представления о материальных основах мира. 2. Механическая картина мира. 3. Электромагнитная теория понимания мира. 4. Достижения физики XX в., основы современной физической картины мира.

ГЛАВА III. ЭВОЛЮЦИЯ ФИЗИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ В КОНТЕКСТЕ МНОГООБРАЗНОЙ СУЩНОСТИ ФИЗИЧЕСКОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

1. Пространственно-временная симметрия и интегрируемость детерминизма классической физики. 2. Проблема неинтегрируемости и расходимости в понимании поведения динамических систем. 3. Квантово-релятивистские подходы к преодолению расходимости и неинтегрируемости в описании физических процессов. 4. Общее и специфическое в классической и квантово-релятивистской механике, перспективы дальнейшего развития физической теории.

ГЛАВА IV. ФИЗИКА НЕРАВНОВЕСНЫХ ПРОЦЕССОВ – КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ВЕРОЯТНОСТНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА

1. Синергетический подход к анализу нелинейных диссипативных систем. 2. Теория детерминированного хаоса как предпосылка и основа описания необратимых, асимметричных динамических систем. 3. Теория квантового хаоса – концептуальная основа современных подходов к пониманию происхождения Вселенной.

ГЛАВА V. ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОВЕРКА МЕТОДИКИ ФОРМИРОВАНИЯ МИРОВОЗЗРЕНИЯ БУДУЩЕГО УЧИТЕЛЯ ФИЗИКИ

1. Организация и проведение педагогического эксперимента. 2. Состояние проблемы в практике работы преподавателей физики школ и педагогических вузов. 3. Итоги формирующего эксперимента.

По мнению коллег и экспертов, уровень исследования проблемы при ином стечении внешних обстоятельств мог бы обеспечить защиту докторской диссертации по физике (07.00.10 – История науки и техники). Однако кризис образования, вылившийся в проблему выживания университета, требовал постоянного взаимодействия на всех уровнях власти и занимал уйму времени и здоровья.

S.E. Pogozhev, E.B. Yakimova

LIFE IN EDUCATION (IN MEMORY OF A.P. LESHUKOV)

The article describes the key moments of the life and scientific works of professor, doctor of Pedagogy, A.P. Leshukov.

History of the Pedagogical Institute of Vologda State University, physics, teaching methods of physics.

Занимаясь конструированием нового содержания курса физики, А.П. Лешуков вынашивал проект создания нового учебно-методического комплекса с учебниками, дидактическим материалом и т.д., который, к сожалению, так и не удалось осуществить в полной мере. Преподаватели кафедры физики и методики преподавания физики, во многом основываясь на работах профессора А.П. Лешукова, продолжают научные исследования в области формирования современного естественнонаучного мировоззрения на междисциплинарной основе.

Заслуги Александра Павловича Лешукова как педагога, ученого, ректора и общественного деятеля отмечены многими государственными наградами: нагрудный знак «Отличник просвещения СССР» (1991 г.), почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1998 г.), медаль К.Д. Ушинского (2001 г.), орден Дружбы (2006 г.), почетное звание «Почетный работник науки и техники Российской Федерации» (2011 г.) и многие другие знаки отличия. За выдающиеся достижения в области высшего профессионального образования и науки, прославившие город Вологду на всероссийском и мировом уровнях, активное участие в общественной жизни города Вологды, долговременную устойчивую известность и авторитет среди вологжан Александру Павловичу было присвоено звание «Почетный гражданин города Вологды».

Скончался Александр Павлович 5 июня 2013 года в возрасте 62 лет.

Литература

1. Лешуков, А.П. Концептуальные основы реализации мировоззренческого потенциала специальной подготовки будущих учителей физики в педагогическом вузе: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.02 / Лешуков А.П. – Вологда, 2003. – 265 с.
2. Лешуков, А.П. Теория и практика реализации мировоззренческого потенциала будущих учителей физики в педагогическом вузе: монография / А.П. Лешуков. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. Герцена, 2003. – 141 с.

В.А. Праг, Н.А. Цыплёнок
Вологодский государственный университет

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ФАКУЛЬТЕТА ПРИКЛАДНОЙ МАТЕМАТИКИ, КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И ФИЗИКИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ВоГУ В ЛИЦАХ (1920–1940-е годы)

В статье представлены биографические сведения о преподавателях, которые внесли большой вклад в становление факультета, в постановку методической подготовки студентов Вологодского педагогического института – будущих учителей математики и физики в 1920–1940 годы.

История Педагогического института ВоГУ, математика, физика, методика преподавания математики, методика преподавания физики.

История факультета прикладной математики, компьютерных технологий и физики неразрывно связана с историей Педагогического института Вологодского государственного университета, одного из старейших высших педагогических учебных заведений России, и с историей нашей страны в целом.

В ноябре 1912 г. в Вологде был открыт Вологодский учительский институт, в который принимались лица всех сословий в возрасте от 16 до 25 лет после сдачи приемных экзаменов. Срок обучения – 3 года, ежегодный выпуск – 25 человек. Часть студентов обеспечивалась стипендиями в размере около 150 руб. Институт готовил учителей для городских, уездных и высших начальных училищ.

Одним из студентов первого выпуска Вологодского Учительского института был Михаил Александрович Попов. М.А. Попов родился в феврале 1888 г. в семье крестьянина в деревне Покровское Биряковского района Северного края. После окончания двухклассного училища поступил в Тотемскую учительскую семинарию, из которой в 1906 г. был исключен за участие в забастовке. Однако в 1908 г. все-таки окончил ее. Работал учителем в начальном земском училище в Междуреченском районе, а в 1912 г. поступил в Вологодский учительский институт, который закончил в 1915 г. с золотой медалью. В 1916 г. был направлен на учебу в Александровское военное училище в г. Москве. В Первую мировую войну на фронте М.А. Попов был сначала в тыловых частях, а затем попал на передовую линию и в июле 1916 г. во время Брусиловского прорыва получил тяжелое ранение в голову. После ликвидации полка в 1918 г. направлен в Грязовец в распоряжение Военного комиссара, к военной службе был признан непригодным и вернулся на педагогическую работу: он преподавал математику в учительской семинарии, преобразованную впоследствии в педагогический техникум. М.А. Попов был преподавателем и руководителем различных учебных заведений Вологодской области. Так в 1932–1936 гг. он – директор вновь организованного ветеринарного института, который был расположен в здании бывшей

губернской мужской гимназии (ныне второй учебный корпус ВоГУ – электроэнергетический факультет). Институт произвел лишь один выпуск ветврачей и затем был переведен в город Киров (Вятка). В 1936–1938 гг. М.А. Попов – помощник директора Вологодского педагогического института по Учительскому институту, заведующий подготовительными курсами, преподаватель кафедры математики. В 1938 г. репрессирован следственными органами и расстрелян.

В 1918 г. Вологодский учительский институт был преобразован в Вологодский педагогический институт, который работал в здании, построенном для Вологодской духовной семинарии – одном из старейших учебных заведений на Севере. Под разными названиями пединститут здесь располагался до 1923 г. В настоящее время это здание – административный корпус ВоГУ.

П.А. Ларичев

Считаем необходимым отметить, что на нашем факультете учился известный педагог-математик Павел Афанасьевич Ларичев, автор «Сборника задач по алгебре», который получил всеобщее признание. Павел Афанасьевич родился 16 февраля 1892 года в уездном городе Грязовце Вологодской губернии. После окончания городского училища П.А. Ларичев по-

Н.В. Шалауров в разные годы жизни

ступил в Тотемскую Учительскую семинарию. В 1911 году он получил звание народного учителя и был назначен учителем начальной школы в селе Новленское Вологодского уезда. В 1913 году Павел Афанасьевич поступил в Вологодский учительский институт, а в 1918 году поступил на физико-математический факультет Вологодского педагогического института. Упорный труд над получением высшего образования он сочетал с работой в школе; будучи студентом, он продолжал педагогическую деятельность в качестве учителя математики средней школы в Вологде, а затем в Москве. В 1944 году Павел Афанасьевич был приглашен Министерством просвещения РСФСР на должность консультанта-методиста при Управлении школ. За плодотворную общественно-педагогическую деятельность в 1944 году он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а в 1948 году – орденом Ленина. В 1947 году ему было присвоено почетное звание заслуженного учителя школы РСФСР, а в 1950 году он был избран членом-корреспондентом Академии педагогических наук РСФСР.

Важную роль в становлении нашего факультета в эти годы сыграл Николай Викторович Шалауров. Николай Викторович родился в Вологде в 1891 году в семье учителя физики и математики. Среднее образование он получил в местной мужской гимназии, которую окончил в 1910 году с золотой медалью. В том же году поступил на физико-математический факультет Петербургского университета. блестяще выполнив выпускную работу «Определение диэлектрической постоянной газов», в 1915 году Николай Викторович закончил университет с дипломом первой степени. Имея желание посвятить себя педагогической работе, в том же году поступил в Московский Высший педагогический институт, который окончил по первому разряду в 1917 году, получив квалификацию в области методики преподавания физики. Ему предложили остаться в Москве для дальнейшей работы, но тяжелая болезнь отца вынудила его вернуться на родину.

В Вологде Н.В. Шалауров работал преподавателем физики в мужской гимназии, а затем в школе второй ступени. В 1918 году Николай Викторович принимал активное участие в создании Пролетарского университета в Вологде и работал в нем преподавателем физики, а после преобразования университета в рабфак продолжил там работу. В декабре 1918 года

избирается преподавателем Института народного образования (так в это время назывался Вологодский педагогический институт), а через год – председателем педагогического Совета института. В 1921 году Наркомпрос утвердил его в должности ректора института. За выдающуюся научную работу и образцовую педагогическую деятельность ГУС Наркомпроса в январе 1922 года присвоил ему звание профессора. Н.В. Шалауров был активным борцом с безграмотностью. В летние каникулы 1919–1921 гг. организовывал курсы переподготовки учителей единой трудовой школы. В годы гражданской войны он выступал на предприятиях, клубах с лекциями. В 1920 году он избирается депутатом городского Совета и членом губернского правления профсоюза работников просвещения. В 1923 году он организовал секцию научных работников Института народного образования и молочно-хозяйственного института и был первым ее председателем.

В 1923 году после закрытия в Вологде института народного образования Н.В. Шалауров переводится на преподавательскую работу в Белоруссию: Витебский пединститут, Белорусский государственный университет. В 1931 году он был приглашен на работу в Москву, где длительное время был председателем программно-методической комиссии по общенаучным дисциплинам в ГУУЗе Наркомтяжпрома. Научно-преподавательскую деятельность он продолжал в Зооветеринарном институте, в МВТУ, в Заочном текстильном институте, Московском инженерно-экономическом институте им. С. Орджоникидзе. Награжден медалью «За оборону Москвы» (1945 г.), медалью «За доблестный труд в Великой отечественной войне» (1946 г.). Н.В. Шалауров написал два учебника по физике для школ, учебник по физике для техникумов, методические пособия и целый ряд статей по проблемам методики преподавания физики. В 1941–1943 гг. он закончил большую научную работу по термодинамике. Скончался Н.В. Шалауров в 1949 году.

После временного прекращения своей деятельности Вологодский пединститут был вновь открыт 15 октября 1930 г. по постановлению Наркомпроса первоначально как Северный краевой педагогический институт, а с 1932 г. как Вологодский государственный педагогический институт. Открытие Вологодско-

го пединститута после временного прекращения его деятельности явилось большим событием в культурной жизни Северного края. Институт объединил ряд учебных заведений: педагогический техникум, педагогический рабфак, краевую опытно-педагогическую станцию в селе Юношеском Грязовецкого района, Вологодский учительский институт, Архангельский вечерний педагогический институт.

В эти годы одним из первых студентов Вологодского педагогического института был Николай Павлович Милицин, уроженец Биряковского района Северного края.

Н.П. Милицин

После учебы в двухклассном училище Н.П. Милицин поступил в Грязовецкий педтехникум, после реорганизации которого в 1925 г. окончил Вологодский педагогический техникум, работал учителем физики и математики Старосельской семилетней школы Шуйского района, в школах и техникумах г. Вологды. В 1932 г. поступил в Вологодский пединститут на вечернее отделение. Сразу после окончания института работал в Вологодском педагогическом институте преподавателем математического анализа. В 1938 г. был репрессирован следственными органами и расстрелян.

Были и другие непростые судьбы, связанные с нашим факультетом. Петр Алексеевич Самохвалов родился в 1877 г. в семье учителя в селе Мача Пензенской губернии. В 1897 г. поступил в Петербургский университет на математическое отделение физико-математического факультета. В 1902 г. П.А. Самохвалов окончил Петербургский университет с дипломом I степени и был оставлен при университете «для подготовки к профессорскому званию по кафедре чистой математики». Работая преподавателем высшей математики в различных военно-учебных учреждениях Санкт-Петербурга, принимал активное участие в создании основ российской методики алгебры и начал анализа: это и постановка вопроса об оторванности школьной математики от науки математики, и постановка проблемы включения элементов математического анализа в школьный курс математики, и начало разработки этих проблем под руководством известного методиста М.Г. Попруженко, одного из организаторов Первого Всероссийского съезда преподавателей математики в 1911 г. Имея богатый опыт методической работы, оказавшись в Вологде, П.А. Самохвалов

продолжил поиск новых методических основ преподавания математики: в 1921–1932 годах он – методист по математике в Вологодском институте народного образования, работал в Губернском методическом бюро, занимался преподавательской и руководящей деятельностью в школах, техникумах г. Вологды. В 1935–1938 гг. П.А. Самохвалов – преподаватель кафедры математики Вологодского пединститута.

«Гов. Самохвалов П.А. имеет значительный опыт научной работы в высшей школе, что позволяет ему получать повышенный оклад содержания и делает его ценным работником вуза».

Из личного дела П.А. Самохвалова

«Несмотря на большую загруженность в Институте и экспериментальной школе № 5, Петр Алексеевич ведет научно-исследовательскую работу в области методики математики («Изучение учебных ошибок и методы их ликвидации»). Петр Алексеевич был и остается в данное время ценным работником для Пединститута; теоретические знания и практический опыт его могут в значительной мере помочь кафедре и институту в деле подготовки педагогических кадров».

Выписка из протокола заседания кафедры математики ВГПИ от 20.03.37 г.

Развитие учебной и методической деятельности физических кафедр на начальном этапе связано с именем Анатолия Владимировича Кузьминского. А.В. Кузьминский родился в 1892 г. в семье священника. В 1922 г. окончил физико-математический факультет Петербургского университета. С 1919 по 1964 годы жизнь А.В. Кузьминского связана с нашим факультетом: он работал преподавателем физики в Вологодском институте народного образования; возглавлял кафедру физики во вновь открывшемся пединституте, исполнял обязанности директора учительского института, заведовал кафедрой теоретической физики. Читал лекционные курсы по молекулярной физике и термодинамике, статистической физике.

А.В. Кузьминский

В 1919 г. вместе с А.В. Кузьминским на работу в Вологодский институт народного образования был принят еще один выпускник Петербургского университета – Козлов Алексей Иванович.

А.И. Козлов

А.И. Козлов работал преподавателем элементарной и высшей математики, заведующим подготовительным отделением в Вологодском педагогическом институте с 1919 г. до его закрытия в 1923 г. С 1930 г. (с момента открытия вновь Вологодского пединститута) до последних дней жизни возглавлял кафедру математики, вел лекционные и практические занятия по курсам: графические методы изучения функций, математический анализ, аналитическая геометрия и высшая алгебра.

А.И. Козлов проводит консультацию

В 1936–1941 гг. А.И. Козлов возглавлял факультет, будучи его деканом. В течение всей работы был бессменным руководителем методической работы с учителями города Вологды. Становление учебной базы и вся история развития физико-математического факультета в эти годы связана прежде всего с именами А.И. Козлова и А.В. Кузьминского. На посту декана факультета А.И. Козлова в годы Великой Отечественной войны сменила Антонина Сергеевна Гусева. Антонина Сергеевна родилась в Вологде в семье рабочего. В 1938 г. с отличием окончила отделение математики Вологодского пединститута и была оставлена на кафедре математики в должности ассистента. В 1947 г. А.С. Гусева переведена на должность старшего преподавателя. В 1943–1946 гг. была деканом физико-математического факультета. Антонина Сергеевна проработала на факультете до 1975 г. (т. е. 37 лет), вела лекционные курсы и практические занятия по аналитической геометрии, проективной геометрии и курсу оснований геометрии.

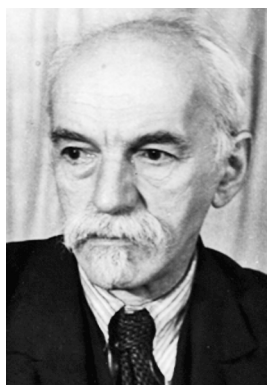

А.С. Гусева

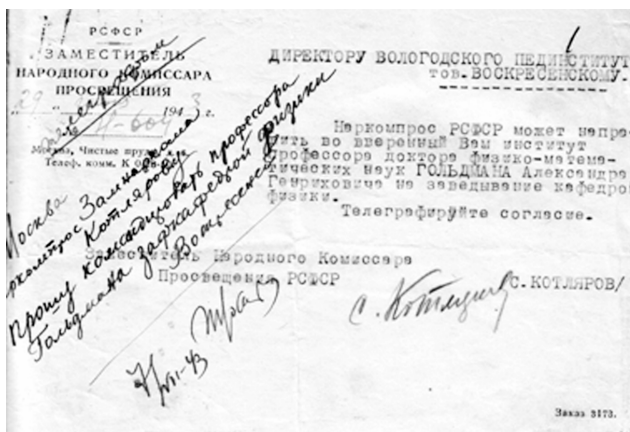
*Факультетский вечер,
19 апреля 1941 г.*

Становление и развитие научно-исследовательской деятельности на кафедре физики в сороковые годы прошлого века связано с именем А.Г. Гольдмана, доктора физико-математических наук, профессора, академика АН УССР [4]. Родился Александр Генрихович Гольдман в 1884 г. в г. Варшаве в семье врача. В 1890 г. семья переехала в г. Киев. В Киеве он обучался в 1-й гимназии, а затем в Киевском университете, который закончил в 1909 г. Для продолжения научной работы выехал за границу в г. Лейпциг, где и работал в течение трех лет ассистентом в Физическом институте. С началом Первой мировой войны в 1914 г. вернулся в Россию и до 1918 г. работал в Петрограде в Главной палате мер и весов и преподавал в Политехническом институте. В 1920 г. был назначен профессором и заведующим кафедрой физики Киевского политехнического института. В 1923 г. организовал и возглавил Киевскую научно-исследовательскую кафедру физики, которая в 1929 г. была преобразована в Киевский научно-исследовательский институт физики. 5 октября 1939 г. постановлением особого совещания при НКВД СССР направлен в ссылку на жительство в г. Акмолинск Казахской ССР сроком до 23.01.1943 г. Будучи в ссылке, А.Г. Гольдман продолжил свою научную и педагогическую деятельность. В 1943 г. А.Г. Гольдман поступает в распоряжение Народного Комиссариата Просвещения РСФСР и направляется на работу в г. Вологду. С июня 1944 г. А.Г. Гольдман приступил к преподавательской и научной работе в Вологодском государственном педагогическом институте.

А.Г. Гольдман

А.Г. Гольдман, обладая высокими организаторскими способностями, сумел создать научную школу физиков-исследователей. По его инициативе в 1948 г. была открыта аспирантура по направлению – физика полупроводников и диэлектриков. Первыми аспирантами стали выпускники физико-математического факультета: А.П. Полетаев, Б.В. Соколов, Г.А. Жолкевич, Е.П. Скиба, Н.М. Дикарев, которые впоследствии успешно защитили кандидатские диссертации и всю свою трудовую деятельность посвятили научной и педагогической работе. Плодотворная деятельность А.Г. Гольдмана в стенах педагогического института породила целую плеяду талантливых ученых-физиков, результаты исследований которых успешно реализованы в промышленных масштабах при разработке технологий производства полупроводниковых приборов.

Кроме научных исследований, под руководством А.Г. Гольдмана совершенствовался учебный процесс, создавались новые лаборатории, оснащенные современным физическим оборудованием, систематически для преподавателей, сотрудников и аспирантов кафедры проводился научный семинар по современным достижениям науки и техники. Особое внимание уделялось постановке демонстрационного физического эксперимента. Созданная лаборатория демонстрационного эксперимента до настоящего времени является

в своем роде уникальной среди вузов Вологодской области и Северо-Западного региона.

Первые аспиранты кафедры общей физики. 1948 г.

А.Г. Гольдман работал в Вологодском пединституте до 1952 года. Реабилитирован А.Г. Гольдман 20 июля 1956 г. Судебной коллегией по криминальным делам Верховного суда УССР. С 1959 г. заведовал лабораторией Киевского Института физики АН УССР.

Профессор А.Г. Гольдман и ассистент-демонстратор В.С. Лаговский

Мы, конечно, не смогли назвать всех, чьи судьбы были связаны с педагогической деятельностью на нашем факультете в 1920–1940-х годах, но надеемся, что данная статья лишь первый шаг к знакомству с другими судьбами преподавателей и выпускников нашего факультета и в далекие, и в близкие к нам годы.

Литература

1. Вологодский государственный педагогический институт (к 50-летию со дня основания) / под ред. П.А. Колесникова. – Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1968. – 150 с.
2. Материалы архивов Педагогического института ВоГУ.
3. Рожденные Вологодчиной. Энциклопедический словарь биографий / сост. М.В. Суров. – Вологда, 2005. – 784 с.
4. Погожев, С.Э. Академик Александр Гольдман – ученый и педагог [Электронный ресурс] / С.Э. Погожев // Известия ВГПУ. – 2014. – № 3 (2). – С. 133–140. – Режим доступа: <http://izvestia.vologda-uni.ru>.

V.A. Prag, N.A. Tsyplenkova

**PAGES OF HISTORY OF APPLIED MATHEMATICS, COMPUTER TECHNOLOGY
AND PHYSICS FACULTY OF THE PEDAGOGICAL INSTITUTE
OF VOLOGDA STATE UNIVERSITY IN PORTRAITS (1920–40s)**

The article presents biographical information about the teachers who have made a great contribution to the establishment of Applied Mathematics, Computer Technology and Physics Faculty, as well as in the development of methodical preparation of students of the Vologda Pedagogical Institute - the future teachers of mathematics and physics in 1920–1940s.

History of the Pedagogical Institute of Vologda State University, mathematics, physics, mathematics teaching methods, physics teaching methods.

НАУЧНЫЕ ОТЧЁТЫ, ОБЗОРЫ, ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

О.В. Третьякова

кандидат филологических наук,
заведующий отделом редакционно-издательской
деятельности и научно-информационного
обеспечения Института социально-экономического
развития территорий РАН

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»: ЭКСПЕРТНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предметом заключения являются выпуски научного журнала «Вестник Вологодского государственного университета» за 2016 год.

Журнал публикует результаты исследований в области гуманитарных, общественных и педагогических наук. Таким образом, содержание выпусков регламентируется перечнем научных специальностей: 07.00.00 – Исторические науки; 09.00.00 – Философские науки; 10.01.00 – Литературоведение; 10.02.00 – Языкознание; 13.00.00 – Педагогические науки. Анализ контента журнала показывает, что в соответствующих разделах опубликованы статьи, содержащие результаты научных исследований по заявленным группам специальностей, а также научные обзоры, научные отчеты, рецензии и отзывы на научные издания. Публикаций ненаучного характера и не соответствующих заявленным специальностям нет.

«Вестник ВоГУ» является рецензируемым научным журналом. Его макро- и микроструктура соответствует данному типу. Поскольку в издании принята система открытого рецензирования, информация об экспертах указывается непосредственно после статьи. В ходе анализа не выявлены материалы, в отношении которых эти правила не соблюдаются. Состав экспертной группы представительный: среди рецензентов преимущественно доктора и кандидаты наук по специальностям, определяющим тематику разделов. Научная проблематика публикаций и квалификация их авторов в основном соответствуют научным специализациям рецензентов. Следует отметить, что значительная доля статей рецензируется главным редактором. Это допустимо. Но в международной практике предпочтение отдается двойному слепому рецензированию с преобладанием внешнего рецензирования. Можно рекомендовать редколлегии рассмотреть вопрос о внедрении указанной системы.

Состав редколлегии авторитетный. В нее входят ученые, преимущественно доктора наук, по каждой заявленной группе специальностей. В целом состав редколлегии имеет локальный характер, так как все ее члены, кроме одного представителя из Германии, являются сотрудниками одного вуза. На наш взгляд, для продвижения журнала необходимо дополнительно сформировать редсовет с максимально возможным международным участием.

Анализ трех выпусков показал, что в издании складывается высококвалифицированный авторский коллектив. Доля докторов и кандидатов наук в общем числе авторов составляет 92% (67 авторов из 73). В выпусках опубликованы 6 статей зарубежных авторов. География российских авторов представлена 5 федеральными округами (Северо-Западный, Южный, Центральный, Сибирский и Северо-Кавказский), городом федерального значения (Москва). Самая большая доля публикаций принадлежит авторам из СЗФО (56% авторов из СЗФО), значительная часть статей подготовлена сотрудниками ВоГУ (доля внешних статей составляет 37%), что характеризует журнал как локальный.

Так как в ближайшей перспективе редколлегия планирует представить журнал на экспертизу Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России с целью включения издания в рекомендованный список рецензируемых научных журналов, публикующих результаты исследований соискателей ученых степеней кандидатов и докторов наук, мы проанализировали выпуски 2016 года на соответствие их требованиям ВАК. На наш взгляд, структура публикации (формулировка тем, структура аннотаций, подбор ключевых слов, общая структура статей, оформление справочно-библиографического аппарата к статьям) и принципы размещения материалов в составе разделов и в журнале в целом соответствуют установленным требованиям. Наименование и содержание рубрик издания отвечают группам специальностей научных работников (до 5), установленным Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Издание имеет международный стандартный номер сериального издания (ISSN) и зарегистрировано в Российском индексе научного цитирования, что также отвечает требованиям ВАК. Для полного соответствия печатной версии установленным требованиям научное издание должно быть зарегистрировано как средство массовой информации (регистрация в Роскомнадзоре). Журнал должен выходить с периодичностью не менее 8 выпусков за 2 года (необходимо определить и соблюдать строгую периодичность выхода в свет выпусков), а также иметь подписной индекс распространителя по договору подписки (следует заключить договор с подписным агентством).

Сайт издания состоит из 4 разделов, включающих общие сведения об издании, составе редакции, требованиях к рукописям и архив выпусков. Дизайн и верстка аккуратные. Контент только частично отвечает требованиям ВАК. Желательно, чтобы у журнала был свой собственный сайт с отдельным доменным именем. Обязательно наличие англоязычной версии сайта. Чтобы привести сайт в полное соответствие с этими требованиями, следует его доработать по следующим направлениям:

1. Общий раздел с информацией о журнале дополнить сведениями о наименовании учредителя (учредителей) и издателя (издателей); включить адрес учредителя, издателя и типографии, год основания журнала, данные об официальной регистрации в Роскомнадзоре и Международном ISSN центре, данные о размещении выпусков журнала в базах данных (РИНЦ, WoS, Scopus и др.); указать периодичность выхода, основные цели и задачи журнала, перечень тематических рубрик; привести данные о количественном составе редакционной коллегии и редакционного совета (указать, сколько всего ученых в составе редколлегии, в составе редсовета, сколько из них кандидатов наук, докторов наук, специалистов без ученой степени, сколько кандидатов и докторов наук относятся к профессорско-преподавательскому составу), а также данные о включении журнала в подписной каталог. Все сведения необходимо представить на русском и на английском языках.

2. Сведения о каждом из членов редсовета и редколлегии представить на русском и английском языках. Имеющиеся на сайте сведения, включающие ФИО, ученую степень, ученое звание и должность каждого члена редколлегии, следует дополнить полным названием организации-места работы и контактными данными (рабочий телефон с кодом страны и города, адрес электронной почты, почтовый адрес организации-места работы).

3. Согласно требованиям на сайте необходимо представить на русском и английском языках описание тематики журнала, а также правила направления, рецензирования и опубликования научных статей. Имеющиеся на сайте требования к статьям касаются в основном технических моментов. Рекомендуем разработать подраздел «Авторам» и включить в него исчерпывающий перечень требований редакции к направляемым статьям; примеры аннотаций, ключевых слов, «шапки» статьи, оформления постраничных сносок и списка литературы; контактные данные редакции и ответственных лиц; условия принятия рукописей статей к публикации. Указанные сведения следует продублировать на англоязычной версии сайта.

4. Следует подготовить, утвердить и разместить на сайте на русском и английском языках положение о рецензировании в журнале. В данном документе в обязательном порядке должно быть указано, что рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет и направляются в Минобрнауки при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса; отмечено, что в качестве рецензентов могут привлекаться лишь признанные специалисты по тематике рецензируемых материалов, имеющие в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемых материалов. В положении о рецензировании следует указать, что редакция направляет авторам представленных материалов копии рецензий либо мотивированный отказ.

В соответствии с законом о СМИ в журнале приведены сведения о главном редакторе (фамилия и инициалы), дан порядковый номер выпуска, указан тираж. Необходимо оформить выходные данные согласно требованиям данного закона, т.е. указать дату выхода в свет, сведения о стоимости (если издание распространяется без фиксированной стоимости, то указывается следующее: «Свободная цена»), дать информацию о регистрации, сведения об учредителе и издателе, а также адрес редакции, издателя и типографии.

В целом издание производит благоприятное впечатление. Главная его составляющая – его научный контент – имеет высокую степень профессиональной проработанности и качества. Можно сказать, что журнал обладает всеми необходимыми характеристиками для формирования положительного имиджа среди читательской аудитории. Вместе с тем, редакции еще предстоит масштабная и кропотливая работа по регистрации журнала и приведению его в строгое соответствие со всеми требованиями ВАК и контролирующих органов, расширению географии авторов, рецензентов, членов редколлегии и редсовета, а также по доработке сайта издания.

Для продвижения журнала и его интеграции не только в российское, но и международное информационное пространство можно рекомендовать редколлегии рассмотреть вопрос о включении издания в международные базы данных, в частности в Международный репозиторий журналов открытого доступа DOAJ (Directory of Open Access Journals) и реферативную базу данных по гуманитарным и социальным наукам European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIHPLUS). На наш взгляд, у издания хорошие перспективы стать ведущим в регионе журналом по заявленным специальностям и занять свою нишу среди профильных российских журналов.

С.А. Ганичева
младший научный сотрудник
Института русского языка РАН

ЭЛЕКТРОННЫЙ СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ (государственный научный грант Вологодской области)

Проект посвящен изучению языковой личности носителя вологодских говоров. Работа выполнена в русле антропоцентрического направления диалектологии, активно развивающегося сегодня и предполагающего внимание к отдельному человеку как носителю диалекта и народной языковой картины мира. Проект продолжает серию исследований особенностей мировосприятия жителя Русского Севера, которые выполняются кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета.

Электронный тематический словарь диалектной языковой личности впервые составляется на вологодских материалах. Для изучения была выбрана языковая личность уроженца деревни Борбушино Кирилловского района Вологодской области Николая Павловича Шаброва. Этот выбор обусловлен тем, что Н.П. Шабров является не только носителем местного говора, но и креативной языковой личностью: владеет навыками интересного рассказа, обладает богатым словарным запасом, хорошим языковым чутьем и языковой рефлексией.

Принципиальная новизна работы по сравнению с предшествующими исследованиями определяется следующим. Во-первых, словарь языковой личности на материале вологодских говоров составлен впервые. До сих пор исследование языковой картины мира вологодского крестьянина проводилось путем составления речевых портретов отдельных носителей говоров или изучения в когнитивном аспекте отдельных семантически или структурных групп слов. Кроме того, тематические словари также практически не представлены в вологодской лексикографии, за исключением подготовленного нами пробного «Словаря лексики говоров природы Кирилловского района Вологодской области» (2013 г.). Во-вторых, принципиаль-

но новым для русской диалектологии является тематическая организация словаря диалектной языковой личности. В существующих опытах слова расположены в традиционном алфавитном порядке (В.П. Тимофеев и др.). В-третьих, значительную часть данных для словаря составляет уникальный для русской диалектологии материал – созданный самим информантом, Н.П. Шабровым, рукописный архив.

Основным результатом работы над проектом является электронный тематический словарь языковой личности, размещенный на сайте Вологодского государственного университета (режим доступа: http://www.vologda-uni.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm). Он дополнен сопроводительными материалами, позволяющими более ярко представить изучаемую языковую личность: текстами, созданными Н.П. Шабровым (75 текстов), со сканкопиями рукописей; краткой биографической справкой; речевым портретом Н.П. Шаброва; фотоархивом. Интерпретация исследуемых материалов в когнитивном аспекте позволила описать особенности изучаемой языковой личности на вербально-семантическом, лингвокогнитивном, прагматическом уровнях, выявить ряд трансформаций, произошедших с исходными чертами диалектной языковой личности под влиянием профессионального образования и городской культуры.

Результаты работы над проектом отражены в пяти статьях, представлены в докладах на всероссийских научных конференциях (Санкт-Петербург, Кострома, Казань), на выездном заседании семинара «Филология смотрит в будущее» (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, ноябрь 2016 г.). По проблематике проекта проведено научно-популярное мероприятие на базе БУК ВО «Областная универсальная научная библиотека».

Р.Л. Красильников
доктор филологических наук,
профессор кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: СКЛЯРОВ О.Н. «В ЗАГОВОРЕ ПРОТИВ ПУСТОТЫ И НЕБЫТИЯ»:
НЕОТРАДИЦИОНАЛИЗМ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА. М.: ИЗД-ВО ПСТГУ, 2014. 224 с.**

Книга О. Склярова посвящена, несомненно, актуальной и важной научной проблеме. Автор предлагает свой взгляд на суть неотрадиционализма как феномена, на его место в русской литературе XX в.

Концептуальной основой для монографии является выделение в неклассической художественной парадигме четырех видов творческого мышления. Это творческое мышление, во-первых, «дивергентного типа, претендующее на безграничную свободу самовыражения и эксперимента» (авангардизм, постмодерн), во-вторых, «регламентарно-нормативистской направленности» (соцреализм), в-третьих, «прокласической направленности» (авторы-«знатые», представители «деревенской прозы» и др.) (с. 20–21). Наконец, в-четвертых, О. Скляров констатирует существование «особой устремленности неклассического творческого мышления, усвоившего уроки модернизма, но не пошедшего до конца по пути авангардистского “раскрепощения” и не свернувшего в русло литературного реставрационизма и нормативизма, а проявившего новый, сознательный и свободный интерес к классическим универсалиям и ценностям традиции» (с. 21–22).

Таким образом, автор монографии пытается сузить значение термина «неотрадиционализм». В этом стремлении он опирается, прежде всего, на работы В. Тюпы, но вместе с тем указывает на схожие размышления о постреализме (Н. Лейдермана и М. Липовецкого), неореализме (Е. Замятина и В. Келдыша), метареализме (М. Эпштейна) и др.

Подводя читателя к определению данного феномена, О. Скляров пишет о взаимодействии культурной традиции и индивидуального творчества вообще. Автор монографии описывает изменение отношения к этому вопросу в различные эпохи, в контексте различных художественных парадигм. В результате непримиримой борьбы архаистов и новаторов возникает своеобразная, непродуктивная и, по сути, ложная оппозиция: «либо радикальный творческий “произвол”, раз и навсегда порывающий с любыми формами зависимости от “общих ценностей”, либо пассаизм (культ прошлого), охранительный нормативизм» (с. 38). Вместо этой дилеммы литературовед предлагает искать «средний» путь, позволяющий «сочетать прошлое с будущим, “память с познанием”, свободу творческого почина с верностью освященным традицией универсалиям и святыням» (с. 38).

В то же время О. Скляров подчеркнуто отстраняется от понимания традиции как всего многообразия культурного наследия, передаваемого от поколения к поколению в русле различных цивилизационных по-

токов (так в книге не рассматривается ориенталистская линия). Ориентиром для автора монографии являются эллинистско-христианские корни европейской культуры, «фундаментальная идея о непреложной объективности и общезначимости Истины» (с. 49). В этом же параграфе находим и конкретное определение традиции: «воспроизводство смысловой континуальности бытия, осмысленного, смыслоцентричного образа мира как универсума, в основе своей безусловно благого и бытийно оправданного; как такого мира, в котором есть смысл и потому возможны понимание, различение, ценность, оценка, поступок; мира, в котором человеческая жизнь и деятельность имеет безусловное, нерелятивизируемое значение» (с. 43). Поскольку в скобках дается пояснение, что эта дефиниция соответствует «неотрадициональному кредо», то можно представить ее как ключ к пониманию неотрадиционализма в монографии.

В конце первой, теоретической, главы неотрадициональное миропонимание характеризуется в сопоставлении с другими типами творческого мышления. По мнению О. Склярова, оно «в отличие от консервативно ориентированного прокласического сознания не считает для себя возможным (продуктивным) априорное и всецелое отвержение опыта модернизма»; «в отличие от устремленного к полнейшему творческому произволу “дивергентного” (авангардного и поставангардного) сознания не приемлет установок на предельный субъективизм, индивидуализм и “игровую” вседозволенность»; «в отличие от неонормативистского сознания полностью исключает возможность внешне регламентированного ограничения творческой свободы художника и подчинения его требованиям той или иной “единственно правильной” идеологии или эстетической доктрины» (с. 106–107).

Наконец, итоговые размышления о неотрадиционализме содержатся в заключении. Черты этого феномена «разлиты» в тексте, но их можно собрать, во многом благодаря курсиву: «поворот к объективному», «свободное и ответственное приятие всеобщего тезауруса культуры как безусловной реальности» (с. 212), «онтологическая ответственность», «сознание неразделимости свободы и онтологической причастности объективному, сверхличному» (с. 213), «понимание смысла, идеи, ценностного принципа как силы, силового (а не только знакового или семантико-эстетического) явления», понимание высших ценностей как «инспиративного, окрыляющего и радостно-творного начала» (с. 214), «реабилитация самой идеи общебытийного Смысла не только как “порядка” <...> но как такого начала, которое заслуживает бла-

говеиного поклонения и не допускает бесцеремонной манипулятивности» (с. 215), «поиски органичного синтеза (но не эклектического соединения!) различных, противоположных начал», «синтез личного и всеобщего, индивидуальной свободы и аксиологической общезначимости» (с. 218) и т.д.

Как видим, утверждение неотрадиционализма как феномена основано на несколько абстрактных признаках, переданных через описания философского характера. Осмысление понятия затрудняется еще и тем, что сам автор монографии подчеркивает «векторную», «проективно-моделирующую» природу объекта изучения (с. 106). Этот факт, безусловно, усложняет труд читателя.

Этот некоторый дисбаланс в книге смягчается аналитической главой, где О. Складов, как уже говорилось выше, разбирает конкретные литературные тексты в свете изложенных им теоретических идей. Своеобразной «отправной точкой» неотрадиционализма становится творчество Вяч. Иванова, затем в качестве объекта анализа выступают стихотворения О. Мандельштама, В. Ходасевича, А. Ахматовой, И. Бродского и Б. Кенжеева. Нельзя не отметить высокий уровень этих разборов, их тщательность, обилие находок в области смысла и формы. Вместе с тем данные параграфы не так тесно связаны с первой главой, как хотелось бы, зачастую выходят за рамки изложенных ранее теоретических принципов, не соединены друг с другом артикулированными переходами. Поэтому иногда складывается впечатление, что перед нами сборник статей, очерков, а не целостный монографический труд.

По ходу прочтения книги, ознакомления с концепцией О. Складова возникают и другие замечания и сомнения. Так хотелось бы более четко очертить круг произведений и их авторов, которых следует отнести к неотрадиционализму. «Векторный» характер феномена не служит оправданием для его довольно-таки абстрактного научного обоснования, и требуется более значительное количество примеров для обоснования новой трактовки термина. Несколько однозначным выглядит определение неоклассического типа мышления: ведь оно способно не просто копировать классические формы в русле пассаизма, но перерабатывать их с учетом новейших эстетических тенденций. Так, на наш взгляд, творчество И. Бунина и других «знаньевцев», которых О. Складов отнес к представителям проклассического направления, сочетало в себе традиционные и модернистские черты и может считаться неотрадиционалистским (в соответствии с концепцией монографии).

Вызывает вопросы и определение эллинико-христианской традиции как основы неотрадиционалистского типа мышления. Возможно, произведения отечественных поэтов, анализируемые в практиче-

ской главе, опираются преимущественно на эту парадигму ценностей. Однако литература в XX в. – и русская, и мировая – активно осваивала и другие религиозно-философские системы, прежде всего восточные, также настойчиво говорящие об «онтологической ответственности», «аксиологической общезначимости» и т.д. Это лишний раз подчеркивает стремление новейшей словесности к синтетичности, столь важной для неотрадиционализма.

Поэтому хотелось бы видеть в дальнейших изысканиях по этому вопросу, с одной стороны, большей определенности, а с другой – расширения в область иных культур. Актуальным было бы осмысление и текущего литературного процесса. На наш взгляд, черты неотрадиционализма можно увидеть в творчестве различных современных авторов – от представителей старшего поколения (А. Кушнера, О. Седаковой) до молодых поэтов, например публикующихся в издательстве «Воймега» (Н. Сучковой, А. Черного). В этом свете теория О. Складова могла бы принести пользу и литературной критике, предоставив инструментарий для концептуальной и стилистической характеристики новых произведений.

Вместе с тем озвученные нами сомнения и замечания не умаляют значения этой монографии для современной науки о литературе. В настоящее время очевидна необходимость сосуществования различных литературных векторов, и неотрадиционалистская тенденция является одним из таких течений, утверждающим себя наравне с другими. Однако литературоведы оказались неготовыми говорить об эстетике Новейшего времени, возможно, по причине того, что отечественная наука недавно пережила «провал» в своем интеллектуальном развитии, который не восполняется в одночасье. Следует признать потребность в обновлении терминологии и методологии, другими словами – в специальных научных трудах, где изучалась бы собственно традиция, соответствующая линия в истории словесности и трансформированные практики обращения к ней, где давались бы определения понятиям, характеризующим данный феномен, и намечались бы перспективы их использования.

Таким трудом, несомненно, является данная монография, цель которой может оказаться даже более масштабной, чем это представляется автору. Ее суть – в напоминании о том, что искусство без традиции невозможно, что радикальное противопоставление старого и нового непродуктивно, что литература рано или поздно возвращается к поиску смысла и ценностных ориентиров. В этом, наверное, заключается еще один важный посыл книги – просветительский: ведь никакая теория не имеет значения без чтения текстов, без коммуникации автора и читателя, в ходе которой срабатывают механизмы культурной памяти, цементирующие нашу цивилизацию.

Л.А. Якушева

кандидат культурологии,

доцент кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ШЕКСПИР УИЛЬЯМ. МАКБЕТ: ВЕЛИКИЕ ТРАГЕДИИ
В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ / ПОД ОБЩ. РЕД. И.О. ШАЙТАНОВА;
[ПЕР. С АНГЛ. С. СОЛОВЬЕВА, М. ЛОЗИНСКОГО, Б. ПАСТЕРНАКА];
СОСТ., ПРЕДИСЛ., КОММЕНТ. Л. ЕГОРОВОЙ. М.: ПРОЗАиК, 2015. 431 с.**

Традиционно издание книги, справочные материалы и комментарий – паратекст, подготавливающий читателя к восприятию произведения, – редко заслуживают отдельного внимания. Чуть более счастливая судьба у иллюстраций и оформления книги. Но, в данном случае, мы позволим себе отступление.

Во-первых, потому что это издание – юбилейное. На авантитуле книги воспроизведен портрет Шекспира с цифрой 450. Именно столько времени прошло с момента появления на свет этого театрального гения (дата крещения – 26 апреля 1564 года) и 400 лет со дня его смерти (23 апреля 1616 года). Повод сам по себе значительный, поэтому не приходится удивляться, что издание подготовлено при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России» (2012–2018) и осуществлено под общей редакцией доктора филологических наук, профессора И.О. Шайтанова – известного филолога, критика, просветителя, ведущего российского шекспироведа. Основательность, академизм книги подчеркивает и ее внешний вид. Для обложки дизайнером (В. Гусейнов) были выбраны два цвета – черный и красный – первые из тех, что стали использоваться в живописи, они же – знаки трагедии: любви и смерти. В качестве дополнительного элемента к тисненному шрифтовому оформлению здесь используется изображение меча, который своей резкой диагональю ассоциативно отсылает к росчерку пера или завершающей текстовой черте. Емкое, лаконичное и символическое оформление.

Во-вторых, исследователем, которому было поручено составление, предисловие и комментарии, стала вологжанка, доктор филологических наук, специалист по английской филологии – Егорова Людмила Владимировна. Предисловию книги и авторской акцентуации смыслов трагедии «Макбет» посвящена данная рецензия.

Текстовое сопровождение может быть условно разделено на два основных типа, по тем задачам, которые намечаются редактором: филологическая справка или критический отзыв. Данное издание – это профессиональный вдумчивый анализ известных в настоящее время источников, связанных с «Шотландской пьесой». Рассмотрим композиционную структуру и сквозное действие предложенного читателям текста.

Прежде всего, автор предисловия обращает внимание на те аспекты, которые являются опорными для любого художественного произведения: место и вре-

мя действия. Трагедия «Макбет» своим появлением и территориальной отсылке обязана королю-шотландцу Якову Стюарту, занявшему английский престол в 1603 году. Но этот факт интересен исследователю пьесы не только как свидетельство энциклопедической образованности Шекспира и его осведомленности в географии, климате, истории Шотландии. Внимание читателя фиксируется на том, что в шотландском законодательстве 1587 года содержалась установка на самоотрешение от власти правителя, допустившего промахи во время правления. (Отметим особо, Макбет публично себя клеймит, и это в сознании человека шекспировской эпохи – акт естественный и нормальный, но абсолютно не свойственный восточным деспотиям и почти не встречающийся в Российской истории.)

Далее исследователь называет и векторно указывает на развитие основных метафорических мотивов пьесы, соотнесенных с образом главного героя, словно подсказывая воображению читателя визуальные образы и концептуальные опоры содержания. Это мотив «природного роста» и отказа от него (Макбет нарушает связь с собственным естеством, предаёт Дункана как предшественника и наставника). С ним непосредственно соотнесен мотив бури, протеста природных сил против «порчи» и Макбета как «сорной травы». Речь идет о главном герое, судьба которого перекликается с сюжетами из других шекспировских произведений. В герое Шекспира произошли какие-то перемены, причины которых не известны ближайшему окружению, но заметны на контрасте того, *как* о нем говорят и *каким* он предстает перед читателем/зрителем. *Первое появление на сцене Макбета вызывает в памяти Гамлета (находящегося не в ладах с действительностью) и Ромео (столь погруженного в мечты, что он не замечает времени)...* (с. 9). Эта отсылка позволяет вспомнить Отелло, противопоставленного венецианскому обществу. То есть в пору считать, что не только Гамлет, но и все главные действующие лица «великих трагедий» характеризуются инаковостью, странностью, особостью личности. Однако Шекспир, досконально знавший законы сцены, предлагает не просто контраст положений быть и казаться, в его «Макбете» подчеркнута линия действий главного героя по наущению сестер, ведьм, которая держит в напряжении читателя/зрителя возможным выбором и противостоянием. Похожий сюжетный ход есть в трагедии «Отелло», где мавр безоговорочно верит Яго, провоцируя на вопрос: почему он не верит тем, кто ему дорог и кого он любит? Рус-

ский читатель может усмотреть в Макбете схожесть с чеховскими интеллигентами Платоновым и Ивановым, ибо и здесь окружение примеряет на этих персонажей «чужие одежды», предпочитая видеть в «избранниках» совсем другие порывы и действия, вынуждая поступать не согласно, а вопреки их собственным представлениям.

Обсудив перипетии судьбы Макбета, комментатор формульно определяет проблематику пьесы так: *Перед нами <...> подлинная трагедия, превратившая великого человека в великого злодея. С его смертью порядок восстановлен – злодей наказан, но невозможным человеческое величие, утраченное Макбетом* (с. 11). Отметим, что мера человеческого в причинах и следствиях поступков – это уже интеллектуальное и душевное усилие личности, осмыслившей горький опыт войн и событий XX века. Таким образом, перед нами – Шекспир наших дней.

Далее Л. Егорова избирает для повествования интересный ход: прибегнув к приему сжатой пружины (сказав о главном) и сделав небольшую паузу (упомянув об интересе к произведению на протяжении многих веков), она предлагает экскурс в историю интерпретаций великой трагедии. На первый взгляд, перед нами – хронологическая цепочка сценических и кинематографических воплощений пьесы, однако, здесь есть свои сквозные линии, из которых самая значимая, что естественно, линия Макбета. Когда-то литературовед Б. Бялик утверждал, что «Гамлет может быть разным, но не всяким», тем самым обращая внимание на границы интерпретации. Л. Егорова как исследователь выделяет основные типологические характеристики персонажа. Вот некоторые из них.

Верификационные, без которых его нельзя представить (с. 16–18):

- воин, бьющийся с упорством безнадежности до самого конца;

- человек, великий в своих возможностях, страстях, злодействах.

Вариативные, спорные (с. 16–36):

- скептик, задумавший провести кровавый эксперимент во имя самоутверждения, доказательства своей свободы от общепринятой морали;

- человек с хрупкой психикой и поэтической душой;

- человек, который звереет;

- герой с сильной волей, с непреодолимым честолюбием и властолюбием;

- посредственность, которого волна вынесла наверх.

Театр и кинематограф предлагали в пару Макбету хрупкую, пленительную, infernalную жену. По версии Анджея Вайды, это та женщина, чьи фантазии воплощает Макбет (с. 22). В исполнении русских актрис в героине подчеркивались контрастные состояния «хищной вдохновительницы» против «печальной королевы» (с. 35). На болезненность и слабоумие героини был сделан акцент в постановке Т. Чхеидзе 1994 года, где леди Макбет играла А. Фрейндлих (с. 37).

Интересна трактовка ряда режиссеров истории «Макбета» как истории взаимоотношения мужчины и

женщины (А. Вайда, Т. Чхеидзе, Р. Стуртуа). О трактовке Р. Стуртуа читаем: *Пьеса воспринималась как «кривое зеркало “Ромео и Джульетты”»: «весь мир против нас» веронских влюбленных превращался в «мы – против всего мира» изначально счастливой шотландской семьи* (с. 37). Но чаще всего режиссеры ставили пьесу, чтобы показать трагическое существование человека во время социальных потрясений. Действие интерпретаторы-режиссеры переносили в разные эпохи и страны: Первой мировой войны, гражданских междоусобиц Японии XVI века, американских гангстерских разборок и сталинского террора XX века.

В качестве наиболее сильного (шекспировского по сути) финала исследователь приводит описание эпизода из фильма Акиры Куросавы «Трон в крови» (1957): *...зло погибало не в столкновении с добром <...> но уничтожало себя. Васидзу (Макбет) терял контроль во время военного совета, когда в зал дворца врывались пронзительно кричавшие птицы: лес двинулся. Бегущих в панике ему удавалось остановить, но на свою погибель: в коллективном единстве воины опутывали тирана сетями выпущенных стрел, пока, наконец, он не переставал сопротивляться и не падал к их ногам* (с. 20).

Поскольку издание предлагает читателю три перевода «Макбета», в качестве еще одной композиционной части предисловия дан фрагмент о переводчиках, представивших «русского Шекспира». Увлечение английским драматургом в России совпало с началом эпохи романтизма, равно как и с цензурными запретами в эпоху Николая I на изображение цареубийства (с. 25). Первым переводчиком стал Андрей Тургенев, который дважды переводил пьесу (с. 22). В. Кюхельбекер работал над переводами пьес драматурга в Шлиссельбургской крепости и ссылке. Эти и другие факты подтверждают обязательный для всех русских переводчиков посыл – это не просто диалог с классиком, но всегда мотивированный личностный выбор. Неслучайно автор-составитель рецензируемого издания, обращаясь к биографиям переводчиков, уточняет, что Густав Шпет создает свой вариант трагедии, начав работать с редактурой текста С. Соловьева. В какой-то мере поэтическим состязанием можно считать и перевод Б. Пастернака, оппонирующего к М. Лозинскому: *...это единственное пособие для изучающего, не знающего по-английски, потому что полнее других дает понятие о внешнем виде подлинника и его словесном составе, являясь их послушным изображением* (с. 32).

Л. Егорова выполнила свою задачу составителя и комментатора, невзирая на кажущуюся необъятность и неподъемность материала, с увлечением находя оттенки и нюансы описания шекспировских страстей в русской и европейской традициях прочтения этого текста в разных жанрах – от трагедии, оперы до балета и современных «сновидческих фантазий», доказывая уже собственное высказывание: *Эта великая трагедия – и, как все великое, она выявляет нашу способность сопрягать крайности, объять необъятное* (с. 39).

На правах рекламы

Л.А. Берсенёва

кандидат филологических наук, доцент,
и.о. зав. кафедрой русского языка,
журналистики и теории коммуникации ВоГУ

УЧЕБНЫЕ КУРСЫ КОММУНИКАТИВНО-РЕЧЕВОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ КАК СРЕДСТВО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РЕЧЕВОГО РЕЖИМА УНИВЕРСИТЕТА

С принятием в 2012 г. Закона «Об образовании в Российской Федерации» началось введение федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования, в которых реализуется единый подход к подготовке бакалавров: в стандартах всех направлений подготовки приведен примерно одинаковый перечень общекультурных компетенций, которые должны быть сформированы в процессе освоения образовательной программы. Данный перечень требует обязательного изучения дисциплин гуманитарной, социально-экономической, естественно-научной направленности: истории, философии, социологии, правоведения, математики и т.д. В качестве одной из универсальных компетенций в ФГОС ВО заявлена «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языке для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия». Формирование этой компетенции, очевидно, должны обеспечивать дисциплины «Иностранный язык» и «Русский язык». Поскольку формирование образовательных программ и составление учебных планов находятся в ведении вуза, разработчики ОПОП самостоятельно определяют перечень необходимых для реализации ФГОС дисциплин, закрепление за ними определенных компетенций, распределение часов аудиторной и самостоятельной работы. Если необходимость включения в учебные планы дисциплины «Иностранный язык» не подвергается сомнению, то с изучением русского языка в вузах сложилась несколько иная ситуация.

В последнее время даже развернулась дискуссия о необходимости продолжения освоения родного языка за пределами средней школы. Поспорили вице-премьер правительства О.Ю. Голодец и министр образования и науки О.Ю. Васильева. Вице-премьер отметила, что студенты знают русский язык по школьной программе и нет необходимости продолжать его изучение. Министр же на заседании Совета по русскому языку при правительстве РФ обозначила проблему: в региональных вузах предмет «Русский язык и культура речи» заменяют на часы иностранного языка, хотя изучение русского языка является обязательным – и, как сейчас принято писать в интернет-изданиях, «пригрозила» наказать ректоров таких вузов.

Чтобы разобраться в этой проблеме, давайте задумаемся, какого выпускника сегодня ждет работодатель, достаточно ли будет только профессиональных умений и навыков, чтобы выполнять трудовые функции? Результаты социологических исследований по-

казывают, что больший интерес для работодателей представляют такие качества потенциальных работников, как умение приобретать новые навыки, выполнять несколько видов работ, креативность, гибкое мышление, широкий кругозор, умение наладить контакт с коллегами и руководством. Все это подразумевает наличие коммуникативных навыков, ответственности, адекватной самооценки. Инженер, управленец, менеджер, педагог, обладающий необходимыми профессиональными знаниями, но имеющий скудный словарный запас, не способный подобрать адекватные средства для ясной передачи мысли и затрудняющийся грамотно изложить полученную информацию, бесспорно, проигрывает перед коллегами, которые получили достаточную языковую подготовку. Следовательно, современные студенты в процессе обучения, кроме приобретения профессиональных знаний, должны иметь возможность приобретать целый комплекс качеств, необходимых им в дальнейшей профессиональной и общественной жизни. В частности, особого внимания требует проблема развития навыков эффективной коммуникации, решение которой возможно только при изучении дисциплин речеведческой (лингвориторической) направленности: «Теория и практика речевой коммуникации», «Риторика», «Русский язык и культура речи» и т.п.

В рамках таких курсов осуществляется реализация лингвистической коммуникативной подготовки студентов: овладение культурой устной и письменной речи, умениями строить монолог и диалог, использовать средства различных функциональных стилей языка (научного, публицистического, делового, художественного).

На что обычно сетуют сегодня преподаватели нашего вуза, обсуждая учебную деятельность? В первую очередь, на низкий уровень грамотности, большое количество орфографических и пунктуационных ошибок в письменных работах. Во-вторых, на узкий кругозор, неумение и нежелание самостоятельно находить новую информацию, использовать справочные материалы, заниматься самообразованием. Наконец, на отсутствие навыков четко формулировать мысль, выстраивать межфразовые связи, соблюдать логику изложения. В результате чего в устном ответе или подготовленном студентом тексте нередко сложно уловить четкую коммуникативную установку.

Вот некоторые примеры, извлеченные нами из выпускных квалификационных работ бакалавров 2016 г.: *теоретическая база потребовала обращение к...; путешествия за границу становятся сложнее и*

дороже; **в последствии** принимаются стратегические и оперативные решения; **не смотря** на уменьшение влияния семьи в период взросления она остается важной референтной группой; кризис банкротства туроператоров заметно отразился на спросе; маркетинговые исследования должны быть направлены в одном из представленных направлений; леса используют в строительных работах, поступают в шахты (крепёжный лес), служит основным сырьём при производстве целлюлозы и бумаги. В этих предложениях допущены орфографические, речевые и грамматические ошибки, которые затрудняют восприятие текста.

С учетом требований ФГОС ВО, а также логики изучения языка в Вологодском государственном университете кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации разработала концепцию преподавания лингвориторических дисциплин.

Прежде всего, предусмотрено изучение нескольких аспектов: нормативного (знакомство с нормами устной и письменной речи), функционального (изучение особенностей различных стилей литературного языка, правил создания текста определенной стиливой направленности), коммуникативно-этического (работа с коммуникативными качествами речи, изучение основ теории коммуникации, красноречия, развитие коммуникативных способностей).

В ходе освоения дисциплин студент должен получить знания основных правил произношения, словоупотребления, грамматических, орфографических и пунктуационных норм, норм речевого поведения, способов и приемов отбора языкового материала в соответствии с различными видами речевого общения, правил составления документов, подготовки

научного текста; умение грамотно оформлять устное и письменное высказывание, исправлять речевые ошибки, работать со словарями и справочниками, применять средства языка в разных условиях общения в соответствии с поставленными целями и содержанием высказываний, пользоваться словарями и справочниками; владение нормами речевого этикета, навыками подготовки текстовых документов. Формирование соответствующей компетенции целесообразно осуществлять через такие образовательные технологии, как тренинг, практикум по анализу текста, деловая игра.

В настоящее время количество аудиторной нагрузки, отведенной на изучение речеведческих дисциплин, на большинстве факультетов ограничивается 32–40 часами. Для усиления языковой подготовки на профилях направления «Педагогическое образование» была дополнительно введена дисциплина «Педагогическая риторика», предложен общий курс по выбору «Теория и практика речевой коммуникации», который неизменно вызывает интерес студентов всех факультетов Педагогического института. Преподавание дисциплин ведется только в форме практических занятий, при этом основной вид образовательных технологий – тренинг, отработка речевых навыков. Опыт работы, результаты интернет-экзамена по дисциплине «Культура речи» показывают, что избранная стратегия оправдывает себя и дает хорошие результаты.

Кафедра русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ приглашает к сотрудничеству все факультеты университета и надеется, что учебные курсы коммуникативно-речевой проблематики смогут стать весьма действенным средством совершенствования речевого режима университета.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баранов Сергей Юрьевич

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой литературы ВоГУ
sb.corde@mail.ru

Безнин Михаил Алексеевич

доктор исторических наук, профессор, зам. директора по научной работе Педагогического института ВоГУ, зав. кафедрой отечественной истории ВоГУ
beznin@uni-vologda.ac.ru

Берсенёва Лилия Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, зам. директора по учебно-воспитательной работе Педагогического института ВоГУ, и.о. зав. кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
tiramisu@bk.ru

Ганичева Светлана Алексеевна

младший научный сотрудник Института русского языка РАН
sganicheva@mail.ru

Гузакова Ольга Леонидовна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин ВоГУ
oguzakova@mail.ru

Дёмин Илья Вячеславович

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории Самарского национального исследовательского университета им. академика С.П. Королёва
ilyadem83@yandex.ru

Димони Татьяна Михайловна

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории ВоГУ
dimonitm@yandex.ru

Драчёва Юлия Николаевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
yulia.dracheva@mail.ru

Егорова Людмила Владимировна

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка ВоГУ
lveg@yandex.ru

Зубова Нина Николаевна

соискатель кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ, специалист по работе с молодежью Центра воспитательной работы и молодежной политики ВоГУ
nina.karacheva1991@mail.ru

Ильина Елена Николаевна

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
filfak@list.ru

Кедров Николай Геннадьевич

кандидат исторических наук, научный сотрудник при кафедре отечественной истории ВоГУ
nk149@yandex.ru

Красильников Роман Леонидович

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории, истории культур и этнологии Педагогического института ВоГУ
krasilnikov.rl@gmail.com

Кузьмичёва Анастасия Евгеньевна

ассистент кафедры иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, соискатель кафедры истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
aekuzmicheva@gmail.com

Леханова Ольга Леонидовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дефектологического образования Института педагогики и психологии Череповецкого государственного университета
phalene@inbox.ru

Мельникова Наталия Георгиевна

кандидат филологических наук, зав. редакцией Череповецкого государственного университета
mihovang@yandex.ru

Никитин Олег Викторович

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русского языка и общего языкознания факультета русской филологии Историко-филологического института Московского государственного областного университета
olnikitin@yandex.ru

Нуралиева Лола Акбаровна

магистр языкового образования, старший лаборант кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ
lolanuralieva@yandex.ru

Петелин Борис Валентинович

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Гуманитарного института Череповецкого государственного университета
pbwtscherepowez@mail.ru

Погожев Сергей Эверестович

кандидат физико-математических наук, доцент, зав. кафедрой физики и методики преподавания физики ВоГУ
kaffiz@mh.vstu.edu.ru

Праг Валерий Александрович

кандидат педагогических наук, доцент, декан факультета прикладной математики, компьютерных технологий и физики ВоГУ
fizmat@mh.vstu.edu.ru

Пчелинцев Антон Игоревич

научный сотрудник лаборатории теоретико-методологических проблем исторического образования исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
empire1721@rambler.ru

Розанов Юрий Владимирович

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы ВоГУ
rosanov007@gmail.com

Селина Александра Владиславовна

магистрант кафедры дефектологического образования Института педагогики и психологии Череповецкого государственного университета
phalene@inbox.ru

Терещук Андрей Андреевич

аспирант филологического факультета Университета Барселоны (Барселона, Испания)
atereste10@alumnus.ub.edu

Третьякова Ольга Валентиновна

кандидат филологических наук, зав. отделом редакционно-издательской деятельности и научно-информационного обеспечения Института социально-экономического развития территорий РАН
olga.tretyackova@yandex.ru

Цыплёнок Нина Алексеевна

доцент кафедры математики и методики преподавания математики ВоГУ
kafmat@mh.vstu.edu.ru

Якимова Елена Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры физики и методики преподавания физики ВоГУ
voro@inbox.ru

Якушева Людмила Алентиновна

кандидат культурологии, доцент кафедры теории, истории культур и этнологии ВоГУ
kafticie@mh.vstu.edu.ru

Ястреб Наталья Андреевна

кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии ВоГУ
nayastreb@mail.ru

Научное издание

ВЕСТНИК ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Подписано в печать 13.02.2017. Формат 60 х 84/8.
Усл. п. л. 15. Тираж 1000 экз. (Первый оттиск 100 экз.) Заказ № .

160000, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, ВоГУ.
Отпечатано: ИП Киселев А.В.
160000, г. Вологда, Пошехонское шоссе, д. 18, корпус Н.